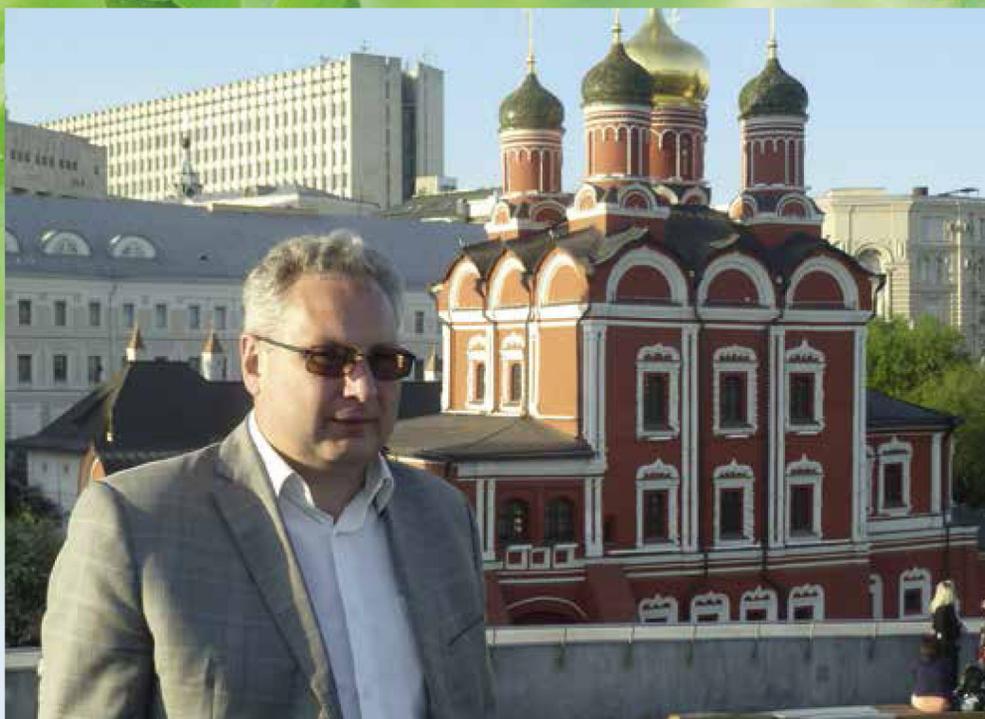

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторически журнал № 7 (22)
июль, 2018

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами июльский номер литературно-исторического журнала «Александръ». Открывает издание статья члена редколлегии нашего журнала, известного русского писателя Юрия Полякова «Желание быть русским», название которой говорит само за себя, поднимая злободневную тему национального самосознания.

Поэзия представлена яркими произведениями Константина Беляева, Веры Беляевой, Елены Косолаповой и молодой дебютантки Елены Захаровой.

Секреты мастерства написания портретов раскрывает Надежда Вахмистрова в эссе «275-летию со дня рождения Е. Р. Дашковой посвящается», в котором подробно рассказывается о тонкостях изобразительного искусства, позволяющих описать характер главной героини, а также причины выбора композиционного решения, которое соответствовало бы канонам парадного портрета XVIII века.

Представлены в журнале и авторы, давно сотрудничающие с журналом, такие как Александр Сухачёв, Николай Чербаев и, конечно же, известный тамбовский писатель, член редколлегии журнала Валентина Дорожкина.

В целом в этом номере мы постарались разместить наибольшее количество произведений самых разных жанров, которые будут интересны широкому кругу читателей.

*С искренним уважением,
директор и главный редактор
Анатолий ТРУБА*

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Рад приветствовать вас на страницах литературно-исторического журнала «Александръ».

Тамбовщина подарила миру многих замечательных людей. И издание, которое вы сейчас держите в руках, призвано выполнить важнейшую миссию – рассказать о лучших людях региона, важнейших событиях – прошедших или только предстоящих. Авторы этих уникальных материалов – начинающие и уже состоявшиеся писатели, поэты, краеведы, историки... Палитра тем и направлений журнала широкая и многоцветная, но неизменно одно – вместе они пишут летопись нашей родной Тамбовской области, а значит, делают сильнее духовные скрепы, которые нас всех объединяют.

Сегодня мне приходится много времени проводить в Москве, но малая родина мне дорога особенно. Это Мичуринская земля – родина моих родителей, место, где прошли мои студенческие годы, где я работаю и живу много лет.

Мой отец Алексей Васильевич тоже всю свою жизнь посвятил родному краю – развитию аграрной сферы. Отец во многом сформировал меня как человека, как личность. Он воевал на фронтах Великой Отечественной, был ранен. После войны окончил Плодоовощной институт имени И. В. Мичурина, в дальнейшем получил звание заслуженного работника сельского хозяйства и всю жизнь личным примером показывал мне, как нужно жить и трудиться. Я помню! Я горжусь!

И сегодня, выступая, на страницах журнала «Александръ», выражаю благодарность членам его редакционной коллегии за значительный вклад в развитие патриотизма, укрепление культурно-нравственных ценностей, воспитание любви к малой родине, признательность за упрочение духовных скреп. Желаю авторам и читателям мира, добра, благополучия, успехов!

Александр ПОЛЯКОВ,
депутат Государственной Думы
Российской Федерации

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,
член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Редколлегия:

шеф-редактор А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Е. В. БАРАБАНЩИКОВ (п. Первомайский), IT-дизайнер, оформитель, поэт;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

А. И. НОВИКОВ (Екатеринбург), член Союза писателей России;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член гильдии театральные менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

В. Е. СОЛОВЬЁВ (Тамбов), председатель ТО Союза художников России;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 7 (22), июль 2018 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, верстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 02.07.2018

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.
E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

- 4** Юрий Поляков.
Желание быть русским

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

- 8** Татьяна Хлебянкина.
Рядовые Завьяловы: 75 лет
тому назад...

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

- 11** Константин Емельянов.
Предчувствие

ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ

- 14** Владимир Газетов,
Максим Ветров. Почётная стража
русских императоров

ИСКУССТВО

- 20** Надежда Вахмистрова.
275-летию со дня рождения
Е. Р. Дашковой посвящается

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 22** Борис Бояршинов.
За Рязань обидно

ЗАПОВЕДНОЕ

- 27** Игорь Мартынов.
«Береги семью свою. Служи ей
примером»

РОДНОЕ

- 33** Валентина Дорожкина.
Зов малой родины
- 37** Тонкий лирик и острый сатирик

ПОЭЗИЯ

- 40** Вера Беляева. Родная земля

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

- 42** Александр Сухачёв.
Время – честный человек

ДЕБЮТ

- 50** Елена Захарова.
И Лермонтов был жив...
- 52** Елена Косолапова.
Таблетка от любви

ЭТО ИНТЕРЕСНО

- 55** Елена Бояршинова.
Заговор КГБ в Сан-Себастьяне

ТЕАТР

- 60** Роман Леонов. «Ужин дураков»

ТАЛАНТЫ

- 61** Дмитрий Бестолков.
«Стих – состояние души»

ПРОЗА

- 64** Лев Ильин. Букет сирени
- 69** Чудак

МАЛАЯ РОДИНА

- 76** Николай Чербаев.
Грибной дождь
- 78** Федосеич

МЫСЛИ О НАСТОЯЩЕМ

- 85** Марк Некрасовский. Сепар

КЛАССНОЕ СОЧИНЕНИЕ

- 89** Виктория Минаева. Парадокс

ДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ

- 91** Шаги «Александра»

Илья Глазунов. «Вечная Россия»

Юрий ПОЛЯКОВ
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ РУССКИМ

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ Я ВСЁ ЧАЩЕ ЛОВЛЮ СЕБЯ НА ЖЕЛАНИИ БЫТЬ РУССКИМ. ВИДИМО, ЭТО ВОЗРАСТНОЕ, ПОЧЕМУ-ТО СВОЮ ПЛЕМЕННОЮ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ МЫ ОСТРЕЕ ЧУВСТВУЕМ НА ЗАКАТЕ ЖИЗНИ. НО ВОЗМОЖНО И ДРУГОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ: ЭТНОС – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ, У НЕГО ТОЖЕ ЕСТЬ ВОЗРАСТНЫЕ ФАЗЫ, НЕДУГИ, ПРИЛИВЫ СИЛ И ПРИСТУПЫ БЛЕДНОЙ НЕМОЧИ, ЕСТЬ НЕКИЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ. ЧЕЛОВЕК СВЯЗАН СО СВОИМ НАРОДОМ НЕ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ ЯЗЫК, ОБРЯДЫ, ОБЫЧАИ, «ВМЕЩАЮЩИЙ ЛАНДШАФТ», ИСТОРИЮ, КУЛЬТУРУ... МНЕ КАЖЕТСЯ, ЕСТЬ ЕЩЁ И ТАЙНЫЕ, НЕ ИЗУЧЕННЫЕ ПОКА БИОЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ УЗЫ, СОЕДИНЯЮЩИЕ НАС. ИНОЙ СПЕЦИАЛИСТ НАЗОВЁТ ЭТО ПРИМОРДИАЛЬНОЙ ЧЕПУХОЙ. ВОЛЬНО Ж ЕМУ: ГЕНЕТИКУ ТОЖЕ СЧИТАЛИ ОДНО ВРЕМЯ «ПРОДАЖНОЙ ДЕВКОЙ ИМПЕРИАЛИЗМА», А ТЕПЕРЬ МОЖНО СДАТЬ ЗАЩЁЧНЫЙ СОСКОБ НА ДНК-АНАЛИЗ И ВЫЯСНИТЬ ПУТИ-ПЕРЕПУТЬЯ СВОЕГО РОДА, НАЧИНАЯ ЧУТЬ ЛИ НЕ С ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА.

Впрочем, поэты всегда чувствовали эту связь. Помните, у Андрея Вознесенского:

*Россия, я – твой капиллярный сосудик,
Мне больно когда – тебе больно, Россия.*

Как и большинство «шестидесятников», автор «Треугольной груши» был озабочен тем, чтобы его личной, частной боли сочувствовал весь народ, большая страна. Но достаточно поставить знак препинания в другом месте («Мне больно – когда тебе больно, Россия») – и речь уже о том, что «капиллярный сосудик» тоже чувствует недуг всего организма. Возможно, моё обострённое желание быть русским отражает «нестроение во всём народном теле», как говаривали в XIX веке.

людей принадлежать к тому или иному этносу начинается исчезновение народа. В нашем случае – русского. Именно на этом построенная политика украинизации. Но мы говорим о России.

«А кто, собственно, вам мешает быть русским?» – строго спросит читатель, чуждый племенной романтики. Верно: по умолчанию слыть и быть русским мне никто не мешает. А во всеулышание? Пожалуй, тоже не препятствуют, но и не поощряют. Помогает ли мне кто-нибудь быть русским? Вот уж точно – не помогает. А разве должны? По-моему, даже обязаны: чем меньше в стране будет граждан, ощущающих себя русскими, тем больше вероятность того, что Российская Федерация разделит судьбу Советского Союза. Если бы в

ВСЯКИЙ РАЗ, КОГДА МОЙ ЛЮБИМЫЙ ТЕЛЕВЕДУЩИЙ ВЛАДИМИР СОЛОВЬЁВ В ЭФИРЕ С ГОРДОСТЬЮ НАПОМИНАЕТ МИЛЛИОНАМ ЗРИТЕЛЕЙ ПРО ТО, ЧТО ОН ЕВРЕЙ, МНЕ ХОЧЕТСЯ ВСТАВИТЬ ДЛЯ ПОЛНОТЫ КАРТИНЫ: «А Я ВОТ, ЗНАЕТЕ ЛИ, РУССКИЙ!»

Речь не о зове крови, хотя она тоже, как известно, не водица. В нашем многоплеменном Отечестве русский – это тот, кто считает себя русским, не россиянином, а именно русским. Точнее, сначала русским, а потом россиянином. Ведь есть же граждане, которые считают себя сначала калмыками, вепсами, украинцами, немцами, евреями, грузинами, а потом уже россиянами или, в крайнем случае, гражданами РФ, что не одно и то же, о чём ещё поговорим. Этническая самоидентификация – категория тонкая: нажал и сломал. Она, подобно любви, не терпит навязывания. Русским, как и нерусским, никого нельзя назначить или обязать быть. Можно пытаться. А толку? В основе этнического самоопределения желание человека принадлежать к данному народу, в нашем случае желание быть русским. Чем объясняется такое желание: генетикой, культурой, языком, комплексом причин – пусть разбираются специалисты. Нам важно другое: с нежелания или боязни

советских прибалтийских республиках было столько русских народных хоров, сколько было эстонских, литовских и латышских, судьба этого региона могла бы сложиться иначе. И во поле под берёзонькой там не стояла бы теперь натовская техника.

Тема, за которую я взялся, щекотливая, и, поверьте, рассуждая о «национальной гордости великороссов», я не хочу огорчить ни один из существ в Отечестве «языков». Но если проблема существует, о ней надо говорить, «разминать», иначе она сомнёт нас, что уже и случилось в нашей истории, густо замешанной на межплеменных коллизиях.

Всякий раз, когда мой любимый телеведущий Владимир Соловьёв в эфире с гордостью напоминает миллионам зрителей про то, что он еврей, мне хочется вставить для полноты картины: «А я вот, знаете ли, русский!» Но даже стоя рядом с ним в студии, я этого не делаю. Боюсь? А чего мне бояться в 63 года? Смерти? Но она придёт по расписанию, кото-

рого мы просто не знаем. Лучше буду бояться поздней роковой любви. Один раз выручил Жириновский. Когда на меня за какое-то «неформатное» высказывание нажали почти все участники телешоу, Вольфых остудил их пыл: «Вы его, Полякова, не очень-то. Он тут у нас в студии один русский... писатель». Как говорили во времена моей литературной молодости, в каждой шутке есть доля шутки. Увы, мы, русские, государствообразующий, но явно не эфиробразующий народ в Отечестве. Почему? Так сложилось...

Странно сказать, но в России русским во всеулышание быть как-то неловко. Дома – пожалуйста, а вот на работе или в эфире не то чтобы нельзя – можно, но как-то неинтеллигентно, что ли... Вы хоть раз слышали, чтобы Путин сказал: «Я русский»? Конечно, тут есть деликатный момент: он президент многонационального государства, и выпячивать свою этничность ему не совсем корректно. Медведеву, кстати, тоже. Он и не выпячивает. А вот Кеннеди любил вспоминать свою ирландскую кровь. Впрочем, его потом застрелили. Сталин же, обожая кавказскую малую родину, морщился, если ему напоминали, что он грузин. Троцкий, тот просто приходил в ярость, когда кто-то заикался, что он Бронштейн. Троцкий – фамилия, кстати, дворянская. Однажды к нему, второму человеку в молодой советской республике, пришла делегация сионских мудрецов и стала просить, чтобы поубавил террор и реквизиции, мол, это и по евреям сильно ударяет. Демон революции ответил, что он по национальности интернационалист и частными вопросами не занимается. Кстати, я в молодости, работая в Бауманском РК ВЛКСМ, застал «комсомольцев 1920-х», искренне считавших себя интернационалистами по «пятому пункту». Странно, но дети и внуки многих из них в 1980-е уехали на ПМЖ на историческую родину. Видимо, «интернационализм» половым путём не передаётся.

Но вернёмся к главной теме нашего разговора. Так в чём же дело? Почему я, чувствуя себя русским, испытываю некий дискомфорт в России, как, впрочем, и многие мои сооте-

чественники? Поверьте, прежде чем усесться за эти заметки, я долго колебался, мол, стоит ли так подставляться? В нашей стране «русская тема» в открытой публицистике если и не запретная, то небезопасная: тронув её, легко прослыть русским националистом, а это совсем не то, что литовский или грузинский националист. В нашем языке слово «националист» в отличие от английского имеет отчётливо отрицательную, как сказали бы специалисты, коннотацию. А сочетание «русский националист» – это вообще ярлык, который по опасности приближается к жёлтой звезде времён фашистской оккупации. После публикации этих заметок, полагаю, меня выставят вон из многих престижных общественных органов, из того же Совета по культуре и искусству при президенте. Жаль, конечно, но судьба Отечества важнее, а она напрямую зависит от русского вопроса.

Теперь обратимся к истории. Бывая на Маросейке, где родился, я прохожу мимо доходного дома, выстроенного в начале XX века, и всякий раз мне бросается в глаза табличка: «В память о тех, кто из этого дома ушёл и не вернулся. 1932–1937. 1941–1945». Со второй парой дат всё ясно – священная война. А вот первая озадачивает. Разве те, кого увели из этого дома с 1917-го по 1932-й, не в счёт? Их не жалко? А ведь те, кто «ушёл и не вернулся в 1932–1937», заселился в квартиры тех, кого увели в 1917–1931 годы. Первопрестольная перед революцией была не такая многоплеменная, как ныне, и выходит, речь идёт в основном о русской элите: инженерах, учёных, педагогах, деятелях культуры, чиновниках, присяжных поверенных, купцах, населявших богатый дом, высоко вознёсшийся над двухэтажной посленаполеоновской застройкой. Правда же странная мемориальная избирательность? И вывод напрашивается интересный. Оказывается, в головах людей, сегодня живущих в этом престижном доме, витает мысль: революция 1917-го – дело, в сущности, хорошее, если бы потом не случились 1930-е годы. Увы, этот странный факт тоже имеет отношение к заявленной автором теме. Но об этом ниже.

Думаю, я уже насторожил тех, кто испытывает трудности с самоидентификацией или же признаёт право на обострённое национальное чувство только за своим племенем. Не волнуйтесь, друзья, автор – не русский националист, а скорее русский заботник – есть у Даля такое хорошее словцо. И заметки эти написаны именно с позиций русского заботника. Поверьте, таких заботников немало по всей стране и за рубежами. Я, к вашему сведению, прилежно выполняю совет Гоголя литераторам – «проездиться по России». Недавно, кстати, на Всемирном конгрессе русской прессы в Минске (для Николая Васильевича это была тоже, извините, Россия, точнее Российская империя) одна журналистка, лет двадцать назад вышедшая замуж в Канаду, задумчиво заметила: «Странно, но здесь с трибуны почти не звучит слово «русский», разве только с иронией...» Почему желание быть, называться русским вызывает иронию, сарказм, а иногда и раздражение? Почему мы должны быть русскими по умолчанию?

Что с нами не так? Мы древний, героический, более того – государствообразующий народ Отечества. Русские оставили в мировой истории грандиозный след. Задаться в эфире вопросом «Кто такие русские и есть ли вообще такой народ?» может разве что телевизионная дура, которой мышцы, ворочающие языком, давно и окончательно заменили мозг. Серьёзные люди, принадлежащие к иному роду-племени, такого себе никогда не позволят, но и они напрягаются, слышав «русскую тематику». Отчего? Почему озабоченность русского человека судьбой своего народа режет слух? Ведь мне же не режет слух, если, скажем, якут тревожится о сохранении своего языка, обычаев, генофонда, наконец. Я рад, если, допустим, человек, чьи предки сто лет назад вышли из Эривани, живёт в Москве, говорит только по-русски, но продолжает считать себя армянином. Эта верность своему роду-племени может вызывать только уважение.

Но едва заходит речь о проблемах именно русского, а не российского народа, в глазах много «нетитульного» компатриота загорают-

ся тревога: а я как же? С ближними соседями совсем беда. Того же латыша, к примеру, начинает бить озноб, как будто слово «русский» – это «сигнальная ракета», следом за которой через границу пойдут танки. С чего это вдруг? Мы – не вы. У нас никогда правящий класс не был однородным по крови, наоборот, периодически возникали недовольства обилием «неруси» вокруг престола или политбюро. Одна из претензий декабристов к правящей династии заключалась в том, что она «немецкая». Но об этом вспоминать не политкорректно. В России никогда, с призвания Рюриковичей, не было этнократического государства, как сейчас в Латвии. При советской власти никто не искоренял латышский язык, наоборот, развивали, как умели, а умели мы это лучше, чем шведы и немцы, владевшие этой землёй прежде. И вот русский язык теперь в Латвии изводят, хотя он родной для половины населения миниатюрной державы. Откуда такой алармизм, такая реакция на всё русское? Что с нами не так? Почему межнациональная политика у нас и при царях, и при коммунистах, и сегодня замешана на некой странной «русобязни»?

Но об этом поговорим в следующей статье. А

РЯДОВЫЕ ЗАВЬЯЛОВЫ: 75 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД...

23 ФЕВРАЛЯ 1943 ГОДА...

«ЗА ВАНЮШКУ И ШУРКУ»

Неделю тому назад, в день памяти блаженной Ксении Петербургской, накануне празднования иконы Божией Матери «Утоли моя печали» (а в нашем Александро-Невском монастыре – престол!), обратилась ко мне добрая знакомая с просьбой помочь найти родственников тёти её матери, пропавших без вести совсем молодыми в начале Великой Отечественной войны... Двоюродных братьев матери давно нет в живых, но вот ей самой давно хотелось заняться их поиском, пусть и 75 лет спустя... Жаль только, что она мало о них знает... Только фамилию – Завьяловы – и имена – Иван и Александр, а родом они вро-

де из деревни Бородино... Тревожно забилося моё сердце: ведь и моего дядю, не пришедшего с войны, звали Иваном, а отца, инвалида Великой Отечественной войны, – Александром... Как тут не попробовать помочь?.. Тем более наш монастырь-то назван в честь воина земли Русской, святого благоверного великого князя Александра Невского... Я взяла Книги Памяти погибших, умерших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов уроженцев Московской области (т. 4, ч. 2, и т. 29, ч. 1), где есть сведения по Талдомскому району... Только у двоих Завьяловых имена и отчества совпали с искомыми, а вот местом рождения оказалась деревня Б. Семёновское. Оба пропали без ве-

сти почти 20-летними: старший, Александр, в июле 1941-го, а младший, Иван, в марте 1943-го у деревни Язвы Старорусского района Новгородской области. Я открыла сайт ОБД «Мемориал» и решила сначала заняться поиском Ивана, затем прочитала о нём на сайтах «Подвиг народа» и «Память народа». Выяснилось, что первый раз он пропал без вести 16–20 апреля 1942 года (похоже, был ранен). А призван Талдомским РВК в сентябре 1941-го (вскоре после того, как пропал старший брат, – как раз в сентябре появилось донесение о потерях)...

Начал **Иван Завьялов** сражаться на Северо-Западном фронте 11-й армии в УР-90 (укреплённый район Ловатский, Ленинградская область, ныне Старорусский район Новгородской области) близ ст. Рамушево, у реки Ловать и болота Сучан, где вместе с ним были занесены в списки пропавших без вести в 363-м отдельном пулемётном батальоне 168 человек, а всего в трёх батальонах пропало 276 человек в апреле 1942-го... После возвращения из госпиталя продолжал сражаться... Из его наградного листа: «Ф.и.о. Завьялов Иван Егорович. Звание красноармеец. Должность Номерной ПТ ружья 9-го Отдельного Истребительного Противотанкового Артиллерийского Дивизиона 188 сд. Член ВЛКСМ. В Отечественной войне с 8.3.1942 года. Имеет одно ранение. В Красной Армии с 9.1941 года. Призван Талдомским РВК.

Краткое изложение личного боевого подвига... В боях за нашу Родину против немецких оккупантов т. Завьялов проявил стойкость и мужество. 23 февраля с.г. в боях под Ново-Рамушево, работая связным командира роты, все донесения и распоряжения под сильным ружейно-пулемётным и артиллерийско-миномётным огнём противника доставлял быстро и своевременно. Кроме того, тов. Завьялов из-под губительного огня противника вынес с поля боя 6 тяжело раненных красноармейцев с их оружием и 5 ПТ ружей, которые были оставлены на поле боя по случаю вывода из строя расчётов. Достоин правительственной награды медали "За боевые заслуги". Командир 9 оипад капитан А. Ки-

сель. 10.3.43 год». Но вскоре, 16 марта 1943 года, Иван Завьялов пропал без вести в районе д. Язвы. В этот же день был убит в бою, тоже в районе д. Язвы, его заместитель командира роты ПТР, старший лейтенант Василий Никифорович Максименко, 1905 года рождения, родом из Херсонского района Николаевской области, и похоронен на братском кладбище в районе д. Язвы. На другой день пропал без вести рядом, в районе д. Горуша, красноармеец, орудийный номер Иван Трофимович Фёдоров, 1909 года рождения, родом из Рязанской области, – все они из 9-го оиптад. Извещение на Ивана было отправлено в д. Бородино, где жила его мать, Фаина Захаровна Завьялова... Потом она рассказывала родным, что получала пособия за погибших сыновей Ванюшку и Шурку...

Александр Егорович Завьялов, 1920 года рождения, был призван Талдомским РВК ещё до войны, в 1940-м. Попал служить на Украину, в железнодорожные войска рядом с границей, в 4-ю ж.-д. бригаду особого корпуса железнодорожных войск РККА, в 85-й отдельный строительно-путевой ж.-д. батальон. Из донесения № 530 от 17.09.1941 следует, что потери 4-й ж.-д. бригады Юго-Западного фронта составили 1075 человек, причём большинство пропали без вести, за редким исключением: красноармеец-путеец Дмитрий Гаврилович Ефимов убит при бомбардировке г. Львова противником 23.06.41, а Х.С. Сабитов при налёте самолёта противника убит пулемётным огнём 25.06.41 – это в других подразделениях. А вот в 85-м осп ж.-д. батальоне служили 10 человек, призванных Талдомским РВК в 1940 году. Лишь один из них оказался болен и был направлен в госпиталь – Василий Иванович Голубев (впоследствии погиб), а остальные пропали без вести, как и А. Е. Завьялов, 10 июля 1941 года.

Вот их имена:

Медведев Николай Николаевич, д. Аймусово;
Липатов Николай Сергеевич, д. Вотря;
Сорокин Алексей Фёдорович, д. Нушполы;
Синицын Иван Григорьевич, д. Павловская;
Лаврентьев Николай Кондратович, Саратовская область;

Новиков Алексей Андреевич, Тамбовская область, а брат его проживал в Воронежской области;

Егоров Иван Фёдорович – отец его жил в д. Ахтимнеево (в Книге Памяти есть сведения, что он погиб в бою позже – 13 декабря 1943 года, похоронен на Украине, в Житомире).

Уцелел лишь один красноармеец – Василий Васильевич Кринкин, который, по сведениям учётной карточки шталага 307, попал в плен 7 июля 1941 года в районе станции Шепетовка. Мать его, Дарья Кринкина, жила в д. Смёнки. К сожалению, о нём нам мало что известно, кроме того, что после войны он вернулся домой, а умер примерно в 1985 году...

Три лейтенанта, командиры взводов, тоже остались живы, а не пропали без вести в 1941-м... Один, Иван Никифорович Лихогод (1914 – 16.01.1944), попал в плен, а затем – в штрафбат и был убит и похоронен в д. Шкаровка Белоцерковского района Киевской области. Другой, Тимофей Арсентьевич Мамаев, 1906 г. р., стал капитаном, был награждён

медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» в 1945-м. Третий, Иван Лукьянович Обищенко, 1919 г. р., был награждён двумя орденами Красной Звезды в апреле и мае 1945-го, воевал в составе 1-го Украинского фронта на территории Германии начальником инженерной службы 2-го мотострелкового батальона 12-й гвардейской механизированной бригады...

И ещё один солдат уцелел – Геннадий Савельевич Корепанов, младший сержант, командир отделения, 1918 года рождения, родом из Удмуртской АССР. В роковой день 10 июля 1941 года, когда почти 270 бойцов пропали без вести, он был ранен и направлен в госпиталь. А уже после войны, в 1985 году, был награждён орденом Отечественной войны 1-й степени.

Надеемся, что откликнутся родственники павших и выживших солдат и мы вместе найдём следы наших героев. Никто не забыт, ничто не забыто! **A**

Татьяна ХЛЕБЯНКИНА,
г. Талдом

Я ЛЮБЛЮ РОССИЮ ДО СМЕРТИ

Россия – Александры да Иваны,
Есть множество священнейших имён...
Марии, Анны, Ольги и Татьяны,
Я к вам спешу сегодня на поклон:
К могиле Неизвестного солдата,
Ко храмам рядом с башнями Кремля...
И осеняет кротко нас и свято
Земля родная, русская, моя...
Вот скачет воин на коне, Георгий,
И за собой ведёт в извечный бой
За Русь, за мир без выстрелов и оргий,
Коль надо – мы пожертвуем собой!
Так поступали русские солдаты,
По всей Европе гордо прошагав...
Чем могут нам помочь сегодня Штаты,
Полсвета не единожды предав?!
Пусть знают: живы Марьи да Иваны,
Не спят на страже братья-казаки...
Россия, Русь восходит из тумана,
И крылья журавлей её легки.

Константин ЕМЕЛЬЯНОВ,
Александрия, штат Вирджиния, США

Родился в г. Алматы, Казахстан, в 1966 году.
Окончил факультет журналистики Казахского университета в 1989 году.

Стихи печатались в журналах и альманахах «Кольцо А», «День и ночь», «Северо-Муйские огни», «Камертон», «45-я параллель», «День литературы», «Огни над Бией», «Новый континент» и других изданиях России, США и Германии.

Предчувствие

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Какие-то чашки, какие-то блюда,
Какие-то люди, сидящие рядом...
А завтра мы можем вдруг все не проснуться,
Накрытые мощным ракетным снарядам.
Какие-то тени, какие-то стены,
Какая-то люстра над головою...
А ночью проснёмся от воя сирены,
И окна расплющит горячей волною.
Какие-то звуки: то громче, то тише,
И вечер осенний прохладен и светел...
А завтра от взрыва проломится крыша,
И вместо дождя на нас выпадет пепел.
Меня окружают какие-то лица –
Они про любовь говорят и про дружбу.
Но если плохое вдруг завтра случится,

Скажите, кому это всё было нужно?
Какие-то люди копают подвалы
И прячут еду, забывая про отдых.
А завтра они из-под свежих завалов
Глотать будут чёрный, отравленный воздух.
Какие-то дети кричат и смеются,
Какое-то солнце на крыше алеет...
Но завтра мы можем совсем не проснуться,
А тот, кто проснулся, потом пожалеет.

* * *

Наши женщины не виноваты,
Что у нас тяжёлая рука.
Аты-баты, шли домой солдаты
Вегетарианского полка.
Каждой женщине дадим по мужу,

Мира за окном и тишины!
 (Если всё ещё кому-то нужен
 Ветеран трансгендерной войны.)
 Стол накрыт, в графине стынет водка
 В день, когда разбиты все враги.
 А у женщин лёгкая походка
 И свинцом налитые шаги...

* * *

Сигареты, наркотики, алкоголь
 Помогают мне позабыть про боль,
 Помогают мне потерять контроль,
 Хотя стоят, увы, много денег.
 Сигареты, наркотики, алкоголь.
 У заветной двери назову пароль.
 Был когда-то я в этом полный ноль,
 А теперь почти академик.
 Я сижу в подвале в одежде сырой.
 Здесь меня не ждали, здесь я чужой.
 Я устал давно и хочу домой,
 Но не здесь, не сейчас и не с ними!
 Ты сидишь на диване в квартире пустой,
 За окном полицейской сирены вой.
 И ещё ты слышишь: в тиши ночной
 Кто-то громко зовёт твоё имя.
 Омывает мозги шальная волна,
 Между нами идёт мировая война.
 И надежда уходит с остатками сна,
 Да стучится в окно злое утро.
 Всё, что было меж нами, сгорело дотла,
 От него осталась одна зола.
 И остывших объятий былого тепла
 Никакая не даст камасутра.
 Голова гудит, как в пушке снаряд,
 Всё, что было меж нами, – было зря.
 И чем ярче рассвет, тем мутнее взгляд,
 И пора уже ставить точку.
 Сигареты, наркотики, алкоголь
 Притупляют чувства и гасят боль,
 Но в конце концов (и в этом вся соль)
 Лишь дают небольшую отсрочку...

КАК МОЖНО УСТАТЬ ОТ ЛЮБВИ?

Как можно устать от любви?
 Её ты своей назови
 На лавочке посреди двора
 Часа так в четыре утра,
 Хотя расставаться пора.
 Но шепчешь на ушко слова,
 Простые, как все дважды два.
 Как можно устать от любви?
 Слова вспоминаю твои,
 Когда на работу иду,
 Но вечера радостно жду:
 Где спрячу, там и найду.
 И занят опять телефон,
 Да свадьбы отчётливей звон.
 Как можно устать от любви?
 Настойка из слёз на крови,
 Бессонных, тревожных ночей,
 Микстур, поликлиник, врачей,
 Игрушек, футбольных мячей,
 Надежд, чтобы всё хорошо,
 И криков, что папа пришёл.
 Как можно устать от любви?
 Не думай, а просто живи:
 Они улетят из гнезда
 Затем, чтоб экспресс-поезда
 Умчали их ночью куда-
 Нибудь вдаль, а потом
 Останется фотоальбом.
 ...Устанешь ли ты от любви?
 Не бойся, не плачь, не зови.
 Когда в одиночество врос,
 Смешной и понятливый пёс
 Совать будет мокрый свой нос
 В минуты и годы твои,
 Как можно устать от любви?

ХЭЛЛОУИН

Фредди Крюгер в дверь постучал...
 Острым ногтём.
 Джейсон Вурхиз плечами пожал,
 Мол, я ни при чём!
 Майкл Майерс мне говорит
 (Лет так семь или восемь на вид):
 – Трик ор трит! Твой счётчик
 Включён!
 И пошла по дворам малышня
 Взад-вперёд,
 Только мысль всё гложет меня,
 Не уйдёт:
 В той далёкой, забытой стране,
 Где так мало годков было мне,
 Как бы я напугал в эту ночь
 Народ?
 Я оделся б, как Вий
 (Кашей? Бармалей?) –
 Уж не помню, кто был страшной
 Для нас,
 Для детей.
 Может, чёртом оделся бы я,
 Но одобрит ли это семья?
 Да и кто, скажите, взаправду боится чертей?
 Ну открыл бы нам пьяный сосед,
 И как?
 – Кроме водки, сладостей нет, – скажет. –
 Голяк!
 Или выскочит дворник Ефим
 Да устроит всем Хэллоуин:
 По башке настучит и тем, и другим
 Просто так.
 Чем позднее час, тем громче крики
 Детей.
 Кое-кто по второму кругу пошёл –
 Злодей!
 Ну а я у порога стою,
 Да им сладости раздаю,
 Да мечтаю, чтоб вечер прошёл
 Поскорей!

КНИГА ЛЮБВИ СКУЧНА И БЕСКОНЕЧНА...

The Book of Love is long and boring.
Peter Gabriel

Когда придётся собирать осколки
 И рассказать истории свои,
 Я их поставлю в ряд на книжной полке,
 Две главных книги: Жизни и Любви.
 В Книгу Любви заглядываю редко,
 Она однообразна и скучна,
 Лежит в углу, как брошенная ветка,
 И не волнуют память имена...
 В ней письма, фотографии и даты,
 Обрывки старых песен, аниме.
 Есть клятвы те, что я давал когда-то,
 А есть и клятвы, что давались мне.
 В ней много иллюстраций и инструкций,
 И даже есть засохшие цветы,
 Фрагменты из каких-то репродукций,
 Но я люблю, когда читаешь ты.
 И только с полки ты её достанешь,
 Откроешь в середине, наугад,
 Начнёшь читать, пока вдруг не устанешь,
 А я уже, как тот ребёнок, рад,
 Когда ты водишь пальцем по страницам
 И загибаешь старые листы:
 Я вижу, как ожили чьи-то лица
 И как проснулись старые мечты!
 Книга Любви скучна и бесконечна,
 Она написана давным-давно.
 Всё то, что было, пусть и скоротечно,
 Она хранит, как древнее вино.
 И хочется всю жизнь начать сначала,
 Чтоб слышать голос и слова твои,
 И всё, что ты когда-то мне читала,
 Звучит как будто Книга о Любви. **▲**

Члены императорской фамилии в мундирах гвардейских полков.
Император Николай II в мундире Кавалергардского полка

ПОЧЁТНАЯ СТРАЖА РУССКИХ ИМПЕРАТОРОВ

НАДЁЖНОЙ ОПОРОЙ И ВЕРНЫМ ПОМОЩНИКОМ ГОСУДАРЯ ПЕТРА В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЕГО ПОИСТИНЕ ГРАНДИОЗНЫХ ПЛАНОВ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА В ДИНАМИЧНО РАЗВИВАЮЩУЮСЯ РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ СРАЗУ СТАНОВИТСЯ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ПОЛК. СОРАТНИКИ ПЕТРА, ОБЪЕДИНЁННЫЕ УЗАМИ ВОИНСКОГО ДОЛГА В ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЙСКИЙ ПОЛК ИМПЕРИИ, НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ ЯВЛЯЮТ СОБОЙ ИЗУМИТЕЛЬНЫЙ И НЕПРЕВЗОЙДЁННЫЙ ОБРАЗЕЦ ОТВАГИ И МУЖЕСТВА. НЕСГИБАЕМЫМ ХАРАКТЕРОМ ОНИ ОТЛИЧАЛИСЬ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕЙ СВОЕЙ ИСТОРИИ. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ПОЛК БЫЛ И ОСТАВАЛСЯ БОЕВЫМ ПОЛКОМ, ПРИНИМАВШИМ НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ ВО ВСЕХ ВОЙНАХ И ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТАХ. ВСЕ ВОЙНЫ БОЛЕЕ ЧЕМ ДВУХСОТЛЕТНЕГО ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА РУССКОЙ ИСТОРИИ ОТМЕЧЕНЫ ГЕРОИЗМОМ ПРЕОБРАЖЕНЦЕВ, НЕ ЩАДЯ СЕБЯ, БЕССТРАШНО И ЯРОСТНО СРАЖАВШИХСЯ ЗА ИНТЕРЕСЫ РОССИИ С ТУРКАМИ, ШВЕДАМИ, ФРАНЦУЗАМИ, НЕМЦАМИ И АВСТРО-ВЕНГРАМИ.

В пылу боёв с многочисленными врагами России часто можно было слышать полюбившиеся преображенцам ещё с Бородинского сражения слова знаменитой тогда песни, наглядно демонстрирующей небывалую удачу и отвагу молодцов-гвардейцев:

*Устремимся дружно в бой!
С лошадиными хвостами
Побежит француз домой.
За французом мы дорогу
И к Парижу будем знать.
Зададим ему тревогу,
Как столицу будем брать.*

Первый полк русской армии, её боевое ядро и основа, ни разу не посрамивший Отчизну, не ведал горечи поражений, только боль утрат. Российские императоры опекали полк, являясь его августейшими шефами. Сам Пётр указом князя-кесаря Ромодановского был произведён из бомбардир-капитанов в полковники лейб-гвардии Преображенского полка. Традицию проходить службу в полку на офицерских должностях из века в век поддерживали не только многие члены дома Романовых, но и наследники престола. Среди дворянской элиты считалось чрезвычайно почётным служить в Преображенском полку. Гордое имя преображенца носили полководцы и военачальники А. В. Суворов, И. Ф. Паскевич, А. П. Кутепов, А. Д. Меншиков, М. С. Воронцов, Г. А. Потёмкин, великий князь Сергей Александрович Романов. Многие видные представители русской культуры несли службу в легендарном полку – поэт Г. Р. Державин, историк Н. М. Карамзин, композитор М. П. Мусоргский, великий князь К. К. Романов, укрывшийся под поэтическим псевдонимом К. Р.

Царь Пётр лично озаботился обмундированием для своих любимцев. «В октябре 1702 года, – отмечает исследователь обмундирования и снаряжения русской полевой армии первой трети XVIII века К. В. Татарников, – на 500 солдат Преображенского и Семёновского полков было велено сделать «французское платье»: тёмно-зелёного цвета – для первых, тёмно-василькового или лазоревого – для вторых; пуговицы на кафтанах и камзолах обшивались тем же сукном, из которого были скроены эти вещи. Дополняли новый мундир шляпы и красные чулки».

Преображенцы участвовали в праздничных и торжественных церемониях, парадах и шествиях. Ни одно важное государственное мероприятие не обходилось без их присутствия. Они несли караульную службу в столице и всех дворцовых городах, сопровождали государей в их поездках и путешествиях, при этом обеспечивая безопасность царя и членов августейшего семейства.

Рядовой — Сернявitz — Офицеръ
Преображенскаго полка.
1695 — 1700 г.

Превращение России в империю при Петре I ознаменовалось новой славной страницей в летописи становления традиций русской парадно-караульной службы – появлением особого подразделения, почётного караула кавалергардов. Никогда в Российской империи не существовало части, сосредоточившей в своих рядах столь именитых и досточтимых людей. Кавалергарды – «рыцарская гвардия» – ассоциировались в сознании современников с понятием благородства. «Вступая в полк, – вспоминал кавалергард граф А. А. Игнатъев, – каждый погружался в атмосферу преклонения перед историческим прошлым кавалергардов... С самого раннего детства я видел на отце чёрный двубортный сюртук с серебряными пуговицами и белой подкладкой под длинными полами, а белая полковая фуражка с красным околышем казалась мне знаком благородства и воинской чести».

Пётр Великий, его ближайшие соратники и сподвижники, лучшие люди империи почитали за честь числить себя кавалергардами.

Их объединяли беспримерное мужество и отвага, преданность монарху и готовность к самопожертвованию, природный аристократизм и исключительная честность, верность традициям и беззаветная любовь к Отечеству. Позднее весь уклад полковой жизни испытывал влияние того, что древние русские роды Шереметевых, Гагариных, Мусиных-Пушкиных, Араповых, Пашковых и другие свято чтит традицию служить из поколения в поколение в этом полку. Сохранилась фотография, сделанная в день празднования столетнего юбилея полка и запечатлевшая группу, в первом ряду которой торжественно восседали отцы, бывшие командиры и офицеры полка, а во втором ряду стояли по одному и по двое их сыновья.

История возникновения этого удивительного гвардейского подразделения связана с формированием конной роты кавалергардов для почётного сопровождения и охраны во время коронации императрицы Екатерины I. Государь не щадил средств для придания императорской коронации необыкновенного величия. Первое императорское коронавание должно было воочию явить миру всё могущество новой империи.

Пётр I учредил отряд русских драбантов (старинное название телохранителей) по примеру личных охранников шведского короля Карла XII, назначил генералов и полковников других полков офицерами, а подполковников капталами. Рядовыми кавалергардами выступали шестьдесят самых рослых и представительных красавцев обер-офицеров. Главным распорядителем, или, как тогда его именовали, верховным маршалом, коронационных торжеств П. А. Толстым, возведённым Екатериной по случаю коронации в графское достоинство, было доложено о приготовлении «на 60 человек драбантов платья 60 кафтанов да 60 красных верхних накладных кафтанов же с гербами по обе стороны и штаны; и сим требуется, чтоб то на драбантов платье в Военную коллегияу принять и велеть определенным драбантам надеть и примерить, и ежели которым из них будет коротко или узко и оные б драбанты о том объявили, и то будет поправлено».

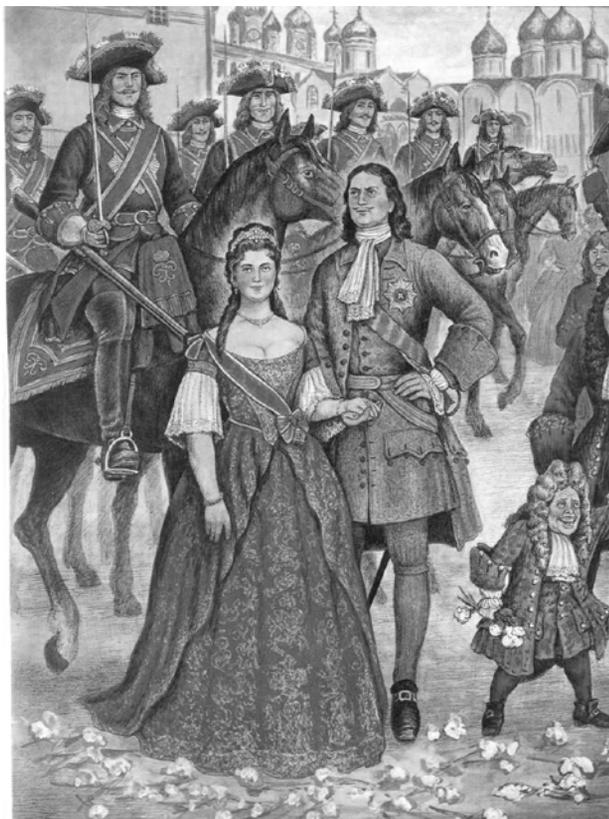
Конным кавалергардам была выдана нарядная форма, серебряные трубы и литавры. Лошади у них были вороной масти. Всего в отряде числился 71 кавалергард. В это число входили 4 офицера, 60 кавалергардов комплектных, 4 запасных, 1 литавщик и 2 трубача (последние трое из нижних чинов). Во главе кавалергардии был поставлен царский любимец генерал-прокурор, генерал-лейтенант Павел Иванович Ягужинский. Офицерами в кавалергардию назначены: поручиком – генерал-майор Иван Ильич Дмитриев-Мамонов, женатый морганатическим браком на младшей дочери царя Иоанна Алексеевича царевне Прасковье, подпоручиком – бригадир Михаил Иванович Леонтьев, двоюродный племянник царицы Натальи Кирилловны, и прапорщиком – полковник князь Семён Фёдорович Мещерский.

И 7 мая 1724 года первая полурота кавалергардов открывала красочное коронационное шествие из Кремлёвского дворца в Успенский собор, а вторая замыкала его. Непосредственно во время коронации кавалергарды расположились на ступеньках трона. При этом любимец Петра I генерал-прокурор Павел Ягужинский в чине капитана кавалергардов и генерал-майор Иван Дмитриев-Мамонов, назначенный поручиком кавалергардов, заняли места на верхней ступеньке по обеим сторонам от трона, а бригадир Михаил Леонтьев и полковник Семён Мещерский (в чине подпоручика и прапорщика кавалергардов соответственно) встали на ступеньку ниже. С тех пор выставление офицеров чинами на ступенях у трона для его «обережения» во время коронации российских императоров стало почётной привилегией кавалергардов.

После коронации в дворцовый зал, где был установлен праздничный императорский стол, подавались кушанья. Торжественную процессию возглавлял сам великий маршал, за ним шествовал обер-гофмейстер, потом кравчий, за ним офицеры с кушаньем, а «по сторонам тех офицеров подле каждого по два человека от кавалергардии с карабинами на руках для бережения кушанья».

Коронационные торжества продолжались до 11 мая. С их окончанием завершилась и служба кавалергардов. Сразу после завершения торжеств рота была распущена. Бригадир Михаил Леонтьев передал в Военную коллегию предложение Ягужинского сохра-

Кавалергарды на коронации Екатерины I.

нить кавалергардские мундиры в мундирной конторе, где их требуется «положить в пристойное место и иметь в надлежащем смотре». В этом вопросе он оказался провидцем. Вскоре рота кавалергардов была воссоздана, но уже после смерти императора Петра I. Императрица Екатерина I приняла на себя звание её капитана. Интересно, что все 60 рядовых кавалергардов показывались в штатном расписании в капитанском ранге по армии.

Обеспечением безопасности царской фамилии во время выездов и путешествий стал заниматься особый кабинет, формировавший царский поезд из карет, саней, подвод. Почётные функции сопровождения в этих случаях

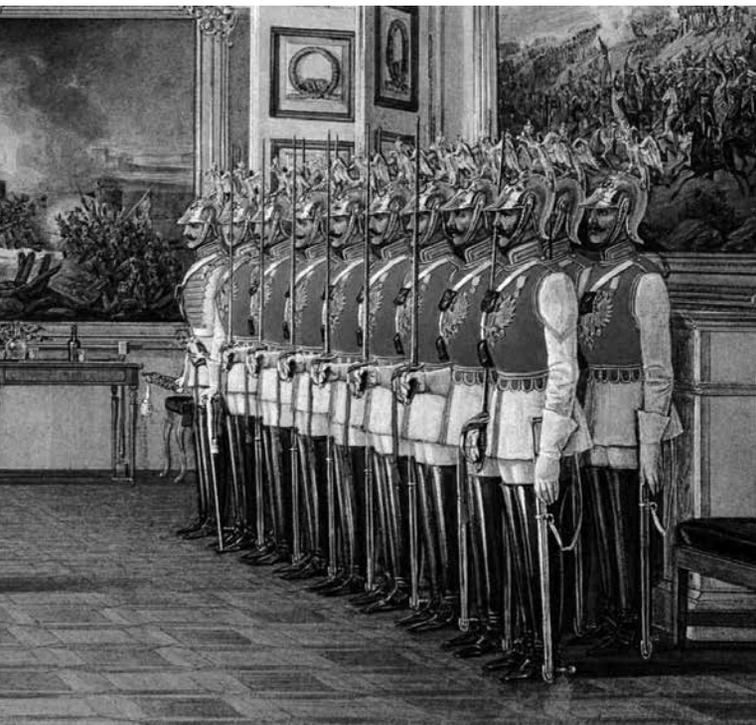
выполняли адъютанты и придворные, также привлекавшиеся к обеспечению безопасности государя. Императрицу Анну Иоанновну сопровождали 14 кавалергардов и 10 гвардейцев-ездовых, императрицу Елизавету Петровну – 30 лейб-компанцев и 12 гвардейцев-ездовых. Специальное сопровождение конной гвардией осуществлялось во время следования в Москву на коронационные торжества. Бравые гвардейцы своей выправкой, строем и парадными мундирами всегда производили нужное впечатление на обывателей маленьких городов России.

В течение 34-летнего правления императрицы Екатерины II кавалергарды неотлучно сопровождали обожаемую государыню в её многочисленных поездках и путешествиях по стране. Почти сразу после вступления на престол императрица пожелала по-новому обустроить жизнь кавалергардов, и вскоре было организационно оформлено появление Её Императорского Величества Кавалергардского корпуса, шефом которого с марта 1765 года числился граф Григорий Орлов. Деятельное участие в формировании корпуса принимал и Григорий Потёмкин. Комплектование немногочисленного личного состава корпуса осуществлялось унтер-офицерами гвардии.

На протяжении всего XVIII века кавалергардия созывалась в особо торжественных случаях для проведения отдельных праздничных церемоний и ритуалов, а затем распускалась, пока наконец при императоре Павле I не был образован Кавалергардский полк, просуществовавший до 1917 года. При вступлении на престол Павел Петрович назначил графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина шефом Кавалергардского корпуса, а при коронации возвёл в звание генерал-фельдмаршала. Много позднее, уже в парижской эмиграции, кавалергард штабс-ротмистр В. Н. Звегинцов предпослал слова Мусина-Пушкина в качестве эпиграфа второй части своей книги «Кавалергарды в великую и гражданскую войну»:

«Мы не стремимся быть первыми, но не допустимъ никого быть лучше насъ».

При Александре I полк был переформирован в пять эскадронов. В штате полка

*Лейб-гвардии кавалергардский Его
величества полк, униформа*

значилось 660 кавалергардов, а также 1 литавщик, 1 штаб-трубач, 15 трубачей. Полк располагал и собственным оркестром из 25 музыкантов, в котором были 2 фагота, 4 валторны, 4 флейты, 2 медные трубы, 1 контрафагот, 1 тромбон, 2 серпиона, 1 треугольник, тарелки, бубен и др. Всего в полку числился 991 человек. Граф А. А. Игнатьев в своей знаменитой книге «Пятьдесят лет в строю» писал: «Походной формой были у нас чёрные однобортные вицмундиры и фуражки, а вооружение – общее для всей кавалерии: шашки и винтовки. Но этим, впрочем, дело не ограничивалось, так как для почётных караулов во дворце кавалергардам и конной гвардии была присвоена так называемая дворцовая парадная форма. Поверх мундира надевалась кираса из красного сукна, а на ноги – белые замшевые лосины, которые можно было натягивать только в мокром виде, и средневековые ботфорты. Наконец, для офицеров этих первых двух кавалерийских полков существовала ещё так называемая бальная форма, надевавшаяся два-три раза в год

на дворцовые балы. Если к этому прибавить николаевскую шинель с пелериной и бобровым воротником, то можно понять, как дорог был гардероб гвардейского кавалерийского офицера».

Боевое крещение полк получил во время Австрийского похода в 1805 году – в войне с наполеоновской Францией. Два взвода кавалергардов под командованием штаб-ротмистра графа Василия Левашова (позднее генерала от кавалерии и председателя Государственного Совета) стали свидетелями исторической встречи Александра I с Наполеоном в июне 1807 года у реки Неман при городе Тильзите. Кавалергарды составляли конвой русского царя и обнажёнными палашами салютовали обоим монархам.

Перед началом Отечественной войны 1812 года Кавалергардский полк получил защитное кирасирское вооружение – металлические кирасы и каски, позднее заменённые на медные. Рядовые кавалергарды были вооружены карабинами и палашами, офицерам кроме палаша полагалась пара пистолетов. В Бородинском сражении Кавалергардский полк отличился, вступив в бой в самый критический момент – во время третьей атаки французов на центральную позицию русской армии – Курганную высоту, или «Большой редут», как называли французы батарею Раевского. Стремительным натиском кавалергарды на какое-то время смяли и отпрокинули конников 3-го кавалерийского корпуса генерала Эммануэля Груши. Сам Груши в ходе яростной кровопролитной схватки был ранен русской пулей в грудь. В бою полк потерял командира, полковника К. К. Левенвольда, 14 старших офицеров и 93 нижних чина. Все оставшиеся в живых офицеры были награждены: Н. Ф. Левашов – орденом Св. Георгия 4-й степени, М. С. Лунин, С. П. Ланской 1-й и К. В. Левашов – золотыми шпагами, все остальные – следующими по старшинству орденами, а 63 нижних чина – знаками отличия военного ордена.

В ходе многочисленных сражений в Западной Европе полк покрыл знамёна российской гвардии неувядаемой славой. Акт о капитуля-

ции столицы Франции подписал полковник Кавалергардского полка Михаил Орлов.

И после Отечественной войны 1812 года кавалергарды продолжали блистательно нести парадно-караульную службу. Они должны были выставлять наряды на все высочайшие выходы в церковь, на балы, званые обеды и ужины, в дни принесения поздравлений по случаю именин, помолвок и бракосочетаний членов императорского дома. Известный исследователь славных и доблестных традиций этого удивительного подразделения русской императорской гвардии А. Ю. Бондаренко отмечает: «Кавалергарды были почётной стражей у трона в торжественные дни коронаваний почти всех российских императоров и императриц. Ни одна из других частей гвардии или армии не имела столь же удивительной, уникальной истории, подобной истории Кавалергардского полка».

На многочисленных смотрах и парадах Кавалергардский полк выступал в белых мундирах-колетах, а в зимнее время – в шинелях, поверх которых надевались медные блестящие кирасы, при палашах и стальных ножнах и в медных касках, на которые навинчивались острые шишаки или, в особых случаях, посеребрённые двуглавые орлы. Сёдла покрывались большими красными вальтрапами, обшитыми серебряным галуном.

Завершить рассказ о кавалергардах хотелось бы словами ветерана полка Д. И. Подшивалова, отдавшего большую часть жизни службе в этом удивительном подразделении русской гвардии и ощущавшего «какую-то родственную связь» со всем, что так или иначе к нему относилось: «Лица, где бы ни были потом встречены мною в форме Кавалергардского полка, казались мне родными. Я искренно радовался увидеть потом каждого кавалергарда, которые будили во мне хотя беспокойные, но <...> интересные для меня воспоминания.

Все лица, которые встают в моём воспоминании, мне кажутся милыми, хорошими.

Да здравствует Кавалергардский полк!» **A**

**Владимир ГАЗЕТОВ,
Максим ВЕТРОВ**

Шлем и мундир кавалергарда

*275-летию со дня рождения
Е. Р. Давыдовой посвящается*

Портрет исторической личности – это, прежде всего, образ и авторский взгляд. Существуют различные портреты Дашковой, самый известный среди них – работы Д. Г. Левицкого. В каждом случае зрители наблюдают видение самого художника – на всех портретах Дашкова абсолютно разная. У меня возник свой образ Дашковой. Написание портрета исторической личности такого масштаба представляет огромный интерес. Мне хотелось показать активную, целеустремлённую, образованную женщину, осознающую своё высокое положение и ответственность в обществе.

Именно про Дашкову можно сказать, что она положила всю себя на алтарь Отечеству. Служение Родине и императрице Екатерине II ставила выше собственных интересов и личного счастья. Е. Р. Дашкова сыграла значительную роль в государственном перевороте 1762 года и восшествии на престол Екатерины Великой. Она была первой женщиной, которая встала во главе Санкт-Петербургской академии наук. Вклад её в русскую словесность, культуру, науку и просвещение огромен. Как мы знаем, благодаря Дашковой появился «Словарь Академии Российской» (1789–1794) – первый толковый словарь русского языка, над которым работали лучшие и выдающиеся умы того времени: Г. Р. Державин, М. В. Ломоносов и др. При её содействии была напечатана ода Державина «Фелица», а также полное собрание сочинений Ломоносова. Это лишь малая часть того, что можно было бы рассказать о Е. Р. Дашковой.

Для раскрытия характера было выбрано такое композиционное решение, которое соответствовало бы канонам парадного портрета XVIII века. Фигура чуть наклонена и развёрнута в 3/4, голова – почти анфас. На заднем плане изображён стол с книгами, развевающиеся портьеры, задрапированные и в то же время оттеняющие саму фигуру, сидящую на стуле. Неотъемлемой частью парадного женского портрета является орден Святой великомученицы Екатерины, девизом которого является «За любовь и Отечество», а также красная орденская лента.

В то же время хотелось, чтобы работа смотрелась современно. Костюм на портрете был задуман к этому образу в соответствии с модой

второй половины XVIII века и не является копией с других работ. В проработке деталей картины ощущается стремление к обобщению при большом количестве деталей. Поднимая изображение в цвете, не сглаживается чрезмерно красочный слой, местами остаётся некая случайность в наложении цветовых пятен.

В процессе написания картины были использованы элементы техники «старых мастеров», когда первые слои выполняются гризайлью. Гризайль (фр. Grisaille от gris – «серый») – вид тональной живописи, выполняемый градациями одного цвета, чаще всего сепией или чёрным. Поверх гризайли изображение прописывается цветными слоями. Также в работе применяются лессировки. Для данного портрета сначала был создан этюд с натуры, затем выполнен рисунок (картон) в натуральную величину. После этого портрет писался на холсте. Особенно трепетно создавался тёплый колорит картины, свойственный итальянским венецианским мастерам эпохи Возрождения. Ярким представителем этой школы является Тициан.

В руках Дашкова держит часы. Это отсылает нас к так популярному в эпоху Ренессанса и барокко натюрморту Vanitas, атрибутами которого являлись череп, книги, лютю и часы. Ванитас (лат. Vanitas – «суета, тщеславие») – аллегорический натюрморт, который стал символическим напоминанием о быстротечности жизни, тщетности удовольствий и неизбежности смерти. Скрытый смысл картины часто был заложен с помощью аллегорий, т.е. изображаемые предметы или животные могли «поведать» зрителям об истинных чувствах и мыслях персонажей. Таким образом, в работе заложен и философский смысл, говорящий о бренности жизни, о том, как важно всё успеть, не упуская ни минуты. Открытое окно и книга – символ открытости всему новому.

Особенно важно было раскрыть в портрете внутренний мир этой удивительной, выдающейся женщины... **А**

Надежда ВАХМИСТРОВА,
художник, член Творческого союза
художников России,
член Творческого объединения
современных художников

Портал (или Рязанский Стоунхендж).
Владимир Штыриков. Вечер на
городище «Старая Рязань»

ЗА РЯЗАНЬ ОБИДНО

КАТАСТРОФА 1237 ГОДА. На правом берегу Оки было Рязанское княжество. Изначально там жили вятичи, вытеснившие с этих земель финно-угорский народ эрзя. Возможно, отсюда происходит название Рязань. Другая версия происхождения этого топонима – от слова «ряса». Так (до сих пор) называют в тех местах речки, заросшие по берегам растительностью. На языке индейцев делаверов такие реки называются «шикаго». Получается, что с русского на английский Рязань должна переводиться как Чикаго. К вятичам от своих князей, слишком сильно закручивавших гайки, переселялись черниговцы. От смешения вятичей с черниговцами и произошла общность людей, называющихся рязанцами.

В ту пору страна наша была мало населена. Самые крупные города достигали по численности населения восьми-двенадцати тысяч человек. Такие города называли столицами. В них был храм. В Рязани был храм Бориса и Глеба. Большая часть населения жила по сёлам. В сёлах храмов не было. По-

чему я на храмы напирал? По тем временам религия была единственным инструментом идеологической и образовательно-воспитательной работы. В городах уже прижилось христианство. Об этом можно судить по появлению археологической культуры труположения. В городах в могилы клали христианские символы: крестики, иконки. На селе преобладали языческие амулеты.

И тут появляется монгольское войско. Рязанское руководство того времени обладало геополитическим мышлением. Рязань содержала заставу, далеко вынесенную на юг в сторону степи. Эта застава была на реке Воронеж. Военная удача была на стороне монголов. Они смогли обойти эту заставу и остаться незамеченными. Подступая к рязанским городам, монголы вели их осаду. Начался непрерывный штурм, в ходе которого, не считаясь с потерями, отряды штурмующих заменяли друг друга. Защитникам городов смены взять было неоткуда...

Воронежская застава вернулась в Рязань, которой уже не было. Рязанские погранични-

ки собрали трупы и похоронили их в огромных могилах. Всё население города в них легло. Благодаря этому современные археологи получили возможность точно определить количество жителей в Рязани перед разорением. Город так и не возродился.

Надолго опустели самые обитаемые южные города тогдашней Руси. Жизнь в них стала возрождаться только после того, как Тамерлан разгромил Золотую Орду в конце XIV века.

Единственным памятником чудовищного геноцида 1237 года служат скромные деревянные кресты на месте гибели рязанской княжны, по преданию, выбросившейся вместе с ребёнком из окна на территории зарайского кремля. И всё. То рязанское разорение не удостоилось больше никакой отметки.

На территории городища Старая Рязань – на месте, где когда-то стояла столица княжества, – местный помещик построил храм в память о той трагедии. Но храм пришёл в запустение ещё при царской власти. Недавно с размахом был отмечен юбилей Чингисхана. Ведь все жители Монголии, Казахстана и прочих степных зауральских просторов являются потомками тех монгольских воинов.

Памятный крест на городище Старая Рязань

Посчитайте: за восемь веков сменилось тридцать поколений. Два в тридцатой – это миллиард. То есть, перебрав все линии наших генеалогических древ, мы обязательно попадём на всех тех, кто был убит во время монгольского разорения. Все они наши предки. Так, может быть, стоит их помянуть как-то?

Диорама «Оборона Старой Рязани в 1237 г.»

ЗАКАТ РЯЗАНИ В 1517 ГОДУ. Дело было лет двадцать тому назад. В читальном зале Государственной библиотеки Российской Федерации, которую до сих пор я называю Библиотекой имени Ленина (и не один только я), так вот, в читальном зале в открытом доступе я взял в руки (чтобы почитать) Британскую энциклопедию – знаменитую «Британнику». Я сразу пережил несколько потрясений. Первое потрясение. Оказалось, что эта энциклопедия написана очень простым английским языком, даже мне понятным (а мой английский – он почти никакой, да что значит «почти» – просто никакой). Во-вторых, «Британника» устроена совсем не так, как наши энциклопедии. Это не алфавитная книга со статьями по разной тематике, как БСЭ или Словарь Брокгауза и Ефрона. Но и не как детская энциклопедия, в которой каждый том – это сборник статей по какой-нибудь одной научной отрасли. «Британника» – это очень здорово! В такой энциклопедии легко и удобно находить информацию по смежным вопросам. Нет необходимости перебирать все тома от «А» до «Я», то есть, простите, от «А» до «Z».

Третье, что меня удивило, так это то, что Москва в первый раз упоминается «Британником» в статье о Монгольской империи. Там на небольшой чёрно-белой карте, на тёмном фоне огромной империи, охватившей почти всю Евразию, выделены только два населённых пункта: Каракорум и Москва. Поискал я там информацию о моём любимом Рязанском княжестве (вернее, о Великом княжестве Рязанском). Вот как его характеризует «Британника»: независимое государство, которое при дружественном нейтралитете Золотой Орды приобретало территории в степях. Интересно-то как! Рязань захватывает степи, а степняки держат нейтралитет. В то же время Москва характеризуется как вассал Золотой Орды. И наши учебники истории с этим не спорят.

Знания о далёком прошлом нашей Родины хорошо черпать из академического издания «Истории Государства Российского» Карамзина. Именно из академического. Там много томов. В каждом томе немного текста

Карамзина и раз в пять больше примечаний, в которых по каждому факту даются подробные ссылки на летописи и другие источники, введённые в научный оборот. У самого Карамзина всё написано так, как нужно было, чтобы понравилось его заказчику, Императору Всероссийскому, Великому князю Московскому, Царю всея Великая, Малая и Белая Руси и прочая, и прочая. У Карамзина московский князь всегда прав, даже когда неправ. Напомню только историю взаимоотношений московского князя с Великим княжеством Рязанским. Сначала поясню только различия в названиях. Великое княжество Литовское, Великое княжество Рязанское были независимыми средневековыми государствами. А Московское княжество было вассалом Золотой Орды. Московский князь получал ярлык на княжение в ставке хана. Его можно было именовать Великим князем. Но княжил он не в Великом княжестве. Власть над его землями принадлежала ордынскому хану. Когда над ним встал Мамай (считавшийся выскочкой, потому что он не был чингизидом, то есть потомком Чингисхана), он, начитавшись, видимо, трудов одного тунисского учёного, решил провести масштабный эксперимент. Тунисский средневековый мыслитель Ибн Хальдун считал, что, снизив уровень налогообложения, можно добиться увеличения налоговой базы и, как следствие, налоговой массы. Вот Мамай и снизил в разы «выход», то есть сумму дани, которую должен был для него собирать Великий князь Московский. Это делалось для того, чтобы привлечь население в Московское княжество. Народу там уж больно было мало. Не с кого дань собирать. Князем тогда был его друг Дмитрий Иванович. Но дружба-то дружбой, а денежки врозь! Дмитрий продолжил собирать дань в полном объёме, а Мамаю отдавал лишь её часть.

Дошло это до государя, то есть до Мамаю, и он решил заступиться за своих подданных перед их алчным князем. Забил стрелку на Куликовом поле. Во-первых, что такое «поле»? Поле – это кусок степного чернозёма среди лесных почв. В степях сформировался чернозём – это результат произрастания степной

растительности. К северу чернозём сменяется лесными почвами. Леса сводили славяне, они были фанатами земледелия. Самое северное «поле» – вкрапление чернозёма – находится вокруг Суздаля. А Куликово поле где-то далеко, «на куличках» короче говоря.

Дмитрий Иванович стал звать на помощь Олега Рязанского. Но тот отказался. Дело было в том, что за некоторое время до описываемых событий Олег помог московскому князю отбиться от литовцев. Литовцы, кстати, были тогда язычниками, этот народ последним из народов Европы пришёл к христианству. Даже во времена Грюнвальдской битвы литовцы были язычниками, но выступали в союзе с польским королём. В фильме Гофмана «Крестоносцы» (это один из фильмов моего детства) они показаны дикарями с дубинами. Так вот, в благодарность за помощь против литовцев Дмитрий Иванович сжёг Переяславль Рязанский. А теперь, если помочь на Куликовом поле, что за это сожгут в Рязанском княжестве? Однако Олег воспретил (говоря военным языком) действия литовцев в тылу московского князя.

За пару лет до Куликовской битвы на реке Воже в рязанских землях у рязанского князя вышла непонятка с татарами. Победили рязанцы и подданные пронского князя. Татарами это было воспринято как законные действия независимого князя. Сами виноваты, зачем сунулись. Так было написано в книжках, напечатанных на бумаге. Другое дело электронные источники информации. В последнее время «патриоты» подновили историю. Оказывается, во главе независимого от Орды войска стоял ставленник Орды Дмитрий Иванович. Называют его бояр, павших на Воже. При этом, не стесняясь, пишут, что, по другим данным, пали они на Куликовом поле. Пишут, что на самом деле именно на эту битву на Воже напутствовал Сергей Радонежский Дмитрия Ивановича, а не на Куликовскую. Тогда уж нужно добавить, что Дмитрия Ивановича по ошибке зовут Донским, а правильное прозвание Вожский. В общем, «патриоты», они такие. Не могут любить Родину, если не приврать про неё что-то особенное.

За победу над Мамаем на Куликовом поле Дмитрий Иванович был наказан Тохтамышем. Тохтамыш пришёл и сжёг Москву, на время пожара Дмитрий покорно ушёл в Переславль Залесский. Это было самое сильное разорение Москвы, именно тогда было уничтожено большинство домонгольских книг и икон.

Мамай не был чингизидом, зато его потомком стал наш Иоанн Васильевич Грозный. Его молодая мама Елена Глинская вела свой род от Мамаю.

Так вот. Почему же центром независимой России стала Москва, а не Рязань? Сейчас расскажу.

Когда Золотая Орда закачалась и рухнула (этому поспособствовал в конце XIV века Тамерлан), титул царя стал примерять на себя его вассал – московский князь. Но этому мешала самостоятельность остальных княжеств, особенно Рязанского. В 1517 году жители Коломны предали своего рязанского князя, его захватили москвичи, посадили в подвал Московского Кремля и стали вести торговлю с рязанцами. Мол, мы вам вашего князя, а вы нам уступите кусочек вашего суверенитета. Торговля вёлся до 1522 года, когда Рязань наконец подпала под власть Москвы. Появилось то государство, в котором мы живём. Оно претерпело изменения политического устройства, границ и названия. Но это оно. Кстати, князя рязанцам так и не вернули. Его ослепили, и он умер в подвале Кремля.

Когда при Лужкове в центре Москвы затеяли грандиозное строительство, то были проведены очень объёмные раскопки. Помните подземный торговый центр «Охотный ряд»? Этажа три или четыре в глубь культурного слоя. Нашли много кладов и интересных вещей. На них можно посмотреть в специально созданном археологическом музее. Из слов, образовавшихся до присоединения в XVI веке Рязани к Москве, там взглянуть было не на что. Зато Оружейная палата открывается экспозицией рязанских кладов первой трети XIII века. То есть за двести лет до коломенского предательства Рязань была краше и богаче, чем Москва через двести лет.

Но ещё через сто лет власть московского царя уже простиралась далеко за Урал, до Якутии. Что тут говорить? Сказать, как принято у марксистов, о нещадной эксплуатации рязанцев? Или лучше промолчать? Принято молчать, но в Смутное время (это начало XVII

века), когда центральная власть перестала существовать, иностранные державы устанавливали отношения с бывшими княжествами. Ещё через сто лет говорили и писали не о русских, а о тамбовцах, рязанцах, тверичах. Например, залежи угля в Кемеровской области открыли в XVIII веке рязанские землепроходцы. Так в БСЭ написано. В «Большой советской энциклопедии».

Кстати, если бы не рязанцы, то мы жили бы совсем в другой стране. Однажды крымское войско вынудило московского князя (не поворачивается язык назвать его в такой ситуации царём)... так вот, крымское войско заставило московского царя стать подданным Крымского ханства. На обратной дороге в Крым крымчаки столкнулись с рязанцами. Те отбили у них грамоты, делавшие Москву частью Крымского ханства. **А**

Борис БОЯРШИНОВ,
телеведущий

«БЕРЕГИ СЕМЬЮ СВОЮ. СЛУЖИ ЕЙ ПРИМЕРОМ»

СЕМЬЯ – ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА С САМЫХ ДРЕВНИХ ВРЕМЁН. И КАЖДАЯ СЕМЬЯ НА ПРОТЯЖЕНИИ МНОГИХ ПОКОЛЕНИЙ ВБИРАЕТ В СЕБЯ ИСТОРИЮ, КУЛЬТУРУ, ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАИ, БЕЗ КОТОРЫХ ТРУДНО ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ ЕЁ ЖИЗНЬ ИМЕННО СЕЙЧАС.

В богатой традициями истории казачества среди основ уклада казачьей общины главной ценностью всегда была крепкая семья. Семья – святыня брака! Семья – основа казачьего общества!

Самое важное в казачьей семье – авторитет родителей, чувство супружеского долга, честь рода, личная ответственность родителей за воспитание детей. И нравственные устои не были придуманы искусственно, а складывались веками, вместе с народными традициями, с помощью которых создавались основы трудового и морального, умственного и физического, эстетического и религиоз-

ного воспитания. Семейный союз у казаков пользуется большим уважением. Глава семьи – отец, с него спрос за всё! В случае его смерти главенство в доме переходит к матери. В казачьем обществе к женщине относились с таким уважением, что в наделении её правами мужчины не было необходимости. Кто бы ни была женщина, надо было беречь и защищать её, ибо женщина – будущее народа. Особенным было отношение в казачьей семье к старикам. Пожилой человек у казаков пользовался почётом, он считался носителем традиций и семейной памяти, и неуважение к старикам было прегрешением.

Семьи казаков были большие, существовали трёх-, четырёхпоколенные семьи; одна семья могла насчитывать 25 человек, а то и более. Этому способствовали особое социальное положение казачества и специфический уклад жизни: необходимость обработки больших земельных наделов, невозможность отделения молодой семьи во время службы или до её начала, относительная замкнутость семейного быта.

Богаты казаки и традициями, в число которых входили совместные трапезы. Проводились они после окончания промысловых работ, во время проводов на службу или встреч с неё. Почти все праздники сопровождались соревнованиями в рубке, стрельбе, джигитовке. Характерной особенностью были «гулебные» игры, инсценировавшие военные баталии или казачью «вольницу».

Среди донских казаков существовал обычай «ходить со знаменем» на Масленицу, когда выбранный «ватажный атаман» обходил со знаменем дома станичников, принимая от них угощение. Так же, как и сегодня, наиболее значительными православными праздниками были Рождество Христово и Пасха. Широко отмечались престольные праздники. Общевоинским праздником считался день святого, у донского казачества – Покров Пресвятой Богородицы.

Рождение ребёнка – всегда радостное событие для всей большой семьи. Воспитание детей – это отдельная традиция, становление характера начиналось практически с самого рождения, с приобретением основных навыков и знаний.

У каждого новорождённого казака или казачки помимо кровных отца и матери были крёстный отец и крёстная мать. О выборе крёстных кровные родители заботились заранее, подходили к этому очень серьёзно и ответственно. Крёстного подбирал отец – это должен был быть человек надёжный (кунак, односум, побратим и т. п.), у которого можно многому научиться. Это он в первую очередь формировал дух казака. Крёстную подыскивала кровная мать из числа своих подруг, желательно хотя бы немного старше её возраста.

Если в семье рождался казак, то основная нагрузка ложилась на крёстного – он делал из казака воина, и спрос с него был зачастую больше, чем с отца! Задача крёстной – воспитание в нём отношения к девушке-казачке как к жене, матери и хозяйке.

Если же рождалась казачка, то основную роль в воспитании играла крёстная, формируя в девочке женщину-казачку, заботливую жену, терпеливую мать и добрую хозяйку. Крёстный в этом случае прививал отношение девушки к казаку как к воину-защитнику, как к мужу, отцу и главе семьи.

С особой радостью встречали в казачьей семье рождение мальчика, оно праздновалось широко, громко. Рождение мальчика – прибыток, семья получает земельный надел, а девочка – убыток, «разорительница».

До семилетнего возраста казачок жил на женской половине дома. Мать вкладывала в сына любовь к родной земле, к истокам, чувство гордости за свой род; приучала с малых лет к труду, уважению и почитанию дедов, совместно с которыми казачка обучали верховой езде, стрельбе, кулачному бою, владению нагайкой. Всё, что давалось казачонку, формировало его личность воина, любящего свою Родину, защитника своей земли, семьи, рода.

Характер казачонка формировался благодаря тому, что он видел в семье, отношению взрослых друг к другу: о чём они говорят, о чём поют, какие поступки совершают. И это всё настоящее, и так же будет поступать он сам.

Формировали характер будущего воина и игры со сверстниками. Они были таким же наследием и традициями, направленными на воспитание и развитие казачат. Проходили они под присмотром станичных стариков, которые присматривали за детьми и строго за ними следили, наставляя и направляя на нужный путь. В такие игры казаки играли почти всю свою жизнь.

После семи лет казачка забирали на мужскую половину дома, и за воспитание будущего воина принимались отцы, братья, опытные казаки. Боевые приёмы, стрельба на скаку, рубка лозы шашкой, преодоление препятствий, владение пикой – вот лишь не-

многое из того, чему обучались казачки и чем они должны были овладеть до службы в армии.

Маленькую казачку воспитывали иначе. Рождение девочки праздновали не так широко, как рождение мальчика. Однако появление на свет маленькой казачки тоже было радостью – девочка приносила в дом душевное тепло, доброту и ласку. В честь рождения девочки отец или дед сажал иву, и дерево росло вместе с девочкой на родимом подворье и как бы опекало новоявленную казачку.

В будущей жене и матери развивали женственность, трудолюбие, терпение и отзывчивость, формируя настоящий женский характер, внушая, что самое главное в жизни – это крепкая семья и достаток. Девочек-казачек рано приучали к ремеслу и рукоделию, в игровой форме – обшивали кукол, а учились на всю жизнь. При этом девочки с ранних лет привыкали к тяжёлому труду по хозяйству, но была и особая работа – нянчить младших. Годовалого младенца могла нянчить трёхлетняя девочка! Пятилеток-то уже в няньки «в люди» отдавали.

К братьям девочки относились с огромным уважением, и не зря: случалось, что пя-

тилетние братья уходили с отцами в военные походы, а возвращались домой через десяток лет закалёнными бойцами.

Важную роль в казачьей семье, в том числе в воспитании девочки, играла бабушка: муж на службе, жена на работе, и поэтому воспитание молодого поколения лежит на плечах бабушки. Личный пример нравственности, религиозности, умения вести домашнее хозяйство – всё это давала девочкам-казачкам бабушка.

Ну а когда девочка становилась девушкой, то покупали ей серебряное колечко и вручали с наставлениями, что она теперь «не дитё, а барышня» и вести себя должна иначе: на неё «женихи смотрят». Юных казачек учили выглядеть красиво и с достоинством, всегда держать спину прямо, следить за своими движениями, не гримасничать и не жеманиться. Истинная казачка должна была быть доброжелательной, отзывчивой, уважительной по отношению к старшим, целомудренной. Колечко на левой руке означало, что перед нами «хваленка» – пускай ещё «не на выданье», но о ней уже можно думать как о невесте. С момента получения серебряного колечка девушка начинала готовить себе приданое. Девичья жизнь кончалась сватовством.

Муштры в воспитании девушек не было, тем не менее казачки могли постоять за себя, многие из них умели обращаться с конём и оружием, при случае помогая казакам в боях.

Юные казачки росли в относительной свободе, даже жениха они часто могли выбрать себе сами, разумеется, если тот был из казаков, и против воли дочерей замуж не отдавали.

Как же происходил обряд сватовства и брака у донцов?

Обычно сначала бывали смотрины, когда жених с двумя-тремя родственниками под благовидным предлогом появлялся в доме невесты. Сидели, беседовали о разном, потихоньку разглядывая невесту. Если она приходилась по душе старшим, то через несколько дней после смотрин к родителям невесты высылались сваты. Завершал сватанье обряд рукобития, главное значение которого заключа-

лось в торжественном договоре об условиях брака. Родители договаривались о кладе (т. е. подарках невесте), угощении. Договорившись, отцы били по рукам.

За неделю до свадьбы начинались посиделки, на которые у невесты каждый вечер собирались подруги, шили ей платья, готовили приданое. Потом до свадьбы происходил «сговор», во время которого веселились, пили вино и танцевали.

Свадьбы обычно устраивали осенью или зимой, когда казаки освобождались от полевых работ, но иногда и весной, чтобы к началу весенних полевых работ в семье была ещё одна работница.

За день до свадьбы смотрели приданое, празднуя, как говорили казаки, «подушки». Приданое невесты весёлые «подушечники» несли к дому жениха – лёгкие вещи несли в руках, а следом на телеге везли сундук. Родня жениха во главе с матерью принимала приданое и угощала участников «подушечного» поезда.

В день выданья жених и его друзья садились на коней, остальные участники «поезда» рассаживались в тарантасы, украшенные красными лентами. Улицы станицы оглашались пением военных казачьих песен, звоном колокольчиков. С шумом подкатывал «храбрый поезд» к дому невесты на последний приступ.

К этому времени невеста уже простилась с родными, посидела «на посадке» (овчинной шубе кверху мехом), чтобы богатой и счастливой быть. Одетая в брачный наряд, с заплетённой косой, она сидела за столом, а братья с нагайками в руках не пускали жениха к сестре. Дружка, набивая цену, проводил выкуп невесты, после чего брачный «поезд» с женихом и невестой ехал на венчание в церковь, а потом – в дом жениха, где на крыльце их встречали родители и благословляли хлебом: разламывали над их головами большой каравай. Чтобы молодые жили в достатке и благополучии, на них сыпали пригоршнями орехи, конфеты, зерно, пшеницу, хмель...

А на следующий день происходила раздача каравая. Дружка подводил молодых сначала к родителям, и они дарили подарки: отец сыну – коня с седлом на службу, а мать – тёлку

или корову в хозяйство. Затем каравай разносили гостям, и каждый одаривал молодых. Те благодарили всех участников свадебного пира, прощались, но гулянье после этого могло продолжаться ещё неделю, в течение которой молодая пара посещала родственников, знакомых. Это называлось ходить «по сабе».

Так играли свадьбы на Дону, но в каждом хуторе и каждой станице были свои особенности.

В наши дни в некоторых хуторах и станицах играют свадьбы с элементами старинного обряда – с дружкой и свахой, выкупом и караваем, с танцами и пением свадебных песен. И именно такие «семейные», старинные обряды, передаваемые из поколения в поколение, сохраняя истинные жизненные ценности, делают все казачьи роды единой большой семьёй!

Игорь МАРТЫНОВ,
войсковой старшина, заместитель
атамана Тамбовского отдельского
казачьего общества

Александр Васильевич Стрыгин

Валентина ДОРОЖКИНА

ЗОВ МАЛОЙ РОДИНЫ

В свой смертный час природе

он сказал:

*– Верну лишь то, что при рождение взял,
Да то, что съел... И больше не прибавлю.
Что создал сам – живым оставлю!..*

ТАК КОГДА-ТО НАПИСАЛ ИЗВЕСТНЫЙ НЕ ТОЛЬКО В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ, НО И ДАЛЕКО ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ ПРОЗАИК, ПОЭТ И ДРАМАТУРГ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ СТРЫГИН. ТЕПЕРЬ, КОГДА ЕГО УЖЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НЕТ С НАМИ, МЫ МОЖЕМ СКАЗАТЬ, ЧТО ЭТИ СЛОВА ОТНОСЯТСЯ И К САМОМУ АВТОРУ: ВСЁ, ЧТО ОН СОЗДАЛ, ОН ОСТАВИЛ ЖИВЫМ, ЖИВУЩИМ НЫНЕ, – В НАДЕЖДЕ, ЧТО ЕГО ТВОРЕНИЯ НЕ ЗАБУДУТСЯ.

Нельзя сказать, что у писателя Стрыгина какая-то необыкновенная биография. Но бедной её, во всяком случае, не назовёшь. Она богата прежде всего событиями, связанными с историей России, с историей Тамбовского края.

Александр Васильевич родился 14 августа 1920 года в деревне Беломестная Криуша Тамбовского района. Только-только заблагоухала юность – с первыми признаниями, мечтами, – как началась Великая Отечественная война. Двадцатилетний лейтенант, окончивший Тамбовское артиллерийское училище, попал на фронт. Бои, ранения, партизанские отряды...

Тяготы военной поры позже найдут отражение в произведениях Александра Стрыгина. Писательский дар да крестьянская закалка

ка не раз помогали ему выживать. А лёгкой жизни он не искал никогда.

Вернувшись после войны на родную Тамбовщину, он не позволил себе ни одного праздного дня: устроился на работу в Тамбовский художественный фонд, занимаясь одновременно литературой, тягу к которой чувствовал с детских лет. Всё настойчивее было желание поделиться переполнявшими душу чувствами с другими людьми, особенно с детьми, передать им красоту и богатство слова, русской литературной речи. Несколько лет были отданы работе с подрастающим поколением: Александр Стрыгин был сельским учителем, воспитателем в детском доме. Интересные события, происходившие в стране, наблюдения за всем, что творилось вокруг

него, не могли оставить равнодушным этого человека. Его многочисленные «Записки воспитателя», рассказы и очерки о земляках стали появляться в местных и центральных газетах и журналах.

Одним из запоминающихся произведений бывшего воспитателя детского дома Александра Стрыгина стал рассказ «Портсигар». Автор повествует о том, что как-то осенью (это были первые послевоенные годы) в детдом пришёл печник, чтобы сложить новую печь. Ребята познакомились с ним очень быстро, помогали ему, задавали вопросы. У печника был портсигар, подаренный ему на войне командиром отряда, погибшим в очередном бою. Его фотография была искусно вделана в крышку металлической коробочки. Это была дорогая фронтовая память. И вот портсигар пропал. Воспитатель поступил мудро, как истинный педагог: он собрал ребят и сказал: «У Ивана Ивановича пропал портсигар. Я очень боюсь, как бы он не подумал, что его украл кто-нибудь из нашего коллектива. Это было бы позором для всех нас... Я убедил Ивана Ивановича, что он просто его потерял. Я даже поспорил с ним, что вы его найдёте, что портсигар будет лежать через час в кармане моего пальто... Честь коллектива, ребята, в ваших руках...»

В конце концов портсигар нашёлся: в карман пальто воспитателя его положил Петя, который и совершил кражу. Он понял, что воспитатель догадался по его поведению, что именно он, Петя Карев, украл портсигар, и ждал, что мальчик сам признается в этом – не публично, а одному ему, педагогу. Но Петя признался в совершённом позорном поступке самому потерпевшему – печнику Ивану Ивановичу, рассказал, что его отец погиб на фронте, а «дядя на фотографии очень походил на отца». Растроганный печник подарил портсигар Пете.

Подобных рассказов, носящих воспитательный характер, рисующих образы подростков и их воспитателей, раскрывающих проблемы молодёжи в разные годы, у Стрыгина много: «Тётя Маша», «Полонез Огинского», «Любаша», «Баллада о хлебе». Почти все

они автобиографичны, так или иначе связаны с Тамбовским краем.

Первая книга рассказов молодого писателя вышла в Тамбове в 1950 году. Называлась она «В пути». Символичное название! Александр Стрыгин с самого начала определил свою жизненную и литературную судьбу: всегда в дороге, всегда в поиске нового, неизведанного.

Часто с чувством гордости и радости говорил Александр Васильевич о том, что ему необыкновенно везло на незабываемые встречи. Участник зонального совещания молодых писателей Центрального Черноземья, проходившего в середине 1950 годов в Воронеже, наш земляк попал в семинар Петра Чагина – друга и соратника Сергея Есенина. Было от чего волноваться и переживать! И хоть к тому времени Стрыгин имел многочисленные публикации в периодике и две самостоятельные книги (в 1954 году увидел свет второй сборник рассказов и очерков «Простые люди»), он не мог не чувствовать, что ему не хватает литературного образования, настоящей писательской школы. Руководитель семинара Чагин, одобрительно отозвавшись о произведениях тамбовского писателя, отметил его несомненное дарование, рекомендовал Александра Стрыгина в Литературный институт имени А. М. Горького.

Будучи студентом, молодой писатель пережил ещё несколько значительных, волнующих встреч, на всю жизнь оставшихся в памяти и в сердце, – с Львом Кассилем, Всеволодом Ивановым, Михаилом Шолоховым, который и благословил провинциального автора повестей и рассказов на большую вещь – роман «Расплата». Вот как об этом вспоминал сам Александр Стрыгин: «Группа студентов старших курсов Литературного института была приглашена на учредительный съезд писателей России. В перерывах между заседаниями с нами охотно фотографировались Шолохов, Федин, Исаковский... Эти фотографии хранятся в моей заветной папке. В последний день работы форума российских литераторов, во время одного из заседаний, когда зачитывалась длинная резолюция, я вышел в просторное фойе Дома Союзов и... увидел Шолохова!»

Это была первая встреча Стрыгина с великим русским писателем. Немного позже Михаил Шолохов был приглашён к студентам Литинститута, рассказывал им о своей работе над романами, отвечал на вопросы, дарил книги с автографом. Александру Стрыгину досталась «Поднятая целина» с надписью автора: «А. В. Стрыгину с добрым чувством. М. Шолохов».

«Поставив точку, – с волнением рассказывал Александр Васильевич, – он вдруг глянул на меня и строго спросил: “Над чем работаешь к диплому?” Я ответил, что написал первые главы романа на тамбовском материале, но не знаю, что получится. “Получится, если спешить не будешь”, – сказал Шолохов и дописал на книге: “С отцовским пожеланием удачи. 25.12.58.”».

После такого благословения Стрыгин с удвоенной энергией взялся за изучение архивных материалов для романа «Расплата». В 1959 году он с отличием окончил Литературный институт и был принят в Союз писателей СССР. А в 1962 году увидел свет его роман, о художественном уровне которого, об идейной значимости свидетельствует тот факт, что он вызвал необыкновенный интерес у читателей, переиздавался несколько раз. Не всякое произведение, даже столичного автора, публиковалось в «Роман-газете», а стрыгинская «Расплата» была напечатана в этом издании... трёхмиллионным тиражом! Это была, конечно, сенсация: и радости самого писателя, и его земляков не было предела.

Заметный след в жизни Александр Стрыгин оставил не только своими документальными и художественными произведениями. Он стоял у истоков Тамбовской областной писательской организации. Созданная в 1960 году, она состояла всего из пяти человек: критик и переводчик Эмиль Беккер, поэты Сергей Голованов и Иван Кучин, прозаики Владимир Комов и Александр Стрыгин, избранный первым ответственным секретарём. Он возглавлял значительно возросшую при нём организацию до 1968 года, когда на этом посту его сменила Майя Александровна Румянцева. На Тамбовщине проводились такие грандиозные

литературные праздники, недели поэзии, что о них помнят до сих пор.

Ставший к этому времени уже достаточно знаменитым, Александр Стрыгин никогда не зазнавался и не отгораживался от молодых литераторов. В Тамбов в 1960-е годы приезжали известные поэты Людмила Щипахина, Игорь Кобзев, Александр Николаев, Валентин Сорокин, многие другие, с успехом выступавшие в рабочих и студенческих аудиториях. И руководитель Тамбовской писательской организации привлекал к участию в литературных вечерах начинающих авторов, имевших тогда всего-то по две-три публикации в местных газетах. Но Александр Васильевич представлял их как настоящих поэтов, тепло улыбался и поощрял: «Читайте, читайте побольше, пусть люди слушают и знают, что и тамбовские в грязь лицом не ударят...» И у молодых словно крылья вырастали: хотелось ещё вдохновеннее работать, чтобы заслужить похвалу старших товарищей по перу и аплодисменты слушателей...

Судьба сложилась так, что в начале 1970-х годов Александр Стрыгин переехал на постоянное жительство в Краснодар. Там он много лет редактировал альманах «Кубань», издал несколько книг. За всё время разлуки с Тамбовщиной не было, пожалуй, года, чтобы писатель не посетил свою малую родину, увековеченную в его произведениях. За год до кончины в Тамбове в 1998 году был издан солидный однотомник произведений Стрыгина, куда вошли его романы, повести, очерки, рассказы, стихи. И автор не просто успел увидеть свою книгу, но и сам представлял её читателям многих городов и районов Тамбовской области.

Начав свои первые литературные опыты с поэзии, Александр Стрыгин не изменял ей до конца жизни. И если стихотворных сборников у него гораздо меньше, чем книг прозы, то потому только, что автор, ведя своеобразный лирический дневник, редко решался обнародовать сокровенное, предназначенное, может быть, для самых близких людей. Кроме того, он, по его собственному признанию, не считал свои стихотворные произведения достаточно

профессиональными для того, чтобы публиковать всё, что создано. Не мог не повлиять и эпизод, когда после чтения Стрыгиным стихов один так называемый профессиональный поэт сказал Александру Васильевичу: «Пиши ты лучше, как писал, прозу...» Наверное, не случайно появились тогда вот эти строки «не-профессионального» поэта Стрыгина:

*Однажды утром на рассвете
Я слушал пенье соловья.
В своём он деле был поэтом,
С ним пела и душа моя!
Крикливая воронья стая
Слетелась вдруг со всех сторон...
И песня, нежная такая,
Заглохла в карканье ворон...
И я подумал в утро это,
Под тот вороний шум и гам:
Вот так и каждого поэта
Легко закаркать дуракам.*

Уж такое-то стихотворение давным-давно надо было обнародовать, но автор решил на это через много лет после его написания. А оно ведь и до сих пор актуально...

В творчестве Александра Стрыгина большое место занимает тема Великой Отечественной войны. Его стихотворение «Фронтная память», положенное на музыку композитором В. Захарченко, не раз звучало на Тамбовщине и на Кубани:

*Фронтная память – побольнее ран...
– Отчего невесел, старый ветеран?
– Часто, часто снятся те, которых нет,
И окоп тот снится вот уж много лет.*

Не оставила равнодушными читателей поэма «Материнский зов» – поэтическая автобиография, в которой – любовь к отчему краю и светлая память о прошлом, боль за Родину и стремление постичь смысл бытия. Когда читаешь прозу Стрыгина, представляешь его твёрдым, суровым человеком, иногда жестковатым. А в поэзии он открылся иными гранями: это нежный лирик, слушающий на рассвете соловья, не стесняющийся припасть

губами к ромашке или обнять берёзку. И любовь, переполняющая сердце, переливается в стихи, чтобы и мы, читатели, по прочтении их почувствовали то же, что и их создатель:

*Сколько б мы ни испытали горя,
Сколько б ни тянулись к красоте, –
Суета сует! Гляди на море
И на звёзды в вечной высоте.
Радуйся лесам, полям и хлебу
И своей единственной судьбе!
«Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе...»*

Но самому-то автору правда ох как нужна была! И он искал её, боролся за неё с тем же пылом, с той же убеждённой, как во время войны бился за победу.

Одну из своих книг Александр Стрыгин назвал так: «Сердце не сдаётся». Сдаваться ему не позволял неиссякаемый творческий дух. Он ведь был не только поэтом, прозаиком, драматургом, но и активным общественным деятелем. А несколько последних лет занимался живописью и успел создать столько картин, что в Краснодаре ему устраивали персональную выставку. В подобных случаях у кого-то может возникнуть вопрос: «Зачем ему это надо?» А ему это было необходимо, и он на очередной встрече с читателями сказал: «Одной литературы мне мало, чтобы выразить переполняющее сердце чувство любви к людям, к Родине, к моей дорогой Тамбовщине...»

В очерке «Раздумья о родном крае» Александр Васильевич писал: «На свете есть, конечно, места красивее тамбовских, но для меня нет ничего милее и роднее, чем криушинские косогоры, кудрявая зелень крутых берегов Цны; и настоящим патриотом станет скорее тот, кто не забыл запаха родного чернозёма, кто не раз побывал под молниями и ливнями в зелёных степных просторах или в чаще берёзовых перелесков, воздух которых настоян на ароматах цветов и грибов...»

Ещё острее звучит патриотическая тема в книге «Мои земляки» (1977), наполненной колоритными портретами жителей

Тамбовского края. Малая родина для каждого человека, считает писатель, – «это не только запавшие в память с детства и навсегда запахи родных полей и лугов, милые сердцу пейзажи, близкие душе мотивы народных песен, это прежде всего земляки, люди, с которыми шагал в рядах ополченцев твой дед, делился последним куском хлеба твой отец; люди, которые узнают в тебе своего человека по одному колоритному местному словечку... Вглядись попристальней в будничные дела своих земляков, и ты увидишь в их делах те же

черты героического, которые были присущи и предшествующим поколениям, создавшим многое, что окружает нас теперь, и защитившим это от врагов...».

Александр Васильевич Стрыгин немного не дожил до 80-летия (он скончался в Краснодаре 16 апреля 1999 года), но слово «старик» к нему совершенно не подходило. Он всегда был подтянутым, стремительным, а главное – равнодушным, готовым прийти на помощь в любую минуту, как истинный русский человек.

ТОНКИЙ ЛИРИК И ОСТРЫЙ САТИРИК

Геннадий Александрович Попов

Многих тамбовских писателей, юбилеи и творческие вечера которых не раз устраивала литературная общественность, уже, к сожалению, нет с нами. А они могли бы ещё немало сделать полезного – по крайней мере, пополнить список поэтических и прозаических произведений.

Двадцать один год назад (в 1997 году) ушёл из жизни Геннадий Александрович Попов, автор многих книг для взрослых и детей – стихотворений, поэм, стихов-загадок, басен, рассказов. Он родился в городе Россошь Воронежской области. С 1962 года жил и работал в Тамбовской области, куда его распределили как молодого специалиста – выпускника Воронежского сельскохозяйствен-

ного института. Был главным зоотехником в Кирсановском районе, в областном управлении сельского хозяйства, с 1975 по 1987 год работал заведующим отделом сельского хозяйства и пищевой промышленности Тамбовского обкома КПСС.

Литературным творчеством Геннадий Попов занимался с детства. Печататься начал поздно (возможно, из-за «серьёзных» должностей он стеснялся предлагать свои произведения для печати), но его острые сатирические строки «ходили в списках» – то есть их знали и с удовольствием цитировали друзья и знакомые из окружения Геннадия Александровича. Правда, его юмористические стихи изредка публиковались в «Тамбовской прав-

де», а позже и в приложении к этой газете – в ежеквартальнике «Литературный Тамбов».

Первая публикация сатирических стихотворений Геннадия Попова появилась в 1988 году в коллективном сборнике «Омлет из шампиньонов», а вскоре одна за другой стали выходить поэтические и прозаические книги, в том числе и книги для детей: «Размышления», «Улыбнитесь, пожалуйста!», «Бывали дни весёлые», «Рассказы и сказки», «Ребятчи заботы» и другие.

Надо сказать, что Геннадия Попова очень поддержали в своё время товарищи по перу: почти все сборники этого автора были выпущены Книжной лавкой писателя Александра Акулинина и издательством «Новая жизнь», созданным Василием Кравченко. По их рекомендации в 1992 году Геннадий Попов был принят в Союз писателей России.

И до этого он был творчески активен, а приём в коллектив профессионалов воспринял как особую ответственность. Понимая, как нужна хорошая литература вообще, а для детей – в особенности, Геннадий Александрович много времени отдавал работе над произведениями для малышей. О них и для них он писал стихи, рассказы, пьесы, которые сами же дети исполняли на утренниках, часто в присутствии автора. Хоть и мало у него было свободного времени, но на приглашения встретиться с маленькими читателями Геннадий Попов всегда отвечал согласием. И получал от таких встреч, по его словам, огромное удовольствие. А как радовались дети книгам, которые привозил им Геннадий Александрович, красочной газете «Малышок», несколько лет выходившей в Тамбове под его редакцией! Он признавался, что именно на детях, в том числе и на своих, проверял, хорошие получились стихи или нет. Иногда ребёнок с первого же прочтения запоминал несколько строк, и это радовало автора. Он сам был в какой-то степени ребёнком – искренний, иногда наивный, добрый...

Об этом хорошо написал в своих воспоминаниях сын Геннадия Александровича: «Работа у отца была нелёгкая, отнимавшая массу времени и сил, но, приходя домой, уставший,

он с удовольствием занимался с нами, придумывал какие-то игры, пел нам забытые песни, которыми мы заслушивались... В нём всегда жил ребёнок. Из каждой командировки он привозил нам новые игрушки: железные дороги, всевозможные вездеходы с дистанционным управлением – и сам с радостью проводил их испытания. Помню, мы часами “резались” с ним в настольный хоккей, и в ком из нас было больше азарта, ещё неизвестно...»

Разностороннее дарование Геннадия Попова отмечали все, кто с ним общался. Наряду с книгами для детей у него выходили лирические сборники со стихами о любви и о природе, публицистические статьи, очерки; он вступал в полемику по всем вопросам, которые поднимали на своих страницах областные и городские газеты.

Особое место в творчестве поэта занимают стихи о Великой Отечественной войне. Как переключка поколений воспринимается стихотворение «Послание отцу». Описывая жизнь в тылу, тяготы, которые переносили семьи, чьи отцы были на фронте, автор возвращается к современности, к трагическим событиям, происходившим в России 1990-х годов, – событиям, которые, по его мнению, не менее трагичны, чем Великая Отечественная война: распалась огромная, когда-то непобедимая страна, начался «пересмотр» исторических событий, появились клеветнические публикации, оскорбительные для участников войны. «Возможно, были времена труднее, / Но не припомнят времени подлей...» – с горечью писал Геннадий Попов, осознавая и свою вину в том, что не смог победить зло, обрушившееся на Россию:

*В неведомые, неземные дали
Я шлю тебе свой фронтовой привет.
Да, мой отец, мы вместе воевали,
Хотя тогда мне было восемь лет...*

*Когда я прихожу к твоей могиле,
Всем сердцем чувствую свою вину...
Да, мой отец, мы вместе победили,
А без тебя я проиграл войну.*

И всё-таки до последних дней жизни Геннадий Попов занимал активную жизненную позицию. Его острые выступления на страницах тамбовской и столичной прессы никого не оставляли равнодушным. А кое-кто и с досадой «ёрзал» в бюрократическом кресле, если, открывая очередной номер газеты, наталкивался взглядом на такие строки:

*Приписки надо сокращать по мере роста!
Всё кажется легко на первый взгляд.
Но если нам враньё отбросить просто,
Как экономика откатится назад!*

Или:

*Не те уж нынче, безусловно,
Диктаторские проявления –
Диктатор новый тихо, скромно
Диктует текст постановленья.*

При жизни у Геннадия Попова вышло несколько книг в Тамбове и Воронеже – в основном малоформатных и малообъёмных. В 2000–2001 годах в Тамбове, в Книжной лавке писателя Александра Акулинина, усилиями родных и друзей был издан солидный двухтомник избранных произведений рано ушедшего из жизни автора. Он умер 22 апреля 1997 года, похоронен на Воздвиженском кладбище. И грустно читать сейчас строки, написанные более двадцати лет назад, которые, к сожалению, оказались пророческими:

*Не завидую я молодым –
Пожилomu завидую люду:
Молодым я когда-то уж был,
А вот старым, возможно, не буду.*

Во втором томе избранных произведений Геннадия Попова «Дела и люди» есть большой раздел воспоминаний об этом незаурядном человеке – родных и близких, товарищей по партийной и писательской работе. В дни, когда поэта провожали в последний путь, газета «Тамбовская правда» писала: «Ушёл из жизни красивый, талантливый русский писатель, патриот». Этим всё сказано.

29 апреля 2013 года на доме, где жил Геннадий Александрович Попов (улица 60-летия Октября), в память о нём была установлена мемориальная доска. **А**

МЫ ВСЕ – ПОЭТЫ!

Красота всем доступна пока
В век прогресса...
Ну разве не странно? –
Выйди в горы, войди в облака
И поймешь – это просто туманы.
Лунный свет на изгибе реки –
Отражение солнца, не более...
Васильки – это те ж сорняки,
Жаль, что столько их выросло в поле!
Да и роза – набор лепестков
Возле тощей зелёной головки.
Звёзды тусклые так далеко,
Что дарить их кому-то – дешёвка...
Но любят наши глаза
Васильками, звездой, лунным светом.
Нас поэтами Бог всех создал,
Но не все только знают об этом!

ИЗ ПОСЛЕДНИХ СИЛ

Мне последних сил не жалко,
Но от острой мысли жарко –
Где он есть, где он такой,
С жаркою лихой строкой?
Впрочем, надо ли металла?
Лишь бы строчка согрела
Душу чуткую людей
До её последних дней.
Мы стремимся так засеять
Строчками свои года.
Только Пушкин, Блок, Есенин
Есть одни и навсегда.
Мне пока ещё держаться,
С кем-то, может, и сражаться
Из своих последних сил,
Я их много сохранил.

Вера БЕЛЯЕВА

Родилась и выросла в селе Покрово-Марфино Знаменского района Тамбовской области. В 1990 году окончила факультет русского языка и литературы Мичуринского пединститута. Работает по специальности вот уже более четверти века.

Публиковалась в газетах «Тамбовская жизнь», «Сельская новь», альманахе «Трегуляевских сред» (с 2012), сборнике поэтов знаменской земли «Истоки вдохновения» (2012), журнале «Союз писателей» (№ 4, 2018). Автор трёх поэтических сборников: «Степная даль» (2016), «Серебряные струны» (2017), «АВерС» (2018).

Член Союза журналистов России с 2016 года.

Родная земля

ИЗ ТОЙ СТРАНЫ...

По части травли равных тебе нет:
Сломать кого иль втихарца подножку –
Из той Страны Советов, где совет
Дешевле стоит, чем коня стреножить.
Из той страны, влюбившей колоски
Чуть более, чем выжатые соки,
Где исполнители на зов и гон легки,
Всегда готовы впарить пару сроков.
Из той страны, где ставится клеймо
Ещё в утробе или при зачатъе,
Из той страны, которую не смог
Ты в мыслях разлюбить и на распятье.
Всё в нас продуманно: до хруста позвонков,
До ломоты в суставах, до озноба,
До свиста ветра в дне порожняков,
До миллиграмма, тиснутого пробой.
Из той страны, которая волчат
На растерзанье вышвырнувши, вскроет,
Там пять колец без гимна промычат
Бесслёзным криком преданных изгоев.
А ты её люби! Люби ж её! Жалей!
Она, не спрашивая, пуповиной свяжет,
Тончайшей веточкой берёзовых аллей,
Зовущих вдаль распахнутых пейзажей.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

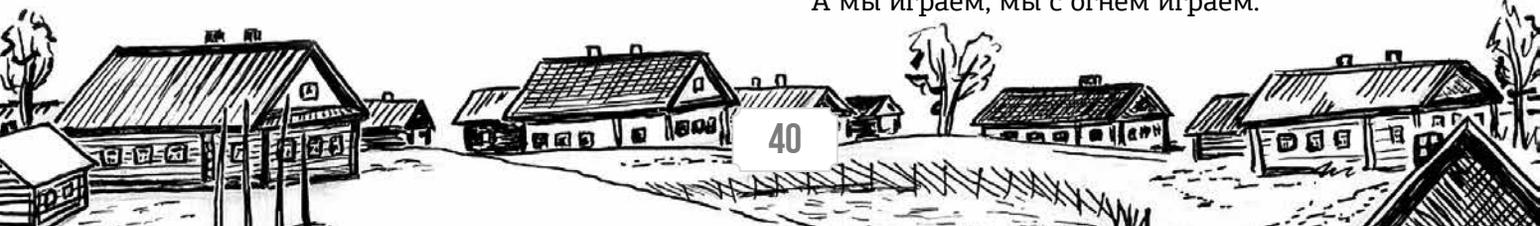
Она качается, она шатается.
Страстными временами упивается.
В Донбассах, Сириях слезами умывается,
Она пока, пока ещё вращается!

Она в апрелях тропкой иль проталинкой,
Она слепой старушкой на завалинке
Иль робким свистом жаворонка в поле
Сигналит каждому из нас о доброй воле:

Убить или вскормить? Сбереечь иль
уничтожить?
Агрессию иль позитив умножить?
Щенка бездомного пригреть иль отвернуться?
Ожить для радости иль в злобе задохнуться?

Она для каждого из нас и мать, и колыбель,
И вечный зов, и призрачный туннель,
Единственное в странствиях пристанище,
Родное пепелище от пожара.

Мила в горсти и неподвластна взору,
Она с опаской и немым укором,
С отеческой надеждой замирает,
А мы играем, мы с огнём играем.

НАШЕ ВРЕМЯ

Наше время пристраивает к избе три стены,
Входит в заднюю дверь: со двора, со двора...
И гораздо удобнее хныкать да ныть,
Чем на площади людной правду-матку орать.

Наше время – время сорванных кранов крови,
Крымских мостов и рекордов Конюхова,
Огнемётных прилепинских предисловий,
Прародительской скорби и боли сыновьей.

Попирает все рейтинги власть оружия,
Только сила пера, только сила молитвы
На устах простолюдина лечит нужды,
Бесконечной слезой наполняя битвы.

А рассветы над Родиной так же крылаты,
И всё так же весной разжижает дороги,
И идут по призыву и долгу солдаты
Удобрять эту Землю своим эпилогом.

Наше время – время мелкого бисера
с чёрствым хлебом,
Хруста костей вперемешку с журчаньем аорты,
И глядит сам Отец с бесконечного синего неба,
Как земля замедляет свои обороты.

СТЕПИ

Неказистые,
серые,
стылые
степи,
Переливы полынные волчьих отрепьев,
Для кого-то – уныло-постылые цепи,
Бесконечные, вечные, млечные степи!

Шаг
земной
нарочито
деля,

Для чего так чарующе длятся поля?
Переходят в растянутые пространства,
Где застывшее время меняет убранство.

Необъятная вольница, кормчий земля!
Дай мне искру воспеть эти груди-поля!

Потом и кровью, слезой и любовью
Взлеянная в пашнях,
В посевных рукопашных!

Вся распахнутая в апрелях,
Пораспиханная по артелям...
И в горсти ты мила, и в солёном
кристаллике пота,
И сродни безупречность твоя
материнской любви
и дочерней заботе!

БЕЗЫЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

*Деду Василию Ульянову,
солдату Великой Отечественной войны*

Здесь же наспех запишут пером на бумаге,
Ненадёжной и лживой,
Только шкуру оставлю взаправду в овраге,
Что скреплён лопухом да крапивой.
Ах! Ещё моей кровью полит да навечно
помечен,
Не ищите меня в тех архивах – я теперь
засекречен!
Среди призванных временем к месту
Привязан к сюжету.
В тех тетрадях меня, безывестного, нет
И известного НЕТУ!
Хоть бы стоном зерна из ладони в ладонь,
Хоть душа бы одна издала по мне стон. А

ВРЕМЯ – ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Виртуальная дверца виртуальной машины времени открылась, приглашая прокатиться в прошлое. Я и покатился. Для начала покатился на вокзал города Екатеринбурга, куда я приехал в командировку и где меня встретил мой армейский товарищ – Сергей Валентинович Хван. Мы с ним не виделись тридцать пять лет, с тех самых пор, когда с другого вокзала, вокзала города Белогорска, что в Амурской области, отправились, в строгом соответствии с воинской присягой, продолжать исполнять воинский долг. Долги у каждого свои, как и дороги, которые мы выбираем, или которые выбирают нас, или выбирают за нас. Ну а раз мы служили в Советской армии, за нас дороги как раз и было кому выбрать, и было кому за нас подумать.

Дело происходило в феврале 1980 года. А незадолго до этого, 12 декабря 1979 года, Чон Ду Хван осуществил военный переворот в Сеуле. Почему это важно?

В декабре 1979 года наша часть, расквартированная в Амурской области, вдруг резко взялась повышать боеготовность. Тревоги, марш-броски, стрельбы. Кривая успехов в/ч 12618 в овладении искусством побеждать устремилась вверх. Сначала-то я на наших китайских братьев грешил, ведь до высоких берегов Амура сто пятьдесят километров. Зря.

Скоро всё разъяснилось. В Кабуле надобно было кое-чего подправить после очередной народно-демократической революции.

Для начала кое-чего подправили в батальоне. Теперь мы именовались в/ч пп 35818. Технику получили новую. Ярых приверженцев Бахуса поменяли. Поменяли, как и следовало ожидать, на равноценных.

Попал под раздачу и Серёга Хван, хотя в его личном деле сведений, порочащих высокое звание лейтенанта нашей армии, не содержалось. Но капитан Емелин, наш замполит, уловил несомненное созвучие Серёгиной фамилии с фамилией южнокорейского диктатора, решил, что перебдеть-то всяко-разно будет лучше, чем недобдеть:

– Кто их разберёт, этих Хванов, наш, к примеру, возьмёт да и отчебучит в Кабуле какую-нибудь хрень! А спрос тогда с кого учинят? Вот то-то. Так что пусть в Архару катит, подальше от греха. Ему будет полезно, да и мне звёздочки на погонах пора поменять. Давно.

Капитан стал вскорости майором, нельзя сказать, что уж совсем в прямой связи с отправкой моего товарища «в другую сторону», но лыко легло точно и в строку.

Серёга же принялся писать рапорта с просьбой отправить его в страну «А». Безрезультатно.

Вот где, скажите на милость, здесь логика?! Кадровому военному, профессионалу в Афганистане исполнять интернациональный долг зазорно, а солдатам-срочникам, мальчишкам по сути, да и нам, офицерам-двухгодичникам, полублюбителям, и это в лучшем случае, – да скатерью дорога!

Однако логика, если случай с моим корейским другом вынести за скобки, безусловно, существовала.

Много лет спустя наш бывший комбриг Владимир Дмитриевич Ковшов разместил на сайте бригады несколько моих рассказов, мы начали переписываться, он и разъяснил, зачем нас отправили «за речку».

Служить нам оставалось полгода, следовательно, опыт-то, несмотря на полублюбительский статус, имелся. Битые то есть. И при нормальной обработке – потенциально кадровые офицеры. А не подписали контракт? Тут и вовсе не беда. Нам на смену придут лучшие выпускники военных училищ, выбирать только успевай!

Как я оказался на этой развилке с куцым выбором альтернатив?

В 1973 году в городе Асино Томской области окончил среднюю школу № 3. В том же году поступил в Томский инженерно-строительный институт, на строительный факультет, специальность – «промышленное и гражданское строительство». Со второго курса был старостой группы, в курсовом бюро ВЛКСМ заведовал спортом. Играл и за группу, и за курс в футбол. В 1978 году получил диплом. Ну а так как в институте была военная кафедра, нам по окончании присвоили звание «лейтенант-инженер». Пятеро из института, в том числе и я, отправились исполнять воинский долг. Оказались в 159-й отдельной дорожно-строительной бригаде. В августе прибыли в город Петровск-Забайкальский, представились командиру.

Нас четверых (Анатолия Митрофанова, Владимира Ралдугина, Юрия Селявского, Александра Сухачёва) отправили в Васильевку Бе-

Лейтенанты А. П. Сухачёв и С. В. Хван, город Белогорск, 1979 год

логорского района Амурской области, в 1715-й отдельный мостостроительный батальон, в роту старшего лейтенанта А. Барышникова, командирами взводов.

Те времена остались в памяти на всю жизнь. Бригада меняла место дислокации, поэтому одновременно строили все объекты жизнеобеспечения военного городка, к зиме нужно было иметь казармы, столовую, дороги плюс ДОСы (дома офицерского состава).

Командованием бригады было принято решение строить жильё для офицеров и прапорщиков не в виде деревянных сборно-щитовых казарм, а в виде добротных трёхэтажных домов сельского типа из Возжаевского ДСК. Чем мы, молодые лейтенанты, со своими взводами и занимались. Выходных было два, один летом, другой зимой (юмор такой бытовал). К ноябрьским праздникам в общих чертах справились. В клубе уже смотрели кино – «Большие гонки».

Наш батальон во главе с подполковником А. П. Кашириным в полном составе присоединился к нам.

Как и положено молодым офицерам, получали выговоры да замечания. Втягивались, в общем.

Сейчас, когда смотрю в интернете на фото мест, где мы сказку делали былью, а ныне всё пошло прахом, ковыль да в нескольких ДОСах

Белогорск, декабрь 1979 года

Знак ветерана нашей бригады

ещё теплится жизнь, то становится немного обидно. Как говаривал Верещагин, за державу обидно... Потом был Афганистан...

В интернете же полно и фотографий дворца Тадж-Бек.

Вообще-то в изображениях дворцов планета уже давно дефицита не испытывает. Но если античные шедевры архитектуры приходили в своё нынешнее состояние столетиями, то дворец Амина (более распространённое и понятное название дворца Тадж-Бек) в Афганистане, современный их архитектурный собрат, выглядит в этом ряду акселератом.

Ему удалось превратиться из прекрасно вписанного в горный ландшафт творения западногерманских зодчих в неухоженного, безглазого инвалида всего за несколько десятилетий.

«Ну и какое тебе дело до в прямом и переносном смыслах забугорного дворца? – можете спросить вы. – Ностальгия обуяла? С чего бы? Тоска по родине, родным местам? Ах, в более широком смысле? Вон оно что, это как у Градского: "И юность ушедшая тоже бессмертна"?..»

Что ж, юность? Пожалуй. Но и война, последняя война Советской армии. Да и в реставрации дворцов мне ни до, ни после, несмотря на тридцатилетний строительный стаж, участвовать не приходилось.

В 1973 году (я как раз заканчивал школу) короля Афганистана Мухаммеда Захир-шаха сместил с престола двоюродный брат, принц Мухаммед Дауд. Может, я и ошибаюсь, но это классический вариант, в будущем получивший определение «цветная революция». Дауд добровольно сложил с себя монарший титул, объявил страну республикой и начал проводить прозападные реформы. Ярчайший пример государственного идиотизма. Мы точно таким вот образом и под точно такие же лозунги угробили в 1917 году Российскую империю.

Советское руководство у моря погоды ждать долго не стало, легко прогнозируемое появление у себя под боком американских военных баз, кои выступают в качестве неременного атрибута практически любой демократии на планете, постаралось пресечь в корне.

27 апреля 1978 года произошла Саурская революция. Власть перешла к просоветской На-

Изначально дворец Тадж-Бек выглядел так

родно-демократической партии Афганистана под руководством Нур Мухаммеда Тараки. Была провозглашена Демократическая Республика Афганистан (ДРА).

За революцией практически всегда – вспомним нашу историю – следует гражданская война. Именно она и последовала.

В марте 1979 года в г. Герат взбунтовались военные. Кабульские власти обратились к СССР с просьбой о прямом военном вмешательстве. Политбюро ЦК КПСС, однако, отклонило просьбу, посчитав, что последствия подобного акта будут негативными.

Но ситуация из-под контроля вышла, и следовало реагировать. По приказу министра обороны маршала Дмитрия Устинова началась подготовка к военному десанту. Число советских военных советников в Афганистане увеличили с 409 до 4500.

Как дальше развивались бы события? Сказать трудно. Можно, конечно, посчитать вари-

анты. Только особо незачем. В сентябре 1979 года Нур Мухаммед Тараки был задушен подушкой по приказу своего соратника по партии Хафизуллы Амина, ставшего новым лидером ДРА. В сущности, обычное дело, к чему церемонии, ведь речь идёт о власти. Ну в самом-то деле, выборы, что ли, устраивать?! Не смешите мои ичиги!

Занятым людям языком чесать некогда, революцию надо делать! Ну а потом историю стоит совсем немножко подрихтовать, и вот уже фракция НДПА «Парчам» («Флаг») с лидером Тараки – враги на-

Так теперь выглядит дворец Амина, он же Тадж-Бек палас

рода, а «Халк» («Народ») под мудрым руководством Амина – его, то есть народа, спасители.

Спасать народ принялись проверенным способом – репрессиями против людей Тараки. Попало под раздачу и руководство армии.

Говорят, некоторое время усидеть на штыках можно, долго особо никому не удавалось, однако пробовали многие. И Амин решил попробовать – обратился к советскому руководству с просьбой ввести войска в Афганистан.

Решение об интервенции в Афганистан было принято 12 декабря 1979 года. К тому времени руководству СССР стало известно о переговорах Амина с американцами. Медлить было нельзя.

Первые советские части вступили в Афганистан в канун Рождества – 25 декабря 1979 года. Настоящее же вторжение началось вечером 27 декабря. Именно тогда был взят штурмом дворец Тадж-Бек в Кабуле, где располагалась резиденция Хафизуллы Амина.

Лейтенанты Анатолий Митрофанов, Александр Сухачёв, Игорь Прасолов. Кабул, 1980 год

За нами Кабул. Анатолий Митрофанов, Александр Сухачёв

Официальная версия, затем опубликованная в газете «Правда», гласила, что бывший глава Афганистана предстал перед народным судом, который приговорил его к смертной казни.

На смену Амину пришел Бабрак Кармаль, которого советские солдаты прозвали Колей Бобровым. Когда-то Нур Мухаммед Тараки отправил Кармаля послом в Чехословакию, а затем уволил, обвинив в антиправительственном заговоре. Кармаля приютили в СССР, где он исключительно сильно пристрастился к водке.

Как уже было сказано, в декабре 1979 года нашу часть 12618 переименовали в в/ч пп 35818 и, частично сменив кадровый состав, направили в Афганистан.

Вновь прибывшие офицеры и прапорщики за время следования эшелона с Дальнего Востока в город Термез влились в наш дружный воинский коллектив безболезненно. Благо железнодорожные буфеты и рестораны тех лет дефицитом не страдали. Печально известное постановление Политбюро ЦК КПСС увидит свет только лет через семь.

Шёл март 1980 года. Город Термез встретил нас суровыми рассказами партизан. Они, в основном шофёры, были призваны из запаса и в первые месяцы Афганской кампании обеспечивали переброску грузов за речку. Просветили ветераны несмышлёньшей и насчёт красных галстуков (перерезанное горло), и насчёт беспощадных кочевых стрелков, которым платят бешеные деньги за офицеров.

– В инвалюте? За нас то есть? Ух ты! Вот кто нам настоящую цену знает!

Но наш комбат, подполковник А. П. Каширин, шансов на обогащение горцам не дал. Каким это образом? А вы-то сами пошевелить мозгами не хотите? Хотите, значит. И даже думаете, что нам выдали солдатские бушлаты. Точно, ну и догадливый у нас народ! Осталось прикрепить полевые звёздочки, красным карандашом провести продольную линию, и плевать на их снайперов!

Единственным, кого не уберёт маскарадный прикид, оказался я. В повседневной шинели и при эполетах ваш покорный слуга выглядел вполне импозантно. И точно главным среди суетящейся серо-зелёной массы, вывалившейся из транспортного самолёта. Издалека. С расстояния снайперского выстрела. Слухам, согласитесь, свойственно малость преувеличивать. Да и немаленькую малость. В общем, выгрузка прошла вполне буднично. На армейском – происшествий не случилось.

Таким образом, 9 марта 1980 года оказались в Кабуле. Батальон разместился в палаточном лагере, поблизости от уже упомянутого дворца. Быстренько обустроились, наладили горячее питание, в палатке же развернули баню. Даже волейбольную площадку соорудили. Три раза в неделю смотрели фильмы. Чётко заработала полевая почта.

С ходу же и принялись восстанавливать дворец, которому надлежало стать теперь уже штабом нашей 40-й армии.

Аклиматизация прошла нормально. Весной в Кабуле случаются даже дожди. Вот про выходные пришлось забыть. Как и про многое другое, именуемое расхожим штампом «цивилизация». Аскетичность бытия вкупе с мусульманской строгостью по отношению к горячительным напиткам большим сюрпризом не стала, но и радости личному составу явно не добавляла. Зато какие открылись просторы для инициативы! Нельзя сказать, что мы были уж такими завзятыми почитателями Бахуса, отъявленных фанатов зелёного змия отсеяли ещё в Союзе, но... но вспомните про запретный плод. Который сладок.

Застарелый штамп – город контрастов – это и про Кабул тоже. Мирное сосуществование небольшого количества современных зданий,

панельных пятиэтажек, числом уже поболее, с минаретами и глинобитными саклями обозвать гармонией, застывшей в камне, язык не поворачивается. Зато несколько временных пластов, или эпох, как вам будет угодно, сосуществуют на улицах города вполне буднично, что ли.

Буйство стилей в одежде обитателей афганской столицы тех времён – это вообще отдельная песня. От паранджи до мини. А вооружённые силы? Где ещё увидишь танк Т-34 не музейным экспонатом?

Экипированные в немецкие каски времён Третьего рейха, с немецкими же автоматами, афганские солдаты навевали ассоциации с другой войной. Маузеры, винтовки Мосина, ППШ усиливали впечатление. Плюс это всё ещё и стреляло.

Первое время на стрельбу в городе личный состав, нёсший тяжкое бремя патрульной и караульной службы, реагировал одинаково.

Дикие вопли: «Тревога! Рота, па-а-адъ-ём!» – раза три за ночь радовали нас.

Чего тут, собственно, радостного? Дак не спят, родимые. Знать, и нас сонных не вырежут. Примерно месяц по очереди рвали глотки.

Постепенно обстановка стабилизировалась. Мы даже стали сдавать оружие в оружейные палатки. Автоматы брали, если отправлялись в город. Жизнь в столице тоже входила в обычную колею. К майским праздникам с перекрёстков убрали бронетранспортёры и боевые машины пехоты.

Фасады и интерьеры бывшей резиденции Амина постепенно приобретали первозданный вид. А концерт Иосифа Давидовича Кобзона?! Создавалось впечатление полного успеха кампании. Скажи мне тогда кто-нибудь, что это только иллюзия, мягко говоря, не поверил бы.

И ещё. Марксу и Энгельсу уже давненько пришла мысль про бытие, руководящее сознанием. Солдатское бытие солдатскому же сознанию посылало вполне ясные сигналы по поводу верности учения основоположников. Кто мы? Мы интернационалисты. И баста! Вот с товарно-денежными отношениями промахнулись теоретики. Деньги при наличии их отсутствия (афгани нас не баловали) заменялись товарными эквивалентами. Вопрос на засыпку, куда нас

1979 год, учения в Амурской области.
Ю. А. Селявский в нижнем ряду
второй слева, рядом со мной

отбросило, в палеолит или неолит (нюансы каменного века)?

Попозже уже отечественные горе-экономисты обзовут это бартером. Борьба со стихией рынка, как показала наша новейшая история, бесполезно. Нет, конечно, командование части не бездействовало, периодически устраивались шмоны с показательной моральной поркой коробейников перед строем, с последующим препровождением оных на гауптвахту. В назидание. Назидание дало блестящие результаты.

По прошествии двух месяцев в парке не осталось ни одного запасного колеса, гаечные ключи и запчасти ушли тоже. Расход ГСМ вообще поражал воображение: автомобильные, на первый взгляд, двигатели пожирали бензин, аки самолёты. Что подтверждалось различного рода справками и актами на списание. А что взамен? Взамен дешёвая бижутерия и побрякушки. Или мы в душе индейцы? Дай нам волю – вспомните начало девяностых, – мы на словесные побрякушки типа «О, Горби! О, Борис!» страну разменяем.

Ну а нам пришло время увольняться в запас. Из четырёх сокурсников, призванных из Томского инженерно-строительного института, трое с чистой совестью покинули пределы ДРА. Старшими лейтенантами запаса.

Остался один – Юра Селявский, стал кадровым офицером. Почему его никто из нас не отговорил? Просто мужчина сам обязан принимать решения. Офицер тем более. При желании, конечно, можно поискать и ля фам. Юра недавно развёлся. К женскому коварству апеллируют обычно слабаки. Юрий Афанасьевич Селявский таковым не был. Орденами Красной Звезды слабаков не награждают.

Приведу короткую справку:

Селявский Юрий Афанасьевич, старший лейтенант, заместитель начальника склада материально-технического снабжения. Родился 02.12.1955 в городе Томске. Русский.

В Вооружённых силах СССР с 03.07.1978.

Военную подготовку получил на военной кафедре Томского инженерно-строительного института.

В Республике Афганистан с февраля 1980 года.

30.05.1981 при следовании по маршруту Кабул – Термез автомобильная колонна, начальником которой он был, подверглась обстрелу.

Действуя смело и решительно, старший лейтенант Ю. А. Селявский организовал отражение нападения и сам принял непосредственное участие в сражении.

Когда во время боя один из солдат получил серьёзное ранение, Юрий Афанасьевич, проявив самоотверженность, под огнём противника вынес раненого в безопасное место, но сам был тяжело ранен.

От полученных ран умер в госпитале 31.07.1981.

Награждён орденом Красной Звезды (посмертно).

Похоронен на кладбище «Бахтин» в Томске.

Решением администрации города Томска от 21.05.2009 одна из улиц нового посёлка Озерки получила наименование в честь Юрия Афанасьевича Селявского.

В память о нём ежегодно проводятся соревнования среди молодёжи по стрельбе из пневматической винтовки.

Юра Селявский стал настоящим, невыдуманным героем. Он жизнь разменял, разменял свою на чужую. А этот поступок из

тех, которые отличают нас от многих народов мира: «Мы все погибли бы, если бы не погибали!» – и трудно к этой фразе чего-то добавить.

Но со смертью товарища у меня начали развеиваться иллюзии.

Война затягивалась, западные державы консолидировались под пропагандистские вопли про империю зла.

Ладно, ещё щепотку соли на раны сыпану. Что последовало за выводом войск из Афганистана, мы все прекрасно помним. Разразилась крупнейшая геополитическая катастрофа на территории СССР.

Коллапс экономики окончательно развеял иллюзии. Теперь уже мало кто верил, что наша страна после столь ощутимых ударов сможет подняться.

Тем более мы сами себя с упоением добивали – в декабре 1989 года II Съезд народных депутатов СССР принял решение об осуждении Афганской войны и признал грубой политической ошибкой участие в ней советских войск. Получилось, что я участвовал в войне, общественная оценка которой весьма неоднозначна. С моей точки зрения, цели Афганской кампании были вполне прагматичными и ни в коей мере не ошибочными. Подкачали исполнители. Сколько прекрасных и продуманных до мелочей планов и операций загубил этот пресловутый эксцесс исполнителя?!

Посему крылатую фразу Ильича про каждую кухарку, которая с лёгкостью может и государством порулить, случись чего, пора забросить на помойку. Оказалось, не всякий генеральный секретарь КПСС – согласитесь, далеко не кухарка, – способен руководить государством. Дело не в названии должности руководителя, в этот ряд прекрасно вписывается оборот и не про всякого президента, дело в качествах личности, руководящей государством.

Вот Путин взял и с блеском провёл со страной практические занятия на тему «О роли личности в истории». Да, ещё не распрямились во весь рост, но снизу вверх уже ни на кого не смотрим.

Не сгодились для России лекала «оранжевых революций».

У государства с великим прошлым появились неплохие виды на будущее. И жертвы снова видятся не напрасными. Такой большой, а в сказки верю?

А может, и вправду лучше в сказки, чем в крутую болтовню янки про свободу и демократию, бурно зацветшие на древней земле Афганистана.

Благодаря известно кому – им. И эта болтовня продолжается уже второй десяток лет.

Хотя... хотя оставим руинам государств и дворцов шансы, одним на возрождение, другим на достойную музейную старость. А

Александр СУХАЧЁВ,
город Рубцовск, Алтайский край

Елена ЗАХАРОВА

Елена Владимировна Захарова – поэт, автор двух поэтических книг, многочисленных публикаций в журналах, альманахах, коллективных сборниках, участница 3-го слёта молодых литературных талантов «Дети Солнца», проходившего в Москве. Окончила ТГУ имени Г.Р. Державина, аспирантуру. Кандидат филологических наук. В настоящее время работает в Китае.

И Лермонтов был жив...

Я от тебя теперь не прячу взгляда.
Я не боюсь. Я встала в полный рост.
Теперь я слышу над уснувшим садом
Дыханье неба, влажный шорох звёзд.

Я слышу, как над спящим миром зреют
Стихи, молитвы, песни – те слова,
Которые каким-то тайным зреньем
В себе мы различаем лишь едва.

Луна висит, как яблоко, над садом.
Мы встали вровень – две ночных звезды.
Два моря. Две гордыни. Я и ты.
Ты рядом.

Вся тяжесть мира на твоих плечах.
Перед рассветом всё темно и зыбко.
Кто скажет мне: любимая улыбка –
Улыбка друга или палача?

Рождённая в раю, а не в аду,
Любовь не начинается со страха.
Я на твоё плечо, а не на плаху,
Не голову – всю жизнь мою кладу.

ЛЕРМОНТОВСКАЯ УЛИЦА В ТАМБОВЕ

По-летнему тепло на этой улице.
Придёшь – и вдохновеньем дышишь здесь.
И хочется сюда не раз вернуться:
Под сень деревьев и под синь небес.

Здесь обрета от суеты приют,
Поверишь обязательно в соседство
Седой усталой мудрости и детства,
В тепло стихов, что вдруг к тебе придут.

Как книгу, эту улицу открыв,
Не представляешь без неё Тамбова
И понимаешь: память – это слово.
«Погиб поэт...» И всё-таки он жив!

И Лермонтов печально, одиноко
Молчит и смотрит в голубую даль.
Какая вновь зовёт его дорога?
Какая душу тяготит печаль?

Его тоска и горе – выше слов...
Звучат стихи, и здесь всё дышит ими,
Хранит своё волшебное тепло,
Как улице подаренное имя.

ЛЕРМОНТОВ

Небо июльским дождём разрыдалось,
Солнце в седых облаках погасило.
Может, ты знала об этом, Россия, –
Сколько поэту до смерти осталось?

Кажется мне, что во время дуэли
Сделалось солнце холодным и бледным,
Листья от горя совсем пожелтели.
Вместе с поэтом погибло и лето.

Крылья большие сложил серый вечер,
Ночь приближалась, шурша чёрным платьем.
Ждать не хотела холодная Вечность
И позвала в ледяные объятия.

Тихо смотрела луна жёлтым глазом
На молчаливые горы Кавказа,
Их поливая серебряным светом,
Звёзды сияли глазами поэта...

* * *

Всё спрятано теперь от глаз чужих:
В душе незаживающая рана
И целый мир.
И Лермонтов был жив...
Но стал поэт великим слишком рано.

Поэт – всегда для зависти мишень.
Его судьба – то песни, то разлуки.
И память...
Дом и бабушкины руки
Навек запомнил маленький Мишель.

Не травами, а детством пахнет луг.
И запах этот – ласковый и пряный.
Огромный мир сейчас – одни Тарханы,
И небеса распахнуты вокруг.

И холод, и июльский жгучий зной –
В глазах мятежных целый шар земной...
А бабушка не знала: юный барин –
Поэт, пророк, что он российский Байрон.

Теперь уже не будет, как вначале:
Спит дитяtko в железной колыбели.
И небо плачет, полное печали,
Свинцовое, как день его дуэли.

Сама Россия молится о нём...
А дома старый дуб шумит высокий,
И лермонтовский демон одинокий
Не спит, укрыв весь мир своим плащом.

Я слушаю море, как слушают душу,
Когда ей одной в целом мире темно.
И, пеной ложась на холодную сушу,
Мне руки доверчиво лижет оно.

И кажется мне: я его понимаю.
И, слушая шёпот волны и песка,
Опять просыпается в сердце немая,
Горячая – солнце в зените – тоска.

Тяжёлая – словом не выразить даже –
Ложится на плечи, мешая дышать.
И новую предошущает пропажу
Покой потерявшая чайка-душа...

Но то, что сегодня болит, – позабудется,
Утихнет, уйдёт, и появится вдруг
Рассветного солнца спасательный круг
И праздник нежданный на чьей-нибудь улице.

Елена КОСОЛАПОВА

Родилась в 1983 году. Стихи пишет с двенадцати лет. Печатается с 2003 года. Её произведения были опубликованы в местной газете «Пичаевский вестник», журнале «Литературный Тамбов», сборниках: пичаевских поэтов «Край родной! Ты моё вдохновение» (2008), поэтов Тамбовской области «Спасибо, жизнь, тебе!» (2010), поэтов-учителей «Пока живу, надеюсь» (2015). Семь лет работала учителем, в настоящее время работает педагогом-психологом в МБДОУ «Пичаевский детский сад "Берёзка"». Замужем, воспитывает дочь.

Таблетка от любви

В храме тихо и спокойно,
 Нежный блеск от тёплых свечек.
 Подойду к простой иконе,
 Помолюсь, и станет легче.
 Бог услышит мои мысли,
 Он всегда о нас всё знает.
 И, как птица бьётся в окна,
 Так душа моя взлетает.
 Но Господь её утешит –
 Нежно за руку возьмёт.
 И на тёплых волнах счастья
 Мой растает грубый лёд.
 А из храма, улыбаясь,
 Постпешу я снова в мир.
 Мне теперь совсем не страшно,
 Ведь Господь меня простил...

Дайте мне таблетку от любви,
 Чтобы я забыла всё, что было.
 Чтобы не был этот ком в груди,
 Чтобы кровь горячая застыла.
 Не рвалась, не билась вон из вен,
 Не стремилась, жуткая, в истоме.
 И не видеть этих чёрных стен,
 Без него пытаться жить изгоем.
 Дайте мне таблетку от мечты,
 Что парит во снах моих ночами,
 Что мешает спать, и жжёт мосты,
 И стреляет в спину с палачами.
 Разрешите звёзды сосчитать
 И собрать в ладони своё счастье.
 Разрешите вновь свободной стать,
 Без него смеяться в карты масти.
 Дайте мне таблетку от него.
 Я уйду русалкою из пены.
 Разбежусь ручьём... и что с того?
 Возродится обычная Лена...

* * *

Никогда не вернётся, что было.
 Не обнимешь, не скажешь: «Прости».
 Умерла. Моё сердце остыло,
 Не умеет других любить.
 Я иду по чужим дорогам,
 Я смеюсь кому-то в лицо.
 Только Богу, святому Богу
 Видно, как я целую кольцо...
 Потемнело и стало старым,
 Как моя больная душа.
 Я устала, я так устала...
 Ты убил меня без ножа...
 Да, сияет утрами солнце,
 Да, смотрю я порой в зеркала.
 Даже сердце моё ещё бьётся.
 Только радость моя умерла...
 Никогда не вернёшься, не будет
 То, о чём мы мечтали вдвоём.
 Меня нет, и уже не разбудит
 Смс, будто любишь и ждёшь...

ПАПЕ...

Как-то странно всё, непонятно,
 И не верится мне ни капли.
 Ты ушёл просто в мир необъятный
 Погулять, покурить, на работу...
 Я тебя лишь живым только вижу,
 Ведь такие, как ты, живут.
 Улыбаются, чинят крышу,
 Ведь дела и заботы не ждут.
 Ты всегда был в работе, с народом,
 Каждый знал, что поможешь ему.
 И ты шёл в выходной в тёмный вечер,
 Ведь тебя где-то очень ждут...
 Для меня ты был просто папа,
 Умный, добрый и сильный духом.
 И с тобою ничто не страшно,
 Ты же знаешь, как быть и как лучше...
 А теперь... всё равно будешь рядом.
 Пусть незримо и тихо, как солнце.
 Ведь ты жив в моём любящем сердце,
 А оно для тебя ещё бьётся!..

ВОЙНА

Мне снилось, что пришла война,
 Что руки снегом засыпает.
 И что осталась я совсем одна
 И обо мне никто уж не узнает.
 Что солнце не засветит никогда,
 Что пальцы коченеют от мороза,
 Что танки, взрывы навсегда
 И что не высохнут мои уж слёзы.
 Разруха, голод, боль и страх в глазах,
 И я со всеми и одна навеки,
 И нет, ну нет пути назад!
 Плывут и застывают крови реки.
 Что террористы не жалеют никого
 И близких и родных я не увижу,
 Не станет дома моего,
 А я войну и бомбы ненавижу!
 Услышьте, те, кто за войну!
 Остановитесь, люди, вы не звери!
 Не оставляйте дочь и мать одну,
 Не открывайте дьяволу вы двери!

* * *

Жива любовь, ещё не умерла,
 И годы ничего не значат.
 Казалось, будто бы дотла
 Сгорела... И тихонько плачет.
 Но нет, пылает снова ярко
 И сердце подгоняет всё быстрее.
 И вновь зову, и стало жарко
 От встречи этой, что странней.
 Всё было так же, как и раньше, –
 Вопросы, взгляды, тишина.
 Другое что? – Мы стали старше.
 И грустно стало: я одна.
 Шуршали травы, запах бликов.
 Мы шли, боясь не то спросить.
 Немного глупо, может, дико.
 Чужие стали? Может быть...
 Расстались. Ты желал удачи.
 Как горько, странно. Без тебя?
 Моя любовь живая плачет,
 А ты ушёл вновь от меня...

* * *

Твоя ладонь – распахнутая книга,
 В ней столько можно прочитать!
 Коснусь я пальцев тихо-тихо,
 На них судьбы твоей печать.
 Она была порой жестока,
 И ты не знал, как дальше жить.
 Слагал слова в отчаянные строки,
 Вновь умирал душой своей навзрыд.
 Не знал, не ведал, что однажды
 Вдруг счастье будет вновь с тобой.
 Я повторять не стану дважды:
 «Уйдёт, как дым, та злая боль».
 Не верь усталости надрывной,
 Не верь отчаянью вослед.
 Уйдёт печаль прохладным ливнем,
 И боли скажешь твёрдо: «Нет!»
 Твоя ладонь – распахнутая книга,
 В ней ты такой, какой ты есть.
 Коснусь я пальцев снова тихо...
 Я так люблю на них смотреть!..

MAME...

Проходят годы, я всё старше,
 Почти ровесница тебе.
 И где-то там, что было «НАШЕ»,
 Совсем другая я теперь.
 И иногда мелькают лица,
 Картинка прошлого в мечтах.
 Ты улетела, словно птица,
 Господь к себе тебя забрал.
 Кто знает, что и как бы было,
 Какой была ты, да и я.
 Моя рука опять застыла,
 Обняв креста немую гладь.
 А ты смеёшься с фотографий,
 А ты такая, как всегда.
 Как жаль, пришлось тебе оставить
 Меня и папу навсегда.
 Теперь сама я стала мамой,
 Есть муж и дочка у меня.
 А ты такая ж молодая
 Осталась там, в тех тёмных днях.
 Я стала сильной, я пытаюсь.
 Я, зубы сжав и сжав кулак,

Сквозь горе, слёзы прорываюсь.
 Иначе в жизни ведь никак.
 Храню я память, как святое,
 Ведь больше нету ничего.
 Лишь сердце тихо-тихо ноет,
 Но я живу, запрятав боль...

* * *

Не бывает чужих детей,
 И за каждого сердце болит.
 А ручонка солнца теплей,
 И в глазах их сияет магнит.

Не бывает чужих детей,
 Загляните в душу себе.
 Никакой ведь разницы нет,
 Чья здесь кровь оставила след.

Не бывает чужих детей,
 И любой абсолютно малыш
 Ждёт и шепчет: «Мама, согрей,
 Мама, мама, меня услышь!»

Не бывает чужих детей!
 И мне жаль тех, кто это не знает,
 Кто в успехах беспечных дней
 Свою душу опять теряет.

Не бывает чужих детей!
 Все они для нас просто дети.
 А «чужой» – нет и слова злей,
 Обижаете, право, этим.

Кто придумал такие слова?
 Нет черствее и суше, честно.
 Я уверена, я права,
 И не надо: «Да вот, да если...»

Есть счастливые люди – роднее их нет,
 И чужих никогда здесь не будет.
 Их любовь и Господь защитят вновь от бед,
 И никто их сердца не остудит.

...Не бывает чужих детей,
 Пусть за каждого сердце болит.
 Ведь ручонка солнца теплей,
 И в глазах их сияет магнит. **A**

ЗАГОВОР КГБ В САН-СЕБАСТЬЯНЕ

РУССКИЕ В ЗАПАДНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

В испанском городе Сан-Себастьян регулярно проводится международный кинофестиваль. В 1958 году на этом фестивале должна была состояться премьера фильма режиссёра Альфреда Хичкока «Головокружение». За двадцать один год до этого Испания была ареной кровавой гражданской войны, в которой на стороне республиканцев принимал участие Советский Союз. Вернее, не сам СССР, а советские добровольцы и добровольцы со всего мира. Ещё одна гибридная война. Общее политическое руководство осуществляли товарищи из ГПУ – Главного политического управления. Они чистили ряды сторонников республики от анархистов, троцкистов.

Победили фалангисты – члены партии Фаланга, которыми руководил генерал Франко. Фалангистов поддерживали германские национал-социалисты и итальянские фашисты. После победы у власти осталась королевская династия. Эта династия доселе стоит во главе испанского королевства.

Огромное количество сторонников Третьего Интернационала и Советского Союза остались не у дел. Часть из них была вывезена в СССР. В Испании на подпольной работе остались многочисленные товарищи.

Видимо, именно наличие сохранившейся агентурной сети в Испании способствовало тому, что советское руководство выбрало для

запланированной операции именно испанский Сан-Себастьян. Планировалось похитить и вывезти в СССР Хичкока и его жену, которые должны были присутствовать на премьере «Головокружения». Зачем Советам Хичкок? Они хотели сделать из него второго Сергея Эйзенштейна. Советский кинематограф после Сталина представлял собой печальное зрелище. «Малюкартинье». Нет фильмов, заслуживших внимание мировой аудитории. Нужно было что-то делать. И делалось. Спортсмены в трудных условиях защищали спортивную честь Родины. Большой театр показывал свои балеты за рубежом. В космос были запущены первые спутники. Готовился полёт человека по орбите вокруг Земли. Но всё это однократные информационные поводы. А производство кинопродукции, на которую «подсядет» весь западный мир, – это непосредственное влияние на умы (и доходы от сборов). Планировалось создать Хичкоку самые лучшие условия для работы и жизни и, самое главное, вылечить его жену от рака груди. Вот такая тогда была вера у советского руководства в нашу медицину.

Но операция сорвалась. Хичкок вышел из тёмного зала чуть раньше, чем должна была начаться активная фаза операции. Дело в том, что он не хотел смотреть концовку фильма, которую заставили его сделать продюсеры. Сам режиссёр был не согласен с их решением. Сейчас фильм существует в авторской версии Хичкока.

Это был пересказ сюжета первой серии третьего сезона испанского сериала «Министерство дель тьемпо» – «Министерство времени». Это министерство занимается тем, что предотвращает изменения истории в прошлом. Представители и агенты министерства времени есть во всех эпохах испанской истории. Приходит, например, информация, что будущий драматург Лопе де Вега отправляется в плавание Непобедимой армады на корабле, который должен погибнуть. Посылается патруль, который устраивает будущему драматургу драматические обстоятельства, и он не попадает на корабль. Драматурга – под трибунал! Но в составе трибунала есть

агент министерства времени, и он предлагает смертную казнь заменить на отправку в морской поход против Англии на корабле, про который известно, что он вернётся домой.

Идею похищения режиссёра сценаристы позаимствовали у северокорейских товарищей. Они организовали похищение одного южнокорейского кинорежиссёра и его жены-киноактрисы.

Сериал-то хороший. Это отношение к России не очень. Хорошо хоть, что в одной из сцен сериала, изображающей гражданскую войну в Испании, показан в движении советский танк Т-26. Он преодолевает в фильме окоп. Этих танков много сохранилось в Испании. Их поставил республиканцам Советский Союз, а после победы фалангистов танки служили в армии Франко даже в шестидесятые годы.

Ещё в одном сериале главными злодеями стали русские. Братья Коэн продюсируют сериал «Фарго». В третьем сезоне зло олицетворяет некто В. М. Варго. Немолодой русский с очень плохими зубами. (Это важная примета русских.) Он отдыхает, слушая Аппассионату Бетховена (по-моему, в исполнении Марии Гринберг). Аппассионата – любимое произведение Ленина. Варго живёт в маленькой комнатке, из которой он управляет через интернет какими-то мировыми процессами. Стену комнаты украшает портрет Сталина, вырезанный из газеты.

В этом сериале русские говорят украинцам, что они убивали их, насиловали их жён и ели их детей. В банде русских есть персонажи монголоидной внешности. Какие уж они русские? Россияне скорее.

«Прикольно» изображён русский персонаж по имени Иван в нидерландском (то есть в голландском) сериале «Проект "Орфей"». Он вроде такой же, как все остальные персонажи – молодые медики в интернатуре. Но от него плохо пахнет. Он не ест, а, как зверь, жадно поедает свою пищу. Телосложения он хрупкого, но чуть что, угрожает убить и съест печень. Бегает по утрам по лесу без рубашки. И самое интересное: он вспарывает ногтями постельное бельё во время секса. Типичный такой русский. Кстати, на Балканах

есть такое понятие «русский поцелуй» – это такой поцелуй с укусом! То есть если вы не кусаетесь во время любовных ласк, то вы явно не русский.

Времена теперь не те. Вышли на Западе из моды хорошие русские. А были ведь другие времена. В «Днях славы» Грегори Пек играл председателя советского колхоза, а его жену, балерину Большого театра, играла Туманова – балерина, танцевавшая у Джорджа Баланчина (Георгия Баланчивадзе).

Всё началось после 1917 года. До того момента, как СССР и США стали союзниками по антигитлеровской коалиции, в американских фильмах русские персонажи часто использовались для создания экзотического эффекта. Тогда за океаном было малопонятно, что и как происходит внутри границ новообразованного СССР. О происходящем судили по газетным сводкам новостей да по рассказам эмигрантов. В картинах того времени появляются томные аристократки, как в фильме «Гранд Отель», где балерина Грушинская в исполнении Греты Гарбо является воплощением тонкого и ранимого существа, призванного символизировать загадочную русскую душу. В образе русского на экранах того времени воплотились, с одной стороны, тяга простого американца к людям аристократического происхождения с первичным авантюрным элементом, а с другой стороны, возможность успешного сосуществования аристократа и простого человека. Русская тема в то время была достаточно популярна в массовом искусстве. Оперетта «Балалайка» композиторов Джорджа Постфорда и Бернарда Грюна пользовалась таким успехом, что была экранизирована. Фильм украшен музыкальными номерами в «псевдорусском» стиле. Сюжет таков: князь Пётр Карагин (его играет обаятельный и популярный певец Нельсон Эдди) видит выступление певицы Лидии Марковой в кафе «Балалайка» и немедленно влюбляется в неё. Узнав, что девушка любит помогать беднякам, князь пытается завоевать её внимание, подарив бедному студенту 50 рублей на новый костюм. В конечном счёте герои взаимно влюбляются, Карагин пользуется своим

влиянием, чтобы устроить своей талантливой возлюбленной прослушивание в настоящем оперном театре. Однако он не знает, что отец и брат героини – революционеры-подпольщики. Всё раскрывается тогда, когда князь с казаками разгоняет митинг на площади, во время которого убивают брата Лидии. Накал драмы возрастает, когда героиня узнаёт, что на Петра и его дядю-генерала готовят покушение, которое должно произойти в театре, где поёт Лидия.

В американских фильмах того периода русские герои – это главным образом либо изгнанники, либо суровые и неприятные коммунистические комиссары, некоторые из которых, впрочем, способны на сильное чувство, как Ниночка из одноимённого фильма Любича. Ниночка, приехавшая на Запад в образе сурового комиссара, постепенно оттаивает, входит во вкус западной жизни и выбирает «свободный мир», где она встретила свою любовь. Остальные «второстепенные персонажи» являют собой «ходячие» киноштампы: «медведи, цыгане, гитара и лошади» или «кожанка, суровый человек, пистолет, коммунистические лозунги».

Прямая негативная пропаганда ведётся в это период редко, хотя однозначно подчёркивается, что и в Советском Союзе, и в Российской империи герои чувствовали себя, как в клетке, и только воздух свободного Запада позволил им обрести себя и своё счастье.

Однако есть фильм, в котором отношение белоэмигрантов к своей исторической Родине оказалось не укладывающимся в рамки такого стереотипа. В фильме 1937 года «Товарищ» (Tovarich) русские белоэмигранты, князь и княгиня, ведут на Западе крайне скромный образ жизни. Чтобы заработать, они служат в качестве прислуги. Но никто не знает, что они являются хранителями многомиллионного фонда, предназначенного для контрреволюционной деятельности. В финале фильма князь и княгиня приходят к решению передать миллионы советской власти, чтобы помочь их Родине справиться с разрухой.

Начало Второй мировой войны поставило США перед трудным выбором. Вопрос,

кого поддержать и нужно ли вообще кого-то поддерживать, решил далеко не сразу, ибо ещё после Первой мировой войны США, следовавшие доктрине Монро, всячески проповедовали в своём кинематографе невмешательство в международные конфликты.

Однако выбор был сделан, и у американского зрителя нужно было создать положительное впечатление о тех людях, для которых они собирают снаряды на заводах, закатывают тушёнку в банки и, рискуя жизнью моряков, отправляют всё это куда-то далеко за океан.

Когда в 1942 году стало понятно, что война не только не закончится быстро, а ещё и самим американским солдатам придётся вступить в бой на территории Европы, крупные студии озаботились созданием фильмов, показывающих в положительном свете коммунистов, ставших теперь союзниками, а до этого казавшихся по меньшей мере загадочными, а то и просто неприятными личностями. Одной из наиболее известных картин подобного рода была работа режиссёра Майкла Кёртиса «Миссия в Москву». Этот фильм – экранизация мемуаров Джозефа Эдварда Дэвиса – посла США в СССР с 1936 года. В 1941 году эта книга получила не только лестные отзывы критиков, но и стала бестселлером: было продано более семисот тысяч экземпляров. Книга была переведена на тринадцать языков. Сам Дэвис поддерживал Советский Союз с первых дней войны, заявив, что «мир будет удивлён размерами сопротивления, которое окажет Россия». Он ратовал за открытие второго фронта с первых дней войны, разделял политику Сталина и полностью её поддерживал, в том числе и репрессии. Дэвис стал единственным иностранным дипломатом, который был награждён орденом Ленина «за успешную деятельность, способствовавшую укреплению дружественных советско-американских отношений и содействовавшую росту взаимного понимания и доверия между народами обеих стран».

Фильм сделан в псевдодокументальном стиле. В 1936 году президент Франклин Д. Рузвельт назначает Джозефа Э. Дэвиса,

процветающего адвоката, послом США в Советском Союзе. Миссия Дэвиса – определить, будет ли эффективным союз с советскими людьми в случае войны с фашистской Германией. Посол Дэвис поражён тем, что он увидел во время своего пребывания в России. У Советов – серьёзная армия, и они горят желанием вступить в союз с дружественными нациями, наподобие Америки и других европейских стран, для победы над Гитлером и построения мирного будущего для всего человечества. «Миссия в Москву» – это хроника впечатлений американского посла Дэвиса о Советском Союзе, его встречах со Сталиным и его общая точка зрения на отношения Советского Союза и Соединённых Штатов. Фильм должен был показать простому американцу, в особенности солдату, что за океаном его ждут в качестве союзников не люди с «песыми головами», а те, кто хоть и исповедует другое политическое устройство, но имеет те же нравственные ценности, что и простой американец.

В том же 1943 году компанией RKO Radio Pictures был выпущен на экраны фильм «Северная звезда», повествующий о борьбе украинских колхозников-партизан с немецкими оккупантами. Сам фильм был снят выходцем из Кишинёва Льюисом Майлстоуном (урождённым Лейбом Мильштейном). Фильм представляет собой шедевр агитаторской работы, скрывающий неприятные стороны советской жизни и подчёркивающий героизм простых жителей. Впоследствии фильму доставалось от западных критиков и экономистов за неверное изображение колхозной жизни. Британский историк Роберт Конквест назвал «Северную звезду» «пародией такой величины, что её можно было смело показывать на экранах Советского Союза, аудитории, которая привыкла ко лжи, но имеет представление об этой теме (условия жизни в колхозах) и умеет себя сдерживать».

В 1944 году Metro-Goldwyn-Mayer поддерживает пропагандистскую активность фильмом «Песнь о России». Сюжет фильма таков: американский дирижёр и его менеджер отправились в Россию вскоре после на-

чала Второй мировой войны. Во время их гастролей по городам Советского Союза дирижёр влюбляется в советскую пианистку Надю Соколову. Ему встречаются счастливые, улыбающиеся советские люди. Но эта жизнь растоптана немецким кованым сапогом. Отец Нади напутствует её на отъезд в США с дирижёром, ставшим её мужем. Через привычную для американского зрителя «лав-стори» формируется положительное впечатление о СССР.

Русские мотивы появляются в фильмах, в которых нет среди главных персонажей русских и речь не идёт о войне. Например, в мюзикле «Сестра его дворецкого» героиня Дины Дурбин старательно исполняет на русском языке романсы – «Эй, ямщик, гони-ка к яру...», «Калитка», «Две гитары». Несмотря на то, что сцена происходит в русском ресторане, в ней нет цыганщины и чрезмерного эпикурейства, характерных для сцен из американских фильмов 30-х годов с русской музыкой.

Во время Второй мировой войны и впоследствии во многих фильмах, посвящённых Второй мировой войне, обе стороны идеологически максимально приблизились друг к другу, поскольку у них появился общий враг. Многочисленные антинацистские фильмы во многом взаимозаменяемы, и темы, поднимаемые в них, очень похожи. Например, фильм Хичкока 1942 года «Диверсант», в некоторых переводах «Саботажник» (Saboteur), где обычного рабочего авиазавода Барри Кейна ошибочно обвиняют в диверсии во время Второй мировой войны. На заводе происходит возгорание, гибнет близкий друг главного героя. Ему приходится доказывать свою невиновность и искать настоящих диверсантов. Подобное гнездо заговорщиков есть в советском фильме «Незабываемый 1919», где злодеи коварно маскируются под хороших людей, но всё равно их коварная сущность проявится и они будут повержены.

Сами же боевые действия Второй мировой войны или подпольная работа в тылу нацистов показываются с большим сходством. Например, работа радистки в американском фильме «Дом 13 по улице Мадлен» и в советском «Подвиг разведчика». Положительные

герои в фильмах «положительны». Если что-то заставляет их пошатнуться или уйти с пути истинного, они всё равно вернуться на путь борьбы с силами противника обновлёнными и со светлой идеей в глазах.

Американская пропаганда, серьёзно восприняв угрозу, успешно формировала у зрителей образ положительных русских, используя при этом вполне стандартные и успешные приёмы, выработанные на ниве массового кинематографа. Русские персонажи недолго пробудут положительными после Второй мировой войны. Положительные герои, подобные профессору психоанализа, сыгранному Майклом (Михаилом) Чеховым в «Завороженном» Хичкока, исчезают с экранов после фултонской речи Черчилля и начала «холодной войны». **А**

Елена БОЯРШИНОВА,
киновед-исследователь

«УЖИН ДУРАКОВ»

В дни, когда пристальное внимание театральной публики Тамбовщины было приковано к событиям Рыбаковского фестиваля, в Мичуринском драматическом театре состоялась очередная премьера. «Ужин дураков», а именно такое название носит новая постановка, стал финальным аккордом 121-го сезона Мичуринского театра.

Французскую комедию по пьесе Ф. Вебера поставил режиссёр из Казани Ринат Фазлеев. Мичуринскому зрителю режиссёр также известен по спектаклю «Клинический случай» (Р. Куни), который успешно идёт на сцене МДТ вот уже почти семь лет.

В новой постановке собраны молодые ведущие артисты театра, а от этого и задорный темпоритм, и яркая энергетика лёгкой весёлости, хотя на сцене та история, о которой стоит здраво поразмыслить.

Каждую неделю друзья приглашают на ужин чудака, или, попросту говоря, дурака, над которым потешаются весь вечер. Однако в этот раз всё идёт не по запланированному сценарию. И до конца истории зрителю предстоит разобраться, кто же всё-таки дурак.

Откровением для постоянного зрителя Мичуринского театра стал образ одного из главных героев в исполнении Андрея Присницкого. Франсуа Пиньон – тот самый ду-

рак, в честь которого должен был состояться ужин. Артист чётко попадает в зерно образа, делает это так легко и непринуждённо, что зрителю даже кажется, что актёр получает колоссальное удовольствие от нахождения на сцене. При этом игра деликатна и очень приятна, без перегибов в грубость или скабрёзность. Андрей Присницкий так «вкусно» подаёт своего героя, что зрителю просто невозможно оторваться от действия.

Вообще стоит отметить, что все герои на сцене, как говорится, на своём месте. Режиссёру удалось создать ансамбль, который играет слаженную симфонию. И вообще в спектакле нельзя недооценивать режиссёрскую руку. Ринат Фазлеев, судя по тому, что происходит на сцене, дал чёткие и понятные задачи, которые верно отрабатываются артистами и легко читаются зрителем. Юмор, которым наполнена пьеса, облекается в интеллигентный образ. Штампы, обычно пестрящие в комедиях, практически незаметны, а от этого сидящим в зале интереснее наблюдать за происходящим.

Хочется верить, что эту добрую и искреннюю постановку ждёт долгая жизнь и неподдельная любовь публики.

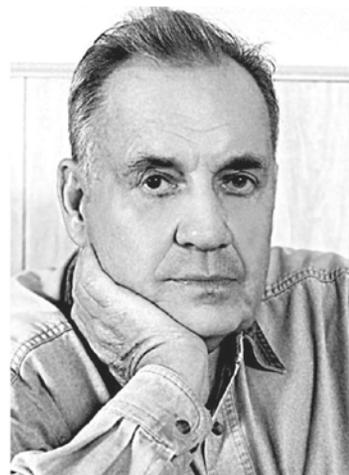
Роман ЛЕОНОВ,
член Союза журналистов России

ЭЛЬДАРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ РЯЗАНОВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

«Стих – состояние души»

ЭССЕ

«Художник, который в своём творчестве руководствуется чувством подлинной любви к своему народу, желанием, чтобы людям жилось лучше, который страдает от окружающей его несправедливости, имеет, как я думаю, право говорить самую горькую правду. Потому что намерения его честны и благородны», – писал Эльдар Рязанов в книге воспоминаний «Неподведённые итоги». Эта просто сформулированная, но, по сути, крайне непростая задача – делать так, «чтобы людям жилось лучше», – оставалась для него первостепенной на протяжении всего жизненного пути.

Творческий мир Эльдара Рязанова многообразен: это кинофильмы, сценарии, пьесы, целый пласт поэзии (философской лирики). Будучи ещё совсем юным литератором с формирующимся поэтическим мировоззрением, он пришёл поступать во ВГИК. Именно в эту пору, окунувшись в удивительный мир кино, он шагнул навстречу своим первым профессиональным сценариям и пьесам.

В своей книге народный артист СССР Эльдар Рязанов условно разделил всех кинорежиссёров на две группы: «режиссёры-авторы» и «режиссёры-интерпретаторы». И если второй тип режиссёров занимается тем, что представляет своё видение чужой драматургии, то первый оказывается «причастен к первоначальному рождению характеров, оснащению персонажей диалогом, постановке гражданской и этической проблемы, обозначению генеральной мысли произведения, его идеи», поскольку «единолично или в соавторстве с литератором <...> конструирует сюжет, вы-

страивает фабулу». Такой кинематограф Э. Рязанов назвал авторским. К его представителям он отнёс в мировом киноискусстве Чарли Чаплина, а в советском – Василия Шукшина. Режиссёром-автором был и сам Эльдар Рязанов. В творческом союзе с Эмилем Брагинским он написал целый ряд произведений, среди которых особое место занимает повесть «Берегись автомобиля». «Историю о том, как какой-то человек угонял частные машины у людей, живущих на нечестные, нетрудовые доходы, продавал их, а вырученные деньги переводил в детские дома, мы оба, – писал Э. Рязанов о себе и соавторе, – слышали в разных городах – и в Москве, и в Ленинграде, и в Одессе. В каждом городе утверждали, что это случилось именно у них». Задавшись целью разобраться в этом вопросе, литераторы углубились в поиски каких-либо документальных свидетельств, однако проделанная работа не увенчалась успехом: история носила вымышленный характер («легенда, принявшая обличье всамделишного случая»). Возможно, в конечном счёте именно это обстоятельство и сработало на создание ощущения реальности в кинокартине при всём её очевидном неправдоподобии. «Героя пришлось изобретать, – признавался Эльдар Рязанов. – Правда, не совсем заново. Мы опирались на известные традиции литературы и кино. Дон Кихот, чаплиновский Чарли, князь Мышкин – вот три составных источника нашего героя. Нам хотелось сделать добрую, грустную комедию о хорошем человеке, который кажется ненормальным, но на самом деле он нормальнее многих других. Ведь он обращает

внимание на то, мимо чего мы часто проходим равнодушно». Такого героя, сложную и искреннюю натуру, «большого, чистосердечного ребёнка» под говорящей фамилией Деточкин воплотил на экране народный артист СССР Иннокентий Смоктуновский. Не только речевые решения художественных событий (диалоги, отдельные реплики) обнажили психологические грани характера его героя (комичные для зрителя и, в итоге, драматичные для самого персонажа), но и пластика тела: от манеры ходить до сидячих поз за столом и, главное, мимики. Вот незадачливый угонщик попал ногой в капкан, выставленный на похитителя в машине Димы Семицветова (в исполнении народного артиста РСФСР Андрея Миронова). Пьяные гости обаятельного дельца облепили автомобиль, и застигнутый врасплох в салоне «Волги» Деточкин пытается осилить охвативший его ужас, казалось, неизбежного разоблачения... Мимика выразила состояние и Димы Семицветова, внезапно обнаружившего наутро, что его автомобиль похищен. Пустота распахнутого гаража, точнее даже пришедшее в секунду осознание того, что гараж пуст, ещё до визуального восприятия этого, мгновенно оборвали в нём струну звенящего оптимизма. Он оказался повержен. «На недобрых людей, – писал Э. А. Рязанов, – не только важно указать пальцем, важно их и обезвредить, сделав смешными. И сатирический перст в этом случае довольно сильное оружие. Иными словами, комедия призвана вооружать хороших, умных людей против чванливых глупцов, самодовольных корыстолюбцев, спесивых бюрократов, малограмотных нуворишей. Но кроме едкой сатиры комедия может и должна подтрунивать над слабостями, недостатками, прегрешениями славных и добрых людей, посмеиваясь над ними без яда, без злости, но тоже достаточно определённо и хлётко. И тут приходится слышать такие упрёки: что же вы поставили умного человека в дурацкое положение и смеётесь над ним? Но ведь в дурацкое положение можно поставить именно умного человека. Дурак находится в нём всю жизнь». Вот в таком «дурацком положении» оказываются, как говорится, «по иронии судьбы» мно-

гие рязановские герои: Юрий Деточкин, Женя Лукашин, Анатолий Ефремович Новосельцев (в исполнении народного артиста РСФСР Андрея Мягкова), Людмила Прокофьевна Калугина (в исполнении народной артистки СССР Алисы Фрейндлих) и др.

Отличительной особенностью большинства фильмов Эльдара Рязанова является их жизнеутверждающий оптимизм («духоподъёмность», по В. Абдрашитову), актуализированный в финале картины. Так, в киноленте «Берегись автомобиля» эпизод встречи освободившегося из заключения Деточкина и его любимой женщины Любы (её играет народная артистка РСФСР Ольга Аросева) вселяет надежду на лучшее в их совместной жизни.

Велика роль детали в киномире Эльдара Рязанова: встречая в конце фильма Любу, Деточкин смотрит на неё и приветствует через лобовое стекло троллейбуса, ранее их беседа перед его очередной «командировкой» проходила через стеклянную дверь. «Я через несколько дней вернусь. Я тебе оттуда напишу», – обещал он.

Другой, не менее значимой особенностью творческого мышления Э. А. Рязанова является его метафоричность, т. е. способность наделять буквальное в жизни и обществе переносным смыслом. Так, в кинофильме «Дайте жалобную книгу» на вопрос журналиста Юры Никитина (в исполнении народного артиста СССР Олега Борисова): «А что это вы против течения идёте?» – должностное лицо товарищ Постников (заслуженный артист РСФСР Николай Парфёнов), направляясь к выходу из ресторана «Одуванчик» (как раз навстречу входящим в него посетителям), с уверенностью ответил: «Неправильная формулировка. Это течение идёт против меня». Ответил и проследовал далее по собственной траектории сквозь плотный людской поток. Другой пример: сон бюрократа Филимонова (в исполнении Леонида Филатова) из «Забывтой мелодии для флейты», в котором «жертвы ускорения» (сокращённые с мест чиновники) в мчащемся скором поезде (сатирическое воплощение перестроечного тезиса об «ускорении») хором подхватывают песню в исполнении героя Валентина Гафта

(народный артист РСФСР): «Помогите медью трудовой! Перед вами жертвы ускоренья!»

Да, велика роль песен в кинокартинах Э. А. Рязанова! Они помогают создать атмосферу диалога со зрителем. «Искусство, – писал классик режиссуры, – должно проповедовать высокую нравственность, но делать это неназойливо, иногда – весело, всегда – эмоционально, заразительно, одним словом, незаметно для зрителя». Этот эффект «незаметности» достигался художником и через песни в том числе, песни, созданные на стихи Роберта Бёрнса, Марины Цветаевой, Николая Заболоцкого, Беллы Ахмадулиной, самого Эльдара Рязанова, Евгения Евтушенко, который посвятил ушедшему из жизни в 2015 году другу такие строки:

*Ну вот, Эльдар, нет и тебя,
Как что-то вынули из нации,
И только чьи-то номинации
Пестрят, не очень-то скорбя.*

*А вот Россия-то скорбит,
Непоказушая, бюджетная,
Которую ты от обид
Так защищал,
Всем сердцем жертвуя!*

«Как тонко и точно он понимал и знал характеры людей, которые обделены, – подчеркнёт на вечере памяти «Мой Рязанов» (2016 год) народная артистка РСФСР Анастасия Вертинская. – Вот этих маленьких людей, которых так любил Вертинский, которых так любит русская литература», – продолжит она и расскажет о вечере, посвящённом её отцу, который подготовил и провёл в 2010 году Эльдар Рязанов в киноклубе «Эльдар». «Я слушала как заворожённая, – восхищённо признаётся актриса, – потому что мне казалось, что это, может быть, и не биография моего отца, может быть, это биография самого Эльдара Рязанова. Вот так он лично её проживал...»

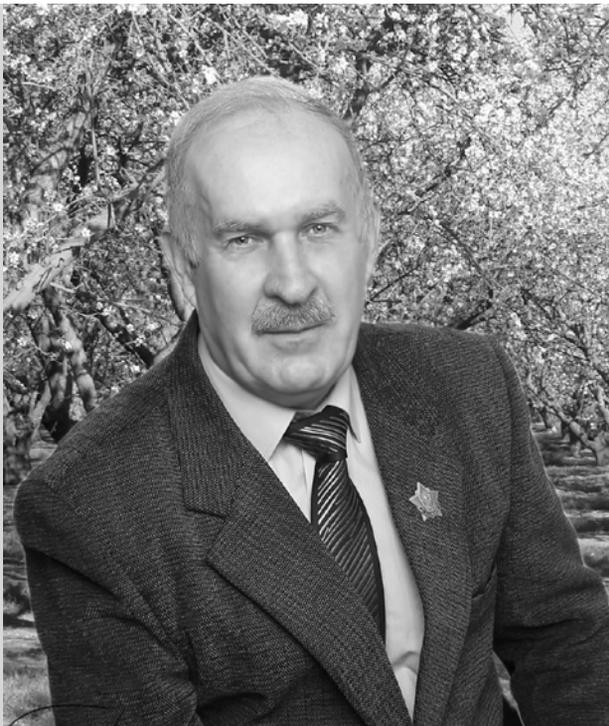
О собственном жизненном пути, своей жизненной философии (уместнее выразиться именно так), о самом себе Эльдар Рязанов в наибольшей степени высказался в собственных стихах. «Стих – состояние души», – писал он.

Два начала: скептика и уверенного в себе лидера – кроются в душах многих людей, и в этом, по собственному признанию, не был исключением и Эльдар Рязанов, заявивший в стихотворении «Мои близнецы» о своём «втором Я» (антиподе «первого») следующее:

*Я и близнец ему, и враг, и страж...
Года мелькают в ругани и драке.
И нескончаем поединок наш:
Я вечно в обороне, он – в атаке.
Как не похожи друг на друга мы,
Хоть и живём в единой оболочке.
О, нам не выйти из своей тюрьмы,
Двум узникам, сидящим в одиночке.
...
Никак их невозможно приструнить.
То одного, а то другого жалко.
Признаться, человеку трудно жить,
Когда в душе сплошная коммуналка...*

По духу поэт, личность, способная к глубокому творческому самоанализу, Эльдар Александрович Рязанов остался в истории российского сценариста не просто кинорежиссёром-бытописателем, но художником, чьи картины были способны и способны до сих пор создавать праздник посреди будней. Более того, некоторые его киноленты стали символами праздника (например, «Карнавальная ночь», «Ирония судьбы, или С лёгким паром» и другие). «Фильмы надо смотреть тогда, когда они сделаны», – писал Эльдар Рязанов, сожалея о том, что советские цензоры от кинематографии преградили путь или отсрочили появление на больших экранах страны целого ряда картин многих его коллег. Нужно согласиться с мыслью Эльдара Александровича, поскольку каждая кинокартина создаётся в историческом контексте определённых событий, а он в неумолимом течении времени быстро меняется. Однако киноленты самого автора были интересны не только в тот период, когда были сняты, они и сейчас пользуются успехом у широкого круга зрителей. Актуальные в постановке социальных проблем и философских вопросов, они навсегда останутся в исторической памяти российского общества. А

Дмитрий БЕСТОЛКОВ

Лев ИЛЬИН

Родился в 1953 году в селе Чикарёвка Жердевского района Тамбовской области.

В 1971 году получил среднее образование в Тамбове, затем отслужил в Советской армии и окончил Саратовский юридический институт. Служил следователем на Северном Кавказе, занимался прокурорской, а после выхода в отставку – и адвокатской деятельностью.

Свои первые рассказы написал в студенческие годы.

Лев Ильин – автор двух взаимосвязанных исторических романов, «Упавшее сословие» (2015) и «Дорога чести» (2016), составивших большое эпическое повествование «Муравьёв»; семейно-бытовой повести «Далёкие и близкие»; а также рассказов и стихотворений.

Является членом Союза российских писателей.

Букет сирени

Когда-то давным-давно судьба распорядилась определить меня студентом в крупный волжский город, где подобных мне молодых людей насчитывалось до семидесяти тысяч. Мы учились, веселились, влюблялись. Случалось, счастливо, бывало, и нет, а иногда... Суровый и неотвратимый рок вторгался в нашу счастливую жизнь.

Уютный студенческий городок был построен для учащихся вузов и располагался на самой окраине города. Он включал в себя восемь пятиэтажных кирпичных зданий коридорного типа, в которых имелись многочисленные комнаты для студентов. У каждого учебного заведения, среди которых были университет, экономический, юридический, сельскохозяйственный и прочие вузы, имелось своё общежитие в городке.

В компактном студенческом анклавке имела вся необходимая инфраструктура:

магазины, кафе и столовая, прачечная, зелёные зоны отдыха. В конце весны и летом городок буквально утопал в яркой и буйной зелени деревьев среди многочисленных клумб красивых цветов. Из открытых окон многих комнат общежитий неслись задорный смех, шутки, розыгрыши, звучание кассетных магнитофонов, звон гитар и любимые нами песни.

Пели студенты о разном: грустном и задорном, мужестве и трусости, любви и предательстве, но оптимистами по жизни были всегда и, видимо, будут, пока существует наша планета.

Юристы ходили в гости к медикам, медики – к экономистам, педагоги – к инженерам, а инженеры обычно посещали всех. Во многих общежитиях по определённым дням устраивались вечера отдыха, и тогда там возникала сутолока от танцующих молодых людей.

Обычный парень из нашего общежития, приятной внешности, отличник, получающий повышенную стипендию от деканата и оканчивающий предпоследний курс института, а потому нечасто посещающий подобные вечера, отнимавшие необходимое для учёбы время, в тот вечер решил пойти... Сосед по комнате Дмитрий, беззаботный «вечный троечник», легонько, в шутку, облил его сзади водой из графина, призывая прервать учение и следовать в общежитие экономического института знакомиться с девушками. Приближалась сложная летняя сессия, но вечер выдался хорошим, и парень уступил ему.

В просторном актовом зале общежития через усилитель громко играла популярная музыка и толпилось много самого разного студенческого люда. Под высоким выбеленным потолком горели две большие люстры, освещая танцующих студентов, организаторов дискотеки и стоявших у стен одиноких парней и девушек.

Красиво зазвучала очередная известная песня английской музыкальной группы «Смоки», и Дмитрий, энергично толкнув приятеля рукой в бок, важно сказал:

– Пошли! Смотри, какие «ласточки» стоят в одиночестве...

В той стороне, куда указал студенческий товарищ, одиноко стояли у стены две девушки. Одетые в скромные светлые платья, с короткими модными стрижками, без ювелирных украшений, они выделялись затаённой кротостью и даже некоторой пугливостью на фоне окружавшей их танцующей молодёжи.

Ребята прошли к ним через зал и, приветливо поздоровавшись, пригласили на начавшийся медленный танец. Парню пришлось танцевать с той, что была чуть меньше своей подруги ростом.

– Дина... – тихо прошептала танцевавшая с ним студентка, когда он назвал её по имени, и скромно опустила при этом красивые тёмные глаза.

Девушке было не больше двадцати лет, ростом на голову ниже его, очень стройная и легко танцующая, она старательно отводила от парня свой взгляд. Вновь и вновь после об-

щения Дина опускала привлекательные карие глаза. Казалось, что пушистые ресницы прятали всю её, словно в неприступное укрытие.

Музыка и танец вскоре окончились, парни проводили девушек на прежнее место. Психологически ребята чувствовали, что те не намерены общаться дальше, и не стали их больше беспокоить.

Побыв на вечере ещё с полчаса, парень удалился в своё общежитие, а Дмитрий остался на дискотеке до «полной победы».

* * *

Через два дня, ближе к вечеру, наш герой отправился за коллективной продовольственной покупкой в студенческий магазин. По давней традиции, сложившейся в городке, согласно комнатному графику каждый студент в дежурные дни исполнял эти обязанности. Подобная форма коллективного проживания существовала среди студентов давно. За покупками отправлялся один человек (в комнатах проживало четверо-пятеро), и другие студенты не толпились в магазине, не создавали лишние очереди и не отрывались от учебных занятий.

В магазине почти не было покупателей. Он купил всё, что было нужно, и, отойдя в сторону, укладывал сумку, когда в магазин быстро вошла Дина – его знакомая по танцевальному вечеру.

Они приветливо поздоровались, и сердце его радостно замерло. Впервые он увидел её не в сумраке танцевальных ритмов, а в обычной обстановке. Дина показалась ему милой и красивой. Девушка приветливо улыбнулась, задержав на нём взгляд, и прошла к прилавку за покупкой. Побезданный её ненавязчивой красотой, он сознательно задержался, намереваясь проводить. Их общежития находились рядом, им было по пути, и он предложил идти вместе. Дина согласилась, и, радостно взяв в руки обе сумки, парень вышел с ней на улицу.

Сегодня он плохо помнит, о чём они говорили во время совместного пути. Парень разглядывал настоящую Дину. Обыкновенную, без притворства, надуманного лоска и игривой косметики.

Она была очаровательным существом, свалившимся с небес! Они беззаботно разговаривали о жизни в общежитии, нудной учёбе и строгих преподавателях. Ему показалось, что он небезразличен ей, а в один момент, когда они обходили разрытую рабочими траншею, она даже смело взяла его под руку. Парню нелегко было нести две тяжёлые сумки, но он хотел, чтобы их совместная дорога не кончалась никогда...

Когда они пришли к месту расставания, Дина, легко тряхнув чуть в сторону прядью густых тёмных волос, спадавших на лоб, сказала:

– Пойдёмте к нам в гости чай пить! Идёмте. Ну, что же вы? – настойчиво повторила она приглашение, видя его нерешительность.

– Да неудобно, – ответил парень, волнуясь.

– Пустяки! Идёмте!

Дина легонько рукой тронула парня за руку и почти повела за собой, окончательно победив своим очарованием.

В уютной и светлой комнате девушка с подругами-студентками собрали простой стол, и весёлое чаепитие с лирическими песнями под гитару затянулось до позднего вечера. Тогда в мире не было человека счастливее, чем он.

Богиня Дина! Красивая фигура в синем летнем платье, загорелое милое лицо... и глаза, удивительные глаза! Невероятно глубокие, задумчивые, искрящиеся добрым светом и тонкой грустью. Всё, всё было в ней прелестно и любимо нашим героем.

Он забыл, что в общежитии его давно ждут друзья, а когда вспомнил, то ужаснулся предстоящему грозному «выговору». Наконец, придя в себя и тепло попрощавшись с девушками, он поспешил домой.

Скрипучая дверь комнаты открылась, и студент увидел ожидавших его хмурых ребят. Сосредоточенно уткнувшиеся в свои учебники и конспекты, они давно проголодались и ждали его с нетерпением.

Конечно, студент был виноват. Послышались их реплики:

– Ну, брат, тебя только за смертью посылать! Мы хотели розыск объявлять! – сурово выпалил с порога первый.

– Ребята! Да он трезвый! Выходит, зря только ходил! – сделал колючий выпад второй.

– Парни! Не мучайте его. Это любовь! – сделал единственно верное заключение третий.

Он молча выложил продукты на стол и положил в шкаф оставшиеся от покупки общие деньги. Обессиленно лёг на кровать и закрыл глаза. Несмотря ни на что, счастливая любовь явилась к нему, и чуткие друзья хорошо поняли это, перестав его донимать распросами.

Восторженно он думал лишь о Дине. Только о ней одной. Милая девушка вошла в его сердце прочно и навсегда.

* * *

Они стали встречаться всё чаще и чаще, а затем и каждый день. Гуляли по самым красивым местам в городе и по набережной Волги, зелёному парку и интересным музеям. Плавали в реке и загорали на песчаном волжском пляже. Дина великолепно плавала. Рассказала, что выросла на Волге и любит её до самозабвения.

– От Волги я никогда не уеду! Это моя жизнь!.. – восторженно говорила ему девушка и рассказала свою скромную семейную историю.

Дина была старшей дочерью в семье. Мать воспитывала дочерей одна, работая лаборантом на крупном заводе в городе Волгограде. Отец долго работал шахтёром и рано умер, заболев тяжёлой профессиональной болезнью лёгких.

– Знаешь, какая моя самая сокровенная мечта? – спросила как-то раз Дина, когда они, вдоволь наплававшись в реке, легли на горячий песок позагорать.

– Какая? – поинтересовался он, очень заинтригованный этим.

Она вдруг запнулась, опустила густые ресницы и тихо прошептала:

– Никакая! Ты будешь смеяться надо мной. А я этого не хочу!

– Ну что ты, Дина! Ни за что! Скажи! – стал просить он её очень настойчиво.

Девушка вновь серьёзно взглянула ему в глаза и ответила:

– Хочу встретить парня, который пройдёт со мной всю жизнь. Он будет моим верным и любимым мужем до глубокой старости. Вместе мы проживём долго-долго. У нас будет четверо детей – двое сыновей и две дочери. Сыновья будут защищать нас, а дочери ухаживать, когда мы состаримся и станем слабенькими... – Дина запнулась, сделала короткую паузу и продолжила: – Наш отец рано умер, а Бог не послал маме сыновей. У нас не было защитников. Мне хочется, чтобы у нас было по-другому!

Слово это вырвалось из её уст, видимо, случайно, но оно буквально взорвало его бурной радостью...

– Дина! Милая! Ты сказала сейчас у нас! Ты имела в виду нас с тобой? – почти крикнул он, сильно волнуясь и уже догадываясь о её чувствах к нему.

Она уклонилась от ответа и вдруг решительно спросила, мягко и настойчиво толкнув его рукой в плечо:

– А сможешь меня догнать?

Девушка стремительно вскочила с места и быстро побежала к воде. Он бросился за ней и почти догнал у реки, когда, спасаясь от его погони, она ловко нырнула в воду и потерялась из виду. Вокруг него в реке плавали другие люди, но Дины нигде не было видно. Казалось, что время остановилось, и он сильно испугался за неё...

Но вот вдали, метрах в тридцати от него, наконец-то с шумом вынырнула из воды её милая девичья головка, и ослепительная радуга разноцветных брызг блеснула в ярких лучах солнца. Парень бросился догонять любимую, но не смог этого сделать, хотя и был хорошим пловцом. Девушка легко уходила от него прекрасным брассом, но особенно быстро и красиво умела плавать свободным кролем. Когда наконец-то Дина сознательно поддалась ему и он сумел её догнать, то, защищаясь и брызгая в него водой, задыхаясь от усталости, с весёлым хохотом она поддразнила его:

– Тоже мне, «волгарь»! Девчонку не догнал!

Парень и девушка успокоились от бурного плавания, держались на воде вместе, поддерживая и обнимая друг друга, любясь окружавшим их широким водным простором.

– Вода – моя стихия, — тихо сказала ему Дина и, неожиданно крепко обхватив его рукой за шею, нежно поцеловала.

От неожиданности парень пошёл ко дну, а когда, изумлённый, вынырнул обратно, увидел смеющуюся девушку и дружелюбно протянутую руку.

– Берись! Спасать буду! – задорно смеялась Дина.

Так состоялось их необычное объяснение в любви.

Дина завершила третий курс, а он – четвёртый, приближались каникулы.

Любовь выбила парня из учебной колеи, и на одном из экзаменов ему выставили лишь оценку «хорошо», а не «отлично». Учебная инструкция была суровой – на «отлично» требовалось сдать все экзамены для получения повышенной стипендии. Но он не грустил, а был... счастлив! Его жизнь принадлежала Дине.

Девушка хорошо сдала свою сессию, и стремительно приближалось время их общего отъезда домой на каникулы.

Студенты предварительно взяли билеты на свои поезда, которые вечером должны были уходить в разные стороны.

Оставалось три дня.

– Ты будешь скучать обо мне?.. – нежно прошептала она за день до их отъезда, и глаза девушки стали влажными. Он увидел в них искренние слёзы.

– Дина! Милая! Я не могу жить без тебя, – страстно отвечал он в ответ, обнимая свою единственную любовь.

В предпоследний день он принёс ей огромный букет пышной персидской сирени и поставил в большую вазу на столе в девичьей комнате. Красивые бархатные гроздья цветов свисали с ветвей, наполняя всё вокруг терпким бодрящим ароматом раннего лета. С детства он любил сирень...

Подруги восхищались цветами, но Дина почему-то стала грустной и задумчивой. Они

вышли погулять. Долго бродили вдвоём, и он спросил у неё, что её так расстроило.

Девушка бросилась ему на грудь и громко зарыдала:

– Есть восточная примета! Сирень всегда к разлуке!.. Я боюсь её...

Сегодня ему не забыть того взволнованного и испуганного крика любимой.

– Нет, Диночка!.. Что ты, милая!.. Это чепуха! Разве ты веришь приметам?! – стал успокаивать он её, обнимая и целуя.

– Нет, нет, я знаю, так будет! Ну теперь всё равно! От судьбы не уйдёшь, – отвечала она, вытирая слёзы и виновато улыбаясь из-за случившейся с ней слабости.

На городском вокзале поздним вечером он проводил Дину в вагон поезда, уложив её скромную дорожную сумку под нижнюю полку спального места, и они попрощались, обнялись и поцеловались в последний раз, почти как муж и жена.

Он стоял на перроне, махал ей рукой, а Дина влюблённо и задумчиво смотрела на него сквозь вагонное стекло.

Когда поезд тронулся, Дина широко улыбнулась ему на прощание. Её милая грустная улыбка и сейчас живёт в его памяти.

Через два часа по расписанию ушёл и его поезд.

До середины августа он писал ей письма каждую неделю, и девушка регулярно и тепло отвечала на них. Но с середины месяца переписка между ними оборвалась.

Глубокое отчаяние овладело молодым человеком. Скоро должен был начаться следующий учебный год. В сильном душевном волнении проходили последние дни. Он почти ничего не ел и был неразговорчив. Заметив странное поведение сына, мать пыталась выяснить причину, но он упорно отмалчивался, не раскрывая своей тревоги. Она знала о письмах девушки, понимала, что у сына есть любовное чувство, но считала неприличным вторгаться в их отношения.

Приехав на занятия к началу сентября, он сразу явился в её общежитие. Дверь комнаты открыла знакомая студентка и, заметно волнуясь, сказала:

– А Дина не приехала! Причины не знаю. Её место в комнате профком отдал другой девушке. Вы бы узнали в деканате, что случилось...

Густой туман стал застилать его глаза. Шатаясь, как пьяный, он вышел из здания и стал бессмысленно бродить по аллеям студенческого городка, где они были когда-то вместе. В голове пробежали нестройные мысли: «Что же произошло? Где она? Больна? Да, да... Она заболела! Как я сразу не догадался! Ведь это наверняка единственная причина! Завтра же поеду в деканат и всё выясню...»

Немного успокоившись, студент вошёл в здание своего общежития и, проходя мимо дежурной вахты, увидел в почтовых ячейках письмо на свою фамилию. Взяв его оттуда, внимательно прочитал обратный адрес. Письмо было отправлено с волгоградского адреса девушки, но почерк был не её.

Оглушённый предчувствием чего-то непоправимого, он машинально взял ключ у пожилой вахтёрши и стал медленно подниматься на четвёртый этаж. Ноги наливались свинцовой тяжестью, когда он поднимался вверх по лестнице, и бешено колотилось сердце, готовое вырваться наружу. Предчувствие чего-то необычного наполняло его. «Что... что может быть в письме?!.. Что-то с Диной... что-то страшное!..» – шумело в голове, и в глазах его потемнело. Он не помнил, как открыл замок двери и вошёл в комнату. Непослушными руками распечатал конверт и вынул из него небольшой лист бумаги в мелкую ученическую клетку. На нём матерью Дины было написано всего несколько скупых строк:

Миленький!

Диночка ушла от нас навсегда... Такси сбило нашу девочку на пешеходном переходе, причинив ей ужасные травмы. Два дня она была ещё в сознании и всё звала и звала вас к себе. А перед самой смертью бредила какой-то сиренью. Простите, но я не могу писать.

Выронив письмо из рук, он упал на кровать, вцепившись зубами в край своей подушки, и зарыдал беззвучно и обречённо...

Чужак

– Подсудимый! Вы не отрицаете, что завладели имуществом потерпевшей, вырвав у неё из рук кочан капусты? – чеканя слова, пожилая строгая судья задала вопрос молоденькому худощавому пареньку лет двадцати двух, испуганно съёжившемуся на деревянной скамье в судебной металлической клетке. Два судебных заседателя, сидевшие по обе стороны от председательствующей по делу, с любопытством смотрели на арестованного. Шло заседание городского суда при большом стечении народа.

Парень смущённо посмотрел на судью, на сидящего напротив него, чуть вдалеке, властного прокурора – мужчину лет тридцати в синем служебном мундире. В зале было сумрачно. В бледном мерцающем свете неоновой лампы, висевшей недалеко от арестованного, трудно было различить черты его лица, однако было заметно, что парень волнуется, не решаясь отвечать. Заминка длилась секунды, и наконец он выдохнул ответ:

– Не отрицаю...

В зале раздался глухой ропот людей.

При этом подсудимый, как на последнее средство спасения, поглядел в спину своего адвоката – тщедушного, убогого, сухого старичка. Тот одиноко сидел за столом рядом с арестованным, взирая то на судью, то на прокурора, и хранил таинственное молчание.

Растерянное лицо преступника тронула тень смятения, он стал шевелить губами, пытаясь донести до адвоката какие-то ещё очень важные и нужные слова в свою защиту. Старичок-защитник, видимо много повидавший на своём адвокатском веку, по дуновению воздуха уловил тревожный шёпот парня и, развернувшись к нему всем своим маленьким сухим телом, негромко, но повелительно сказал:

– Павел! Говори, как было на самом деле...

После этого в зале установилась уже звенящая тишина. Участники уголовного процесса и многочисленные слушатели из числа

родственников и знакомых подсудимого и потерпевшей застыли, ожидая слов молодого человека.

Сама потерпевшая – обыкновенная скромная девушка лет двадцати – с явным укором смотрела на подсудимого. Увидев этот её взгляд, тот совсем смутился, ничего не сказал и присел на скамью.

Старичок-защитник очень расстроился, встал и сделал суду следующее заявление:

– Ваша честь! Мой подзащитный вправе отказаться от дачи показаний. Причину странного поступка, в котором он обвиняется, можно выяснить у потерпевшей и свидетелей. Прошу приступить к их допросам.

Все участники судебного заседания согласились с адвокатом, и суд приступил к допросу потерпевшей.

Девушка поднялась со скамьи, подошла к секретарю и дала подписку об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу ложных. Встав перед судом, потерпевшая вначале растерялась, но затем взяла себя в руки и стала сбивчиво рассказывать:

– Уважаемые судьи! Подсудимый живёт на соседней улице и в начале декабря прошлого года в течение недели встречал меня вечером в переулке, когда я возвращалась с работы, пытаюсь провожать до дома. Приставал со словами: «Давай поговорим, Надя!» Я не хотела и не хочу его видеть, ему не отвечала и уходила. А в тот зимний вечер Павел вновь встретил меня. В моих руках была хозяйственная сумка с продуктами. – При этих словах девушка на мгновение смутилась, но тут же продолжила: – Он вдруг закрыл мне дорогу, вырвал сумку и, вынув из неё кочан капусты, сказал: «Верну, когда скажешь мне хотя бы слово!», а затем убежал. Я не успела опомниться, как вокруг сразу собрались люди, видевшие это. Они вызвали полицию. А затем я... – Здесь девушка остановилась, не решаясь говорить дальше.

Судья тактично помогла потерпевшей справиться с волнением, и та пояснила:

– Я написала заявление в милицию, чтобы его просто погугать, но не думала, что его начнут обвинять в грабеже... и арестуют... Ни-

каких материальных и моральных претензий к нему не имею и прошу прекратить дело.

Судья задала ей следующий вопрос:

– Но на следствии вы не говорили, что были знакомы с подсудимым и что он пытался за вами ухаживать. Почему вы изменили показания? Какие из них следует считать правдивыми – прежние или нынешние?

Потерпевшая ответила:

– Правдивые показания нынешние, а прежние мне подсказали в полиции, когда вели дело. Следователь заверил меня, что после «правильных» показаний Павел меня долго не будет беспокоить. Я думала, что дело можно прекратить, но я... не ожидала, что оно дойдёт до суда... – робко пролепетала девушка.

Судья спросила:

– По материалам дела, причинённый вам ущерб составляет двадцать три рубля семьдесят копеек. Это верно?

– Да, верно, но повторяю, я претензий к нему не имею...

Сказав это, потерпевшая перевела дух, взглянула на подсудимого и смущённо опустила голову. В зале пронёсся глухой гул людских голосов и отдельные робкие, но эмоциональные возгласы слушателей:

– Господи! Что за чушь такая?.. Ведь парень без ума от неё... Хотел внимание на себя обратить. А вилок капусты давно повесил на её изгородь, с декабря там висит. Нашли дело века!.. Неужели заняться нечем?..

Судья сурово посмотрела в зал и сделала жёсткое замечание, предупредив, что в случае повторных выкриков виновные будут удалены из зала. Это отрезвило крикунов, и в суде установилась тишина.

– И всё же как вы объясняете поведение подсудимого? В случае признания его виновным ему грозит очень серьёзное наказание, – продолжала настойчиво выяснять судья у потерпевшей все обстоятельства этого странного дела. Затем девушке стали задавать вопросы прокурор и адвокат. Подсудимый робко ёжился при этом на полированной скамье. Зал в напряжении ожидал главных слов от потерпевшей, но она никак не могла

их сказать. Из зала суда понеслись шипящие голоса:

– Надька! Перестань чепуху городить! Говори... как было...

Здесь терпение судьи лопнуло, и она отдала распоряжение судебным охранникам вывести из зала двух не в меру беспокойных мужчин. Однако они уже и сами, понимая, что спорить не следует, стали покидать судебное заседание, пробираясь между узкими рядами скамеек к выходу.

В зале в очередной раз установился порядок, и все желали услышать от девушки Надежды её главные «слова надежды».

И вот, собравшись с духом, потерпевшая наконец-то тихо сказала:

– Он давно говорил мне, что любит меня...

Эти слова девушки имели эффект разорвавшейся бомбы. Судья не стала успокаивать возбуждённых людей и сразу объявила перерыв в судебном заседании до одиннадцати часов следующего дня.

* * *

Древняя мудрость гласит: в споре рождается истина! Именно поэтому принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве является краеугольным камнем того фундамента, на котором выносятся законный, обоснованный и справедливый приговор. Стороны обвинения и защиты имели разные взгляды на существо этого дела и, покинув суд, «переваривали» его, каждая по-своему.

Помощник прокурора, участвовавший в судебном заседании, поспешил в городскую прокуратуру, где на ежедневном совещании по итогам дня доложил прокурору района о необычном повороте дела. Состоялось его подробное обсуждение, и в конце концов руководитель прокуратуры сделал следующее указание помощнику:

– Обвинение следует поддерживать в той же квалификации, но срок наказания можно попросить поменьше. Поскольку санкция по первой части «Грабежа» – лишение свободы на срок не более четырёх лет, то можно ограничиться и двумя годами. Если суд назначит

такой срок, то протест подавать не следует, а если назначит меньше, то нужно хорошо подумать над возможностью опротестовать приговор.

Прокурор был озабочен скоропалительностью ареста обвиняемого на следствии, под которым тот находился уже третий месяц, грошовым ущербом по делу и в целом положительными характеристиками парня. Вполне естественно на горизонте замаячила перспектива получения выговора по службе за незаконный арест, привлечение к уголовной ответственности, и требовалось обязательно сохранить честь мундира. Настроение в прокуратуре было гнетущим и довольно тревожным.

По-иному реагировал адвокат. Старичок-защитник, бурно радуясь случившемуся повороту в деле, в прекрасном настроении приехал в юридическую консультацию в конце дня. В низком и тесном помещении адвокатуры, располагавшемся на первом этаже купеческого дома девятнадцатого века, остались лишь две пожилые женщины-адвокатессы, которые работали над правовыми документами по делам. Был холодный февраль, на улицах лежало много снега, кусался удалой русский морозец, но старичку это было нипочём. Ввалившись в помещение с тортом в руках, он торжественным тенором пропел: «Девочки родные, милые мои! Дело подарили, будто бы с луны!»

Коллеги отвлеклись от дел и с интересом стали слушать старого адвоката, которого все обожали, а тот, развязав бисквитный торт и попросив женщин вскипятить чайник, стал выплёскивать им свою неопишемую радость:

– Красавицы вы мои! Представляете!.. Прокурор настаивает на осуждении моего подзащитного за грабёж кочана капусты стоимостью двадцать три рубля восемьдесят копеек, и ему грозит срок лишения свободы до четырёх лет. Мой чудак любит девушку, а капусту вырвал у неё из рук в отместку, поскольку та не отвечала ему взаимностью. И за это чудачество парень три месяца сидит в тюрьме и ждёт сурового приговора. Каков роман, а?!

Обе «красавицы», одной из которых было около восьмидесяти лет, а второй чуть за

семьдесят, дружно всплеснули руками, умиляясь невероятной романтичности дела.

Та, что была постарше, с юмором заявила:

– Кто знает, может, это и есть Великая любовь?!

А старичок, не теряя радостного настроения, проговорил:

– Завтра продолжение судебного процесса. Будьте уверены, мне видится громкий оправдательный приговор!

Адвокаты погрузились в горячий профессиональный спор, и Яков Миронович, так величали старичка-адвоката, поведал женщинам следующее:

– По таким видам имущественных преступлений, как грабёж и разбой, стоимость похищенного не имеет значения, пусть будет хоть спичечный коробок объектом посягательства, но мотив... Мотив есть «душа преступления»!.. Он субъективная сторона деяния, без его доказанности нет виновности. В суде потерпевшая заявила, что подсудимый ей был знаком, оказывал личное внимание и капуста ему была совсем не нужна.

Слушавшие его женщины были не столь оптимистичны по поводу предстоящего исхода дела, и старшая из «красавиц», адвокатский стаж которой составлял немногим менее стажа старичка, то есть почти сорок лет, хитро улыбаясь, сказала:

– Помилуйте, Яков Миронович! Где вы видели, чтобы суды выносили оправдательные приговоры? Вы думаете, прокурор это стерпит? Только в самом крайнем случае! На Руси с давних пор принято, что власть никогда не ошибается, а уж извиниться перед человеком и признать ошибку – это нечто из ряда вон выходящее. Уверяю вас, приговор будет обвинительным! Ну, может быть, срок наказания будет снижен при таких обстоятельствах, и парню откроется возможность условно-досрочно освободиться. Но оправдать! Тем более за кочан капусты! Никогда!..

Они стали горячо спорить по этому поводу. Старичок утверждал своё, а «красавицы» ему резко возражали. Чтобы разрядить обстановку, Яков Миронович нырнул в секретный ящик своего канцелярского стола и достал от-

туда бутылку импортного коньяка. Улыбаясь ещё более хитро, чем старшая из «красавиц», адвокат налил три маленькие рюмки и торжественно произнёс:

– Давайте поспорим, что завтра по моему делу суд вынесет оправдательный приговор!

В консультации раздался громкий взрыв хохота адвокатесс, и, выпив коньяк, они умиленно заговорили:

– Дорогой Яков Миронович! А на что спорить будем?

– Как на что? – загорелся старичок. – Если я проиграю дело, то я веду вас обеих в театр на премьеру, а если вы окажетесь не правы, то уж извольте взять меня под руки и ведите в храм искусства!

Смеясь от всей души, адвокаты разбили руки, заключив сделку.

Они пили горячий чай с ароматным тортом до позднего вечера и, обсуждая перипетии этого странного дела, затрагивали многие другие вопросы правовой жизни. Например: почему за украденные миллионы государственных денег министры и губернаторы сидят не в тюрьме, а под домашним арестом и им назначают наказания, более мягкие, чем грозит парню за кочан капусты?

А тем временем обсуждение этого дела проходило и в других местах города.

В небольшом частном домике захолустной улицы проживала многодетная семья подсудимого. Его мать, вечно измученная сменной работой на обувной фабрике, и две его младшие сестрёнки-школьницы девяти и двенадцати лет очень переживали за Павла. Женщине было примерно сорок лет, но выглядела она гораздо старше. Глубокие морщины изрезали её тёмное болезненное лицо, а жалобные глаза вызвали глубокое сострадание. Девочек не допускали в зал суда по несовершеннолетию, и те не видели брата. В тот вечер они жалобно ныли:

– Мама! А когда наш Павлушка будет дома? Скажи! Скоро?

Та, вытирая слёзы платком, отвечала детям:

– Скоро, скоро, мои милые! У нас хороший адвокат, добрая судья, а девушка Надя

простила нашего недоумка. Скоро Павлушка будет с нами... Потерпите чуть-чуть...

Женщина лишилась мужа четыре года назад. Он сильно пил, часто менял места работы и наконец в алкогольном опьянении окоченел осенней ночью под своим же покосившимся забором, не дойдя до дома несколько десятков шагов. Его смерть была для женщины горестным облегчением, ибо спившийся супруг давно превратился в тяжкую обузу для семьи, не принимал участия в содержании и воспитании детей и частенько распускал руки. Сын Павел, наблюдая дикие выходки отца, рос нервным, болезненным и впечатлительным мальчиком, а когда повзрослел, окончил школу и стал работать слесарем, решительно вступался за мать и сестёр, защищая их от оскорблений и избиений. Парня не призвали служить в армию по причине болезни, а тяжёлая психологическая обстановка в семье наложила свой отпечаток на его поведение и характер. Иногда и он проявлял признаки невыдержанности. Мать как могла боролась с этим, и вот теперь случилась такая неприятность с соседской девушкой Надеей...

В тот вечер у них дома была младшая сестра матери, помогавшая ей оплачивать услуги видного адвоката. Дочери ушли в отдельную комнату делать школьные уроки, и мать стала рассказывать сестре судебные новости:

– Не знаю, не знаю, как всё сложится! Объявили перерыв до завтра, до одиннадцати часов. Адвокат Яков Миронович – молодец, добился того, что потерпевшая сказала наконец правду суду, но прокурор очень суров, хотя и молодой ещё. Неужели совсем сердца нет... За кочан капусты Павлушка три месяца в тюрьме сидит... – Женщина протяжно всхлипнула простуженным носом и протянула озябшие руки к отопительному котлу, шумевшему газовой горелкой.

Сёстры были очень близки между собой. Они сидели на маленькой, но уютной кухне и делились самыми сокровенными мыслями.

Младшая сестра поделилась своими сомнениями:

– Ну чем поможет адвокат? Кто их слушает? Знаешь пословицу: «Собака лает, а ка-

раван идёт»? Адвокатам лишь гонорары давай. Да что они могут?.. Всё будет зависеть от прокурора и суда. Я с волнением жду завтрашнего дня...

Они проговорили до позднего вечера, а потом младшая сестра, попросившись, уехала домой.

«Капустное дело» обсуждалось и ещё в одном доме, на соседней улице, где проживала потерпевшая. Девушка Надежда держала ответ перед строгими родителями за свою невыдержанность на судебном заседании. Семья собралась в просторной комнате большого дома, и отец с матерью выговаривали дочери:

– Надюша! Почему ты изменила показания? Зачем ты его жалеешь? Это пропащий человек из семьи горького пьяницы. Вспомни его отца!.. Он умер под забором, как собака!.. И сын пойдёт той же дорогой... Чтобы отучить его от диких выходок, мы и попросили тебя в милиции написать грамотное заявление под диктовку. Дело совсем не в капусте, а в жизненном принципе. Такие лица не должны отвращать жизнь окружающим! Пусть посидит в колонии годик-другой, хорошенько подумает над своим поведением. А ты заявила в суде, что он знаком тебе и в чувствах признавался... Упаси бог от его любви!..

Девушка Надя была единственным ребёнком из состоятельной семьи, где царили мир, покой и благополучие. Моложавые, образованные и приятные родители давно занимались рекламным бизнесом, были очень интересными людьми и имели обширные знакомства в городе. Отец, игравший ведущую роль в семье, очень любил дочь и теперь энергично поучал её:

– Ну ты подумай сама! Не дай бог его оправдают! Так он возомнит себя рыцарем и ещё надумает свататься к тебе. Это как?! Самое страшное на свете – безнаказанность! Ему нужно пусть маленькое, но наказание.

Он хотел продолжать дальше, но дочь вдруг встала из кресла и ушла в свою комнату, не желая слушать. Это случилось так внезапно, что родители растерялись и переглянулись. Отец, встревожившись, сказал сугрупе:

– А ну-ка попроси её вернуться назад! Это что такое?

Мать послушно пошла за дочерью, заставив её вернуться. Но когда отец хотел продолжить нравственный урок, девушка внезапно прервала его на полуслове и мягко, но решительно заявила:

– Папа! У меня никогда не будет с ним отношений. Это исключено! Но я взрослая и многое понимаю. Один раз в жизни человеку можно помочь подняться с колен, но только один... Его мать в одиночестве с тремя детьми бьётся с жизненными неурядицами. А что её сын видел хорошего? Павел с девушками общаться не умеет, потому что его этому не учили. Так что же, его за это в тюрьму?.. Ты же много раз говорил: «Самый красивый поступок – простить!» Где же сейчас твои высокие принципы?

Слова дочери больно ударили по самолюбию отца, но он тактично сдержался и не стал спорить с девушкой. Вечерний разговор был закончен.

Утро было снежным и морозным. Вся семья как ни в чём не бывало завтракала. Родители и дочь перебрасывались незначительными фразами, не имевшими отношения к судебному делу. Когда семья уже выходила из дома к прогретому автомобилю, Надежда подошла к отцу и, поцеловав его в щёку, сказала:

– Спасибо, папа, за доверие! В суде я буду умницей! Ты веришь мне?

Отец был готов расплакаться от таких добрых слов дочери и ласково прошептал:

– Конечно, конечно... Ты уже вполне взрослая и знаешь, как себя вести.

Автомобиль выехал из просторного двора и помчался к зданию суда.

* * *

Судебное заседание началось на полчаса позже по причине опоздания конвойной машины с арестованными, в числе которых был и Павел.

Когда наконец подсудимого доставили, участники процесса и слушатели расположились в зале. Председательствующая про-

должила судебное заседание. Мать тоскливо смотрела на сидевшего в тёмной клетке сына, пропитанного тюремным смрадом неволи, едимым казематным холодом, и украдкой вытирала платком бежавшие по щекам слёзы. Павел как будто смирился с неизбежной участью узника, грустно смотрел на мать, друзей и знакомых, ожидавших завершения его процесса.

В течение двух часов состоялись все допросы свидетелей, были заданы дополнительные вопросы подсудимому и потерпевшей и оглашены необходимые материалы дела. Суд приступил к выслушиванию прений сторон и первое слово предоставил прокурору.

С чувством глубокого достоинства государственного обвинителя говорил о преступном поведении подсудимого, посягнувшего на собственность гражданина, и бесспорности добытых доказательств грабежа. Но с учётом многих смягчающих обстоятельств, включая и настоятельную просьбу потерпевшей прекратить дело, предложил назначить меру наказания виновному в виде двух лет лишения свободы условно с испытательным сроком в один год.

Ответное слово произносил адвокат подсудимого. Защитник хорошо провёл судебное следствие, представил суду много дополнительных доказательств невиновности Павла и начал своё выступление. Это была яркая адвокатская речь! Простота слова, глубокий психологизм, остроумие и ясность мысли были главными её достоинствами. Адвокат уже вплотную подходил к своему восьмидесятилетнему жизненному рубежу, но виртуозно владел аргументами и судебным словом. Яков Миронович «по кирпичику, по камешку, по соломинке» уверенно обваливал неприступное и грозное здание прокурорского обвинения, которое теперь шаталось и падало от его филигранных выпадов. С пылким пафосом он восклицал:

– Вдумайтесь, уважаемые судьи!.. Молодой человек из-за любви к знакомой девушке забрал у неё кочан капусты и обещал вернуть, если та подарит ему слово, одно только слово!.. За кочан капусты!.. Да, это невероятно глупо, нелепо и чудно... Назовите как угодно, но только это не посягательство на собствен-

ность, как заявил здесь уважаемый прокурор! Можно именовать это нелепой шуткой, розыгрышем, маскарадом, но квалифицировать как преступление... никогда!..

Яков Миронович ещё много говорил о том, как трудно матери воспитать одной троих детей, о случайности рокового события и о многом другом, а когда закончил свою восхитительную речь, зал взорвался бурным восторгом слушателей. Казалось, вот она – настоящая, непритворная истина!

Суд предоставил последнее слово подсудимому, и Павел, поднявшись со скамьи, долго не решался говорить. Он смотрел то на судей, то на прокурора, то на свою мать, сидевшую в каменном оцепенении, но никак не мог встретиться взглядом с потерпевшей.

Председательствующая по делу тактично заметила подсудимому:

– Вы отказываетесь от последнего слова?

Парень будто очнулся от вопроса судьи и повернул голову к Надежде. Девушка внимательно смотрела на него глубокими карими глазами, в которых добрыми искорками светилось: «Ну, говори, будь смелее!.. Что же ты!..»

И он, встрепенувшись всем своим духом, наконец горячо выплеснул:

– Прости меня, Надя! Я болван, идиот и полный дурак! Прости...

Сразу после этих слов суд удалился в совещательную комнату для вынесения приговора.

* * *

Судья оглашала приговор медленно и властно, делая редкие паузы, и в зале стояла невероятная тишина. Слышалось лишь иногда дыхание усталых людей, вынужденных стоя выслушивать приговор, и лёгкое поскрипывание скамеек, на которые они опирались руками. Судья громко огласила:

– ...Подсудимого оправдать за отсутствием в его действиях состава преступления. Освободить из-под стражи немедленно в зале суда.

Конвойные открыли замок решётчатой двери в клетке арестованного, вывели Павла наружу, сняли с его рук наручники и пустили в зал, где он крепко обнялся с матерью. Люди

в зале ликовали, приветствуя судебный акт, и всё вокруг светилось радостью, счастьем и успехом.

Так завершилось это обыденное и, в общем-то, рутинное дело.

Прокурор не стал опротестовывать приговор суда, понимая бесполезность этого. За допущенную небрежность в расследовании дела был наказан следователь полиции, но наказание с него вскоре сняли за дальнейшую примерную службу.

Адвокат Яков Миронович, являвшийся вдовцом, был приглашён на премьеру нового спектакля проигравшими ему спор такими же вдовыми адвокатессами. Они смотрели театральную постановку, а во время антрактов старичок угощал дам итальянским вином в красивом буфете и много чего рассказывал из своей богатой адвокатской практики.

В семье Павла царило умиротворение, а сестрёнки весело крутились возле взрослого брата, радуясь его долгожданному возвращению домой. Мать рассчиталась с долгами, взятыми для оплаты услуг адвоката, и строго следила за сыном, но тот не вызывал её беспокойства. Парень нашёл своё семейное счастье осенью, женившись на девушке, работавшей вместе с ним на предприятии.

В семье Надежды встретили приговор с облегчением и постарались побыстрее забыть о нём. В конце марта, когда уже бурно таял снег в огородах и садах, звенела капель и по-весеннему пели птицы, отец девушки обнаружил на домашней изгороди полиэтиленовый пакет с кочаном капусты, провисевший там всю зиму, и сразу выбросил его в мусорный контейнер. Летом Надежда вышла замуж за одного молодого врача-стоматолога.

Люди, жившие на этой улице, рассказывали, что ещё несколько лет подряд, случайно зайдя в том самом злополучном переулке идущую ему навстречу Надежду, парень круто разворачивался и уходил назад, обходя это место с другой стороны. Горький жизненный опыт выковал в его сознании одно хорошее народное правило: «От греха подальше и с глаз долой»... А

Николай ЧЕРБАЕВ

Грибной дождь

Летние каникулы Серёжа проводил в деревне. Вместе с деревенскими ребятами он целыми днями гонял футбольный мяч по зелёной лужайке за узенькой речкой, протекавшей напротив дома, в котором он гостил у дедушки с бабушкой. Бывало, что и рыбачил у этой речушки. Нравилось Серёже ранним утром сидеть у речки в ожидании поклёвки. Только шевельнётся на светлой глади воды поплавок, а Серёжа так и замрёт, он даже дышать перестаёт, чтобы не спугнуть очередного карасика или окунька. И уж сколько радости бывает, когда в воздухе засверкает серебром в лучах утреннего солнца долгожданная рыбёшка.

Но не только в играх Серёжа проводил всё время. Он очень любил помогать дедушке по хозяйству: кормил кур, рвал траву для кроликов, носил воду для полива грядок с огурцами. Ведь дождик этим летом не очень-то баловал своей живительной влагой растения, вот и приходилось для полива носить воду из речки.

Как-то вечером Серёжа сидел рядом с дедушкой на лавочке возле дома, и дедушка, глядя на небо, с грустью произнёс:

– Эх, хоть бы прошёл грибной дождичек! Мы бы с тобой столько грибов за речкой на лугу насобирали!

Серёжа с удивлением посмотрел на дедушку и спросил:

– Дедушка, а что, грибной дождик – это когда с неба грибы падают?

Дедушка рассмеялся и сказал:

– Да нет, это когда пройдёт тёплый-тёплый, тихий-тихий и долгий летний дождь. После такого дождя обязательно появляются грибы. Вот поэтому и называют этот дождик грибным.

С этого дня Серёжа каждое утро, выбегая на улицу, смотрел на небо и всё ждал, когда же пойдёт грибной дождь. А он всё не шёл и не шёл. И Серёжа прямо не на шутку загрустил и всё приставал к дедушке: когда пойдёт грибной дождь? Ему хотелось верить, как будто это зависит от дедушки.

– Дедушка, – чуть не плача, спрашивал Серёжа, – ну когда же пойдёт грибной дождь? Ведь скоро и каникулы закончатся, а я так и не увижу грибного дождя!

Дедушка погладит внука по головке и ласково скажет:

– Пойдёт, обязательно пойдёт дождик, ты только жди, и он пойдёт. Вот мы с тобой попросим Боженьку, и Он пошлёт нам дождичка.

– Дедушка, а давай прямо сейчас попросим Боженьку, чего нам ждать?!

– А чего, давай сейчас и попросим, чего нам ждать?! – проговорил дедушка.

День заканчивался, заканчивался и вечер, а дождя всё не было. «Наверное, Боженька нас не услышал», – грустил Серёжа. С тем он и лёг спать.

Вдруг среди ночи Серёже послышались далёкие громовые раскаты. Сердце его учащённо забилося, он открыл глаза, взглянул на окно и увидел, как ночную темноту неба разрезала яркая полоса молнии. Он соскочил с кровати, подбежал к окну, а по стеклу уже стучали крупные капли дождя. Через короткое время за окном уже слышался шум ливня, который быстро затих и перешёл в тихий монотонный дождь. Серёжа, не отходя от окна, с радостью слушал шипение дождевых струй, льющихся непрерывным потоком с крыши, и тихо прошептал:

– Вот он и пошёл, грибной!..

Он и не заметил, как к нему подошёл дедушка.

– Вот, Серёжа, всё же услышал нас Боженька и послал нам дождичка, – ласково проговорил дедушка.

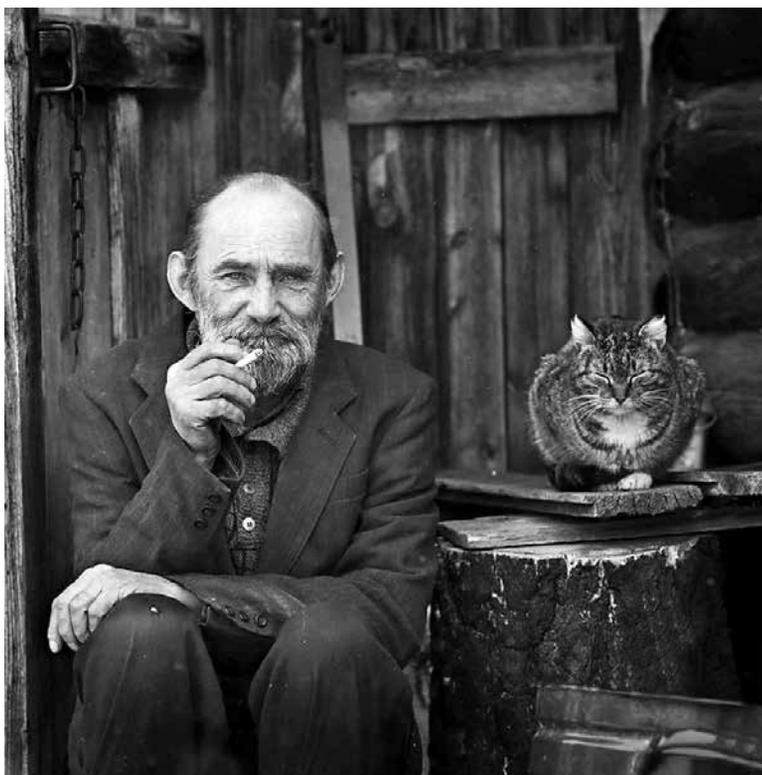
Дождик шёл, не переставая, всю ночь и половину наступившего дня.

А следующим утром, после дождя, Серёжа вместе с дедушкой отправился на луг за речку. Там повсюду среди травы выглядывали коричневые шляпки луговых опят.

– Дедушка, а грибы как будто и вправду вместе с дождиком с неба падали!

– Вот она, Серёжа, Божья милость за наши молитвы, – проговорил дедушка и с радостью на лице положил в корзинку Серёжи первый грибочек.

Федосеич

РАССКАЗЫ ДЛЯ ПОТОМКОВ

Дед Федосеич в свои семьдесят с небольшим выглядел сухощавым, уставшим старичком. По всему было видно, слаб он здоровьем: много и затажно кашлял, тяжёлая походка, потухшие глаза, сгорбленность, обострённые скулы выказывали его немощь.

Это теперь. А до того как верх над ним взяла немощь, был он развесёлым балагуром. И ходил он шустро, и глаза смеялись. А какой был рассказчик!.. Своими смешными рассказами до боли в животе рассмешит, самого угрюмого заставит смеяться.

Он не только весёлые рассказы и шутки-небылицы знал. Федосеич часто посещал сельскую библиотеку и много читал, поэтому мог многое рассказать и об исторической

правде Отечественной войны, и о военачальниках, и о руководителях страны советского времени. В его доме на столе всегда можно было увидеть книги. Любил он почитать и газеты, особенно «Сельскую жизнь». Много пришлось ему повидать на дорогах войны. Воевал он и в Польше, и на Дальнем Востоке, а по случаю тяжёлого ранения лечился в госпитале в Казахстане. Об этих местах и о людях, проживающих там, об их быте тоже рассказывал.

Но вот только с возрастом тяжёлое ранение в лёгкое, сверхмерное курение ослабили здоровье. Уж очень он любил покурить. В этом у него был какой-то особый смысл жизни, это действие он выполнял, как какой-то особый ритуал.

САМОКРУТКА

Куриль Федосеич любил сидя на лавочке перед домом, возле оградки. Если уж пришёл он на лавочку, то не уйдёт скоро, пока не искурит две, а то и три самокрутки. Да и как сразу уйдёшь, обязательно кто-то подойдёт и составит компанию.

– Давай, Федосеич, покурим твоего табачку, уж больно он у тебя забористый, да запах завлекательный, – скажет подошедший курильщик.

Не пожалеет дед табачку, добрую щепоть в ладонь отсыплет и бумагу даст. И пойдут у них разные разговоры, и начинают по очереди кашлять, то ли от смеха, то ли от забористого дымка, обдирающего горло. И рассказывает Федосеич разные истории из жизни, а то и просто смешные небылицы. И сам насмеётся вдоволь, и товарища насмешит.

Курил Федосеич не магазинный, свойский табак: сам сажал, ухаживал, высушивал в сарае под потолком, сам готовил махорку. К изготовлению махорки относился серьёзно, с душой. Весь набор инструмента для этого у него имелся: и ступа, и пяхтиль, и сито. Самокрутки крутил из газеты. Прочитает всю от корки до корки, а уж потом – в дело. Бывало, затеется с махоркой, а уж кто-нибудь из мужиков тут как тут:

– Давай, Федосеич, подсобим, потолчём. Ты доннику не жалеяй, подбавь поболее для запаха.

И тут же начинают пробовать своё изделие. Дым коромыслом. Чихают да кашляют. Уйдут курильщики с затуманенной головой, да ещё с собой прихватят табачку.

– Табак курить надо умеючи, – скажет дед, – тут кажный навык должен иметь, организм должен быть привычным. А всё ж вреду от такого табака меньше, нежели от покупных, потому как он чистый, без всяких там примесев. Вот только от газеты, конечно, могёт быть вред, потому как в шрифту имеется цинк. Да ничего, курим всю жисть – и ничего, ну и покашляешь, а как же без этого, на то оно и курево. На фронте вон, бывало, как разжи-

вёшься у кого табачком да клочком газетки, больше счастья и не желать, да как затянешься, чтоб поглубже достало, глаза прикроешь... Ох и великое удовольствие было курить фронтальной табачок с товарищами!

Вот так и выходил Федосеич по несколько раз в день ко двору на лавочку. Зато перед лавочкой трава уж много лет не проросла, всё было зашлифовано ногами, а вокруг сплошные окурки. Но это летом, а когда наступали холода, перебирался он с этим занятием в дом. Хотя и деревенский быт был в доме, однако ж было чистенько, полы выкрашены, половички постелены, шторы на окнах белые. Вот и не разрешали ему курить где попадая. И была в этом деле у него любимая помощница – русская печь. Кто не видел – не поймёт, а кто наблюдал его дружбу с этим кирпичным чудом, тот знает, что дед Федосеич и его печь – это единый организм.

РУССКАЯ ПЕЧЬ

Однажды, когда ещё дети не разлетелись из родного гнезда, предлагали они ему сломать печку за ненадобностью и расширить тем самым полезную площадь. Тогда он мягко и умно ответил: «А печь и есть для меня самая полезная площадь. Умру, тогда и расширяйте, как хотите!» Одним словом, не мог он без печи.

Придёт ли с мороза или просто захочет покурить, влезает он на печь, закуривает свою махорку, а дым пускает в трубу: и себе удовольствие, и другим не во вред. А то ещё приляжет, включит радиоприёмник и слушает новости или песни. Всех артистов знал по фамилии.

Слушает песни, дремлет дед, а тут вдруг такое... пожар! А случилось вот что: повесил он фуфайку на вешалку у самой печки, а в кармане фуфайки лежала зажигалка. Зажигалка нагрелась и воспламенилась, и фуфайка загорелась. Дремлет дед, дыма не чувствует, а дым от фуфайки уж чёрным облаком поднялся. В соседней комнате находился сын Пётр, учуял дым, выбежал и выбросил фуфайку

на снег. Конечно же, досталось тогда деду от жены. Молчал. А что тут скажешь?! Виноват!

А ещё печь для деда была своеобразным плацдармом для обороны. Затеют они, бывало, с женой какой разговор между собой и обязательно перейдут на спор, а уж потом и по-серьёзному, на ссору. Ведь у каждого своя правда, и начинают они отстаивать правоту свою. Дед Федосеич начинает ссылаться на книги, а жена не верит ему. «Ты горазд на выдумки, – скажет с насмешкой, – вот и выдумаешь». Закипит в нём злоба от несогласия, вспрыгнет он на печь, закурит с расстройства, затянется нервно глубоко и выпускает вместе с сизым дымом бранные слова на неё сверху вниз. А жена на него снизу вверх хоть и без дыма, но тоже заковыристые словечки, хуже дыма щекочут душу.

А из-за чего возникает спор? Ни из-за чего! Вот хотя бы такой случай. Сидит как-то дед на печке, покуривает, а жена у стола хлопчет, ужин готовит. Разговор ведут мирный о житье-бытье да про еду, кстати, под ужин.

– Это у нас рыба за деньги да к празднику, – говорит дед, – а вот в Японии огород ею удобряют, вот сколько её тама.

– Сиди уж, не плети, плетёшь, собираешь всё подряд. Эт кто ж тебе поверить, чтоб рыбу – в огород. А то кубыть хуже было б сварить на ужин? А он – в огород!

– Ды её там столько, что хватает и на ужин, и на завтрак, и на огород, – начинает нервничать дед. – Кругом их моря и окияны, и рыбы в них завались.

– Хватить уж, кто тебе поверить, и слушать не хочу! Можя, и есть рыба, но не на огород же её бросать. Ишь чаво удумал, рыбу на огород! Эх, пустомеля ты, вот кто!

Тут дед начинает подкреплять свою правоту крепкими словечками с угрозой запустить валенком в сторону обидчика.

Снизу – протест и угроза чапельником.

– Только попробуй. Ты валенком, а я – чапельником. Валенки-то, он вон мягкий, а чапельник... смотри у меня!

– Ну что ж ты меня доводишь?!

– А ты не лги, балагур старый! Если хочешь язык почесать, болтай по делу.

– Ды я же на Сахалине был и японцев видал, как тебя вижу с печки.

– А ты не то японский знаешь и разговаривал на нём? – усмехалась жена.

– Ды он же, Сахалин, недалёко от Японии, народ наш знает, вот и рассказывали.

– Нету, ты лучше не ври, не поверю. Эт надо же, рыбу на огород! Вот плетёт сам не знает чаво.

– Ну что ты будешь делать, – злится дед, подкрепляя правдивость свою крепким матом. – Ей говоришь одно, а она – другое.

– Ну вот, читаешь ты много, и книги умные вон лежат, а весь мат собрал! Ты что же, весь этот мат в книжках вычитал? Вот и верь тебе. Эх ты, читалка, а считаешь себя умным, в библиотеку вон ходишь, а слова без мата не скажешь.

– А тебе без мата разве докажешь чаво, когда ты так зацепишь за живое, тут мат только и облегчает моё положение. Ты же всю душу выворачиваешь наизнанку. Табе правду доказываю, а ты всё против, всё против.

– Ну и доказывай без мату, а то на одно слово пять матом, вот и пойми тебя.

– Тёмный ты человек, бабка, вот ты кто!

– Ну да, я – тёмный, а ты – светлый, один мат да враньё от тебя.

– Может быть, ты и в то не поверишь, что я в Монголии баранину ел без учёту, сколько захочу, столько и ел?

– Ну, в это я, можя, и поверю, потому как ты уж очень мясо любишь, сколько ни дай, всё слопаешь. Только тут тебе не Монголия, тут нету столько овец.

– Да у тебя хоть и было бы, много не получишь, следишь за каждым куском, как бы я лишнего не съел.

– А почему ты должен лишнее есть, ты не один, всем надо. Привык там, в Монголии, отвыкать пора, вон уж сколько годов прошло, а он всё вспоминать.

– Да пошла ты знаешь куда?.. – И, конечно же, скажет, куда ей надо идти...

Закурит дед с досады, выкурит махом свою самокрутку с глубокими затяжками, как будто век не курил, и ляжет на тёплые кирпичи. Пригреется, забудется и провалит-

ся в сон. Печь, она такая, как живая, пригреет и успокоит!

Вот так и бранятся, а печь в этом деле смягчает наступательные действия с обеих сторон: слова летят, душу ранят, а телесных повреждений нет – руки не дотягиваются. Но такие «боевые атаки» продолжаются недолго. «Слазь, дед, ужинать», – поступит команда (после рождения первого внука они всё чаще стали называть друг друга дедом и бабкой). Слезет дед, поужинают и разговаривают, как ничего и не бывало.

ПОГОНЯ

Сидя на печи и пуская дым в трубу, Федосеич не просто курил, иногда в его голове рождались коварные планы мести в ответ на противостояние жены.

Как-то раз собралась она с соседками пойти ночью на колхозное поле за подсолнухами. Строго тогда было. Под суд могли бы отдать, если попадешься. Но уж очень хотелось женщинам на праздник, когда работать грешно, семечками побаловаться. Боязно, но всё же пошли.

Федосеич дома один, как обычно, сидит на печке и покуривает. И вдруг – мысль, да такая, что этой мыслью сам себя рассмешил. «Щас они у меня наберут семечек, щас я им устрою!»

Быстро соскочил с насиженного места, торопясь, оделся и пошёл в поле. Идёт крадучись краем подсолнухов, слышит – шуршат и разговаривают шёпотом. Подошёл чуть ближе да как зашумит:

– Ага, попались, вот я вам...

Оставив мешки, женщины с визгом бросились бежать. Федосеич, опережая их, добежал до дома, влез на печку, закурил и поджигает жену. Входит жена – лица не видать.

– Что такое, что случилось? – спрашивает он.

– Попались, вот чаво. Кто был, не угадали, только гналси за нами. Не догнал, а то бы тюрьма.

– Эт как же так вы неаккуратно?

– Ды вроде никого не было, и разговаривали шёпотом, а вот поди ты, чаво вышло.

– Ну и успокойси, не попались и хорошо, а не пойман – не вор.

– Ага, табе на печи хорошо рассуждать, а тут все поджилки трясутся.

– Ды кто ж вас гнал туда? Как же, семечек захотелось им!

Не признался Федосеич в этот раз, побоялся серьёзной разборки. Тут было бы не до шуток.

Прошло достаточно много времени. Както женщины собрались вместе на крыльце в праздник и всё сожалели, что нет семечек позабавиться. Вот тогда он и рассказал, как напугал их. Время сгладило страх, и ответного нападения не последовало. Но всё же предупредили, что если бы тогда узнали, то попало бы ему. Ну а теперь только рассмеялись и вспоминали, как убегали да как страшно было.

АРТИСТ И ДРЕССИРОВЩИК

Обладал Федосеич и артистическими данными. По его рассказам, с молодости он участвовал в художественной самодеятельности. Он умел играть на гармошке, на гитаре и на балалайке. Балалайкой владел очень искусно, кто слышал его игру, согласится с этим. Кстати, он и познакомился со своей будущей женой на Красном Хуторе, куда ездили из Перкино с концертом. Был он в это время (1943 г.) в отпуске по причине ранения. Во время отпуска женился – и снова на фронт.

В сельском клубе ежегодно проводились мероприятия в честь празднования Дня Победы, и Федосеич в этом празднике принимал участие не только как ветеран Великой Отечественной войны, но и как артист.

К выходу в свет он тщательно готовился: надевал пиджак, шляпу, на пиджак цеплял все свои ордена и медали и, конечно, брал с собой балалайку.

Вслед ему жена обязательно давала указание:

– Смотри там, дед, не пей много, а то ты жадный на вино.

– Ага, напьёшься там, кто ж тебя напоит, что там, пьянка какая? Там мероприятие важ-

ное. Ну не без этого, поднесут по 100 грамм. Ты, бабка, не волнуйся, приду как стёклышко.

– А то я тебя не знаю, стоять только понюхать, свинья грязь найдёт...

– Ну что ты за человек такой, обязательно настроение испортишь! Ты своими словами только растревожишь меня, и только. Ведь не хотел, а раз такое отношение, то, может, и напьюсь, чтобы не гудела.

– Да я и знаю, тебе бы только к словам прицепиться, причину найти. Иди уж, не терпи.

После официальной части фронтовиков, как водится, угощали (накрывали стол) и, конечно, – по 100 грамм фронтовых. Вот тут-то и продемонстрировал он своё мастерство игры на балалайке, пел песни и читал стихи собственного сочинения. Конечно, аплодировали, говорили тосты, принуждали друг друга выпить то за здоровье, то за память о павших боевых друзьях. Ну, в общем, было бы что выпить, а за что – всегда можно найти. Да кто же осудит за это фронтовиков? Это их же праздник. Они заслужили к себе внимание и уважение. Пусть отдыхают, и дай им Бог здоровья, а павшим в боях – вечная память!

Возвращался домой Федосеич с нарушенным равновесием: то туловище с головой впереди, а ноги отстают, то, наоборот, ноги впереди туловища, балалайка в качестве баланса. Истинный канатоходец, да и только.

Из окна дома хорошо просматривается дорога, по которой Федосеич возвращался домой, и жена, ожидая его, прекрасно видела танцующую походку, полную необычных выкрутасов. Подходил он с неосознанной улыбкой и со словами, в которых трудно разобрать смысл, но понятно было – с доброй душой. Конечно, жена немного для порядка ворчала, а Федосеич, уходя в забытье, не раздеваясь, погружался в глубокий сон.

Была у него собака, обыкновенная небольшая дворняжка, и звали её Бим. Такая добрая, невредная, не злая. Если и погавкает на кого из прохожих, то так, вроде для порядка, на то она и собака, но никогда не пыталась укусить. Как известно, Федосеич был и гармонистом. Выйдет, бывало, с гармошкой, сядет на порог и наигрывает разные мело-

дии, как он говорил, вариации. И как только начинает играть, Бим из-под сеней начинает подвывать. Перестанет играть – и собака замолкает. «Стоп, – думает Федосеич, – надо обучить Бима».

Подозвал его, посадил рядом и начал наигрывать мелодии. Бим начал подвывать, да так грамотно, что даже в тональность попал. С того дня и начались у них репетиции. А потом они стали давать представления возле дома для желающих послушать поющего пса. И всякий раз, когда хозяин давал команду петь, ни разу пёс не отказывался. Долго существовал их дуэт, пока пёс не состарился и не издох.

РЫБАЛКА

Федосеич смолоду и до самой старости не был рыбаком. Да и когда ему было заниматься рыбалкой? Вся жизнь в труде и заботах. В молодые годы (родился в 1921 году) жизнь была тяжёлая: бедность, голодное послевоенное время, потом служба в армии, Отечественная война, опять же голодное время, семья. В 1954 году сгорел дом. Начал своими руками строить новый. Ни денег, ни одежды, ни помощи не было. Народилось к тому времени четверо детей. Тяжёлый труд дни и ночи. В новом доме родился пятый ребёнок. В колхозе работали за трудодни, денег не платили. Чтобы прокормить семью, ездил на заработки в другие районы и даже в другие области. В 1965 году снова беда – умерла дочь в 15 лет. Потом стали подрастать дети, один за другим уезжали в город на учёбу, расходы увеличились. Так вот всю жизнь до старости вместе с женой и работали не покладая рук.

И вот настало время, когда не надо работать, не надо обеспечивать детей, хорошая пенсия по инвалидности (в 1943 году получил тяжёлое ранение). Задумал он как-то раз пойти на рыбалку на озеро. Поймал с десяток карасей, понравилось. На второй день снова пошёл. И так изо дня в день, да так втянулся, что не мог оторваться от этого занятия. Стал придумывать насадки, чтобы клёв был хоро-

шим. И придумал. Кроме навозного червя и хлеба тогда рыбаки больше ничего не применяли, а Федосеичу пришло в голову использовать опарыша. Результат был ошеломляющий. Он столько наловил карасей, да таких крупных, что от радости бежал домой, едва касаясь земли, можно сказать, летел. Стал разводить опарыша и ловил на него втайне от рыбаков. Рыбаки удивлялись уловам и не могли разгадать его хитрости. Но однажды всё же не выдержал и выдал свой секрет. Недалеко от него рыбачил директор школы. Видит – у Федосеича клюёт, а у него нет.

– Федосеич, открой секрет. Ну что же это,

ты ловишь, а я – нет.

Федосеич молча подошёл, улыбаясь, отсыпал ему опарыша и подсказал, как надо цеплять на крючок. Тут и у Афанасьича (так звали директора) начался клёв.

Ходил Федосеич на рыбалку каждый день. Вставал рано, ловил до наступления жары, отдыхал до вечера – и снова на рыбалку. То на озеро пойдёт, то на речку, то с берега ловит, то с лодки, а то построит мостик. И следит, чтобы его место никто не занял. От недосыпания и недоедания еле ноги передвигал, а остановиться не мог. Карасей насушил целый мешок. А сушил он их на чердаке.

Однажды затеялся покрасить фронтон на доме. Поставил банку с краской на карниз, как раз над лестницей, по которой поднимался на чердак, а сам спустился вниз. К этому времени у него просолились караси, и он решил их повесить на чердаке сушить. Стал подниматься снова по лестнице с карасями, а про банку с краской позабыл, да и зацепил её головой. Банка опрокинулась, и краска вылилась ему на голову. Вот тут уж было смеху над ним! А ему не до смеха: пришлось стричься наголо и отмывать краску керосином. Но рыбалку не бросал, пока был в силах, а уж когда занемог, то оставил полюбившееся ему занятие.

СВАДЬБА

Федосеич и на свадьбе был заметной личностью. Он мог и тост произнести, и спеть, и на гармошке сыграть, и выпить, конечно, был горазд. А кто же на свадьбе не выпивает, на то она и свадьба (все так говорят на селе).

Свадьба была на Красном Хуторе. Женится сын племянника. Дорога неблизкая, четыре километра пройти пешком. С утра сборы.

– Бабка, я готов!

– Да ты, дед, с ума сошёл, ты зачем так вырядился-то? Сними щас же! Я с тобой с таким не пойду. Ишь чаво удумал.

Федосеич стоял перед ней в военном кителе с погонами СА, с медалями на груди и в шляпе.

– Нет, бабка, снимать я не буду, за эти

медали я воевал.

– Да ты же на свадьбу идёшь, зачем тебе там медали?

– Ты ничего не знаешь, бабка, мне так надо.

Вошёл Федосеич в посёлок бравым солдатом и, конечно, вызвал удивление и восторг. Родственники знали, что Федосеич горазд на выдумки, это он решил повеселить публику.

В начале застолья он попросил дать ему слово. Говорил Федосеич, как всегда, долго, ну очень долго. Он всегда так, начинает говорить и не знает, как закончить. Многим уже надоела его речь, уже раза по два, а то по три выпили, а он всё говорит. Закончив речь, выпил стакан самогона, налитый по рубец. После второго начал петь: «Ехал парень на телеге...», «По диким степям...». Пел он, конечно, хорошо, и его просили спеть ещё. Но самогон сделал своё дело. Запьянел Федосеич крепко и решил выйти покурить. Дело было осенью. Земля на Хуторе чернозёмная, жирная, скользкая. Пошёл он прогуляться. И надо же ему было идти краем лужи. Съехала нога как по маслу в сторону лужи, подвернулась вторая, и сделал он мягкую посадку в жирную жижу. Стал вставать, но не тут-то было. Не зря же он пил самогон. Ноги снова разъехались в стороны, и снова шлепнулся в лужу. Понял, что стоя не выбраться из ловушки, только на четвереньках можно преодолеть это препятствие. Выполз на траву, встал на ноги: ни погон, ни золотых пуговиц, ни медалей не видно. Выбежала жена, и, конечно, с досады он получил бы от неё. Но как? Тут грязь спасла его. Не захотела вымазаться. Умылся он из бочки дождевой водичкой, отмыл руки. Сняли с него китель, одним словом, переодели, и завалился он спать на печку до утра.

Наутро, конечно же, стали над ним смеяться, спрашивали, как же это так случилось, наверное, лишнего выпил? Но Федосеич и тут нашёлся, как ответить.

– Самогон тут ни при чём, это меня медали перетянули, слишком много их, из-за них я и упал.

А был другой случай, тоже на Хуторе и тоже на свадьбе. Вышел он во двор, а там

была корова. Подошёл к ней, чтобы погладить. Учужала корова спиртное (коровы, видно, не любят этот запах), свалила бедного Федосеича и начала бодать. Люди увидели, подбежали, а он лежит, держится руками за рога, да ещё и шутит: «Вот, хотел поздороваться, а она меня свалила».

КОТ И ЩИ

Федосеич мог не только шутки шутить, дома строить, но был он и хорошим поваром и пекарем. На многих пекарнях работал, выпекал хлеб и в Перкино, и в Заречье, и в Семикинском лесоучастке, и в Кулеватово.

Нечасто, но, когда припадала охота, готовил он что-нибудь необычное для семьи и называл эти блюда тоже необычно. Например, картофельные оладьи – это у него были французские поляши. То приготовит мясные биточки, то суп из консервов, то подливку к картошке, а то затеется и испечёт хлеб в печке. А когда жена заболела и не могла готовить, то он сам и стирал, и готовил.

Затеялся он однажды сварить щи из курицы. Готовил долго, всю душу вложил. Пообедал. Доволен был. Как же, с перчиком ел да с чесноком. Любил он это дело. Натрёт перцу так, что во рту огнём горит, а ему нипочём. А чеснок у него всегда был на столе, к любому блюду. Из-за этого чеснока и бывали локальные схватки с женой, потому что много шелухи от него оставлял на полу возле стола. Когда щи остыли, вздумалось ему перенести их на другое место. Взял кастрюлю, сделал шаг и только приподнял ногу для второго шага, как тут... Упал он на пол вместе с кастрюлей, и щи с курятиной оказались на полу. А виной всему оказался кот Кузя, который в это время подвернулся под ногу... После этого кот дня три не появлялся на глаза хозяину. **А**

Продолжение следует

Марк НЕКРАСОВСКИЙ

СЕПАРАТ

ОКОНЧАНИЕ, НАЧАЛО В № 6 (ИЮЛЬ)

И толпа, ещё мгновение назад бывшая единым организмом, вдруг опять превратилась в отдельных индивидуумов, которые с недоверием смотрели друг на друга. Геннадия рассмешила речь пана президента. Надо же – по внешнему виду искать сепаратистов. На них, наверное, будут георгиевские ленты повязаны? Или майки с портретом Путина? Или сепаратистов будут искать по форме черепа?

Один из соседей Геннадия, пенсионер в кепке с вышитым трезубом, вдруг закричал тонким фальцетом: «Нашёл! Нашёл!» – и неожиданно крепко для его возраста схватил Геннадия за руку. И – о ужас! – на его, Геннадия, сумке, висевшей на правом плече, какая-то сволочь привязала георгиевскую ленту. Кольцо из разъярённых людей плотно сжалось вокруг Геннадия. Он почувствовал удары, щипки и упал на брусчатку, потеряв равновесие. Всё, конец! Сейчас его затопчут насмерть «братья» и «сёстры».

Избиение властным окриком остановил пан президент: «Мы европейская держава и будем судить этого сепаратиста по закону». Геннадия подняли и, передавая из рук в руки, перетащили к помосту, на котором стояла вся козлиная братия. Пан президент продолжал: «Мы его будем судить всем миром. Как вы решите, так и будет». И майдан, снова ставший единым организмом, начал кричать: «Москаляку на гиляку! Москаляку на гиляку!» Главный козёл подвёл итог: «Как панство решило – так и будет!» Зазвучал марш сечевых стрелцов, и занавес за спинами «козлов» начал раздвигаться, открывая вид на эшафот и длинный ряд верёвочных петель. Геннадия потащили к петле, поставили на табурет и накинули петлю на шею. И Геннадий понял, что

это конец. Эти не пожалеют. Кролик называл всех луганчан и дончан «генетическим мусором» и «недочеловеками». Юлька предлагала всех сжечь «ядерной бомбой». И каждый из этих «козлов», каждый без исключения, был по горло в крови мирных жителей Донбасса. И толпа, которая поставила «козлов» во власть и поддержала войну, была не менее них виноватой в убийствах. От неё ему ждать пощады нельзя. Геннадий закричал. Вернее – завыл. Тоскливо, протяжно, безнадежно. Так кричат от безысходности, когда всё уже решено, решено не тобой, и спасения нет...

Геннадий проснулся от собственного крика. Сердце вырывалось из груди, пульс – под двести ударов. Ещё немного такого сна – и кондрашка хватит. Да и не сон это, а кошмар. Кошмар, реальный до ужаса. Даже тело болело от щипков и ударов, полученных во сне. В последнее время кошмары снились Геннадия почти каждую ночь. То теракт в супермаркете и лежащие на полу без движения жена и сын, а кругом – убитые и раненые. То пьяные добробатовцы, избивающие его и сына до смерти и тянущие жену Геннадия в кусты. Каждый новый кошмар страшнее предыдущих. Семья не проснулась от крика Геннадия – все спали с берушами. А соседи? С соседями и так хорошие отношения не сложились – пусть терпят. Если правда, что сны – это наши потаённые желания, а кошмары – наши страхи, то доля ответственности за его кошмары лежит и на соседях.

Как так получилось? Геннадий помнил, как встречали первых беженцев («переселенцев») из зоны АТО и Крыма – как героев. Не остались с сепаратистами-террористами, не сбежали в Россию. Наши! Настоящие

украинцы. Правда, встречали и помогали в основном добровольцы-волонтеры за свои или собранные с небезразличных людей деньги. Да и ненадолго всё это. Максимум две-три недели, ну месяц от силы. Пан президент обещал. Но время шло, поток беженцев только увеличивался. Шли месяцы, а затем и годы. Пошли первые раненые и убитые. Дебальцевские и иловайские котлы с тысячами убитых и раненых отрезвили самых ярких майдановцев – пропала вера в молниеносную победу. Разрыв связей с Россией оказался фатальным – продукция украинской промышленности стала невостребованной. Запад сам хотел бы продать свои товары, а Россия – «страна-агрессор», и ей продавать нельзя. Все заводы, кроме тех, которые были связаны с войной, закрылись. Рабочих уволили или выгнали в бессрочные неоплачиваемые отпуска. В стране безработица, а тут беженцы, готовые работать на любых условиях и за копейки. Квартиру не снимешь – цены, опять же из-за беженцев, поднялись. Сочувствие и понимание сменялись ненавистью и неприятием. Геннадий вспомнил телефонный разговор с Ленкой, одноклассницей, которая переехала из Луганска в город Северодонецк, ставший областным центром Луганской области. Работу ей дали такую же, как и была в Луганске, – в административной структуре, а вот поселили «временно» в санатории, в комнате с четырьмя беженками. Наступила зима, и хозяин санатория, не получивший ни копейки от государства, отключил в нём свет, воду, тепло и электричество. Елена плакала и спрашивала совета: «Что делать? В Луганске нет работы, а Северодонецке нет жизни». Что ей посоветуешь? Терпи! Может, завтра война кончится, и мы все вернёмся? Но постепенно приходило понимание и даже уверенность, что прежней жизни уже никогда не будет. И те луганчане, что остались в Луганске, не будут жить под Украиной. И добробаты, пока не вырежут всех сепаратистов, то есть всех оставшихся, не успокоятся. Елена плакала: годы идут, а жизни нет, – а Наташка ожесточилась. Геннадий учился с ней в одной академической группе в пединституте, а потом, после выпуска, хоть и не дружили, но время от времени

общались. Нормальная была девчонка! И на тебе – позвонила общему знакомому Семёну, оставшемуся в Луганске, и начала кричать в трубку телефона: «Вас, сепаров, всех надо убить! Всех, кто в городе остался! Разбомбить с самолёта! Всех без исключения!» Семён пытался взывать к Наташкиному разуму: «Здесь же твои родители остались. Их тоже убить?» А в ответ – площадная брань и пожелание своим же родителям побыстрее сдохнуть. Выключил мобильный Семён. Спорить с такими бесполезно.

Наташка удивила. Хотя если посмотреть, то самые отпетые украинские националистки получают из бывших коммунисток. Одна Фариян чего стоит. Та самая Фариян, которая рассказывала первоклассникам, что если мальчика зовут Ваней, а не Иванко, то он должен собрать чемодан и уехать в Россию. Недаром Хайдарыч, бывший друг, ставший ярким украинским националистом (кстати, тоже в прошлом коммунист), серьёзно утверждал, что правительство Украины должно вручить Фариян медаль за потерю Крыма. Шутка, в которой слишком много правды. Правда, какие они коммунисты? В партию лезли ради должностей и денег. Если завтра к власти придут люди нетрадиционной ориентации, то хайдарычи и фариянши не колеблясь вступят в их ряды.

Хайдарыч – тот ещё фрукт. Мама – русская, папа – волжский татарин, а туда же – украинский националист. Рассуждает о культуре триполья – прародины украинцев – с такой убеждённой уверенностью, что и не переспоришь. Твердит, мол, древние украинцы-трипольцы могли одной лишь силой воли убивать врагов на расстоянии. И это при том, что от трипольской культуры не осталось письменных источников. Только керамика с определёнными узорами. И язык, мол, украинский самый древний. И хетты говорили на украинском. А первый город в Европе догадались чей? Украинский!!! А Чёрное море кто выкопал? Украинцы!!! А казаки-характерники? Маги, колдуны. Потомки трипольцев. Наверное, Хайдарыч до сих пор с удовольствием читает о Гарри Поттере и верит в Деда Мороза. А когда началась АТО, Хайдарыч, нисколько не сомневаясь, по-

шёл в СБУ и сдал всех своих знакомых «сепаратистов», тех, кто думал не так, как он. И при этом страшно возмущался, что там ему не заплатили ни копейки. «Зачем ты настучал на своих друзей?» – спросил его Геннадий. И Хайдарыч ни на секунду не задержался с ответом: «Я не стучал. Я сотрудничал».

А Семён был и остаётся для Геннадия единственным источником правдивой информации о жизни в Луганске. Геннадий звонил и спрашивал, как живёт город. И слыша каждый раз, что жить трудно, но многое делается для улучшения ситуации, не злорадствовал, а радовался и даже завидовал – да, им трудно, но они дома. Сам бы вернулся, так ведь работы нет. Хотя поначалу жаловаться на жизнь ему было грешно. В отличие от большинства своих друзей и знакомых, Геннадий переехал в Киев довольно удачно. Выехав одним из первых, он сумел перевезти на своём автомобиле не только семью, но и все деньги и ценности. Снял квартиру. Пусть и не в центре, но недалеко от станции метро и относительно, по киевским меркам, недорого. Более того, снял модуль на авторынке и открыл точно такую же торговлю автомобильными скатами и шинами, как и в Луганске. Весь свой товар Геннадий закупал в Европе. На момент начала войны последнюю партию он не успел растаможить в Одессе. Повезло. Всё перевёз в Киев и стал торговать. Луганчан в городе много. Есть и небедные. На иномарках. Старые клиенты. Узнали, где торговая точка, и стали приезжать по мере необходимости. Бизнес пошёл. И с клиентами Геннадий умеет разговаривать, любой разговор поддержит: недаром окончил исторический факультет, «комиссарский», – язык подвешен. Ведь кроме качественного товара в торговле всегда нужно уметь этот товар правильно подать. Когда селёдку продают – подсолнечным маслом смазывают, чтоб блестела. Так же и скаты смазывают. Для этого у Геннадия и силикон специальный, и щётка для обработки.

Соседи по ряду на рынке, торгующие таким же товаром, как у Геннадия, становились с утра к нему в очередь, чтоб натереть свои скаты его силиконом и его же щёткой. Геннадий не удивлялся. Любовь к халяве – это, наверное,

наша национальная черта. Пытаясь сблизиться с соседями по торговле, Геннадий несколько раз приносил на рынок водку и закуску. Сосед должен быть другом. И за товаром приглядит, когда надо отойти, и, когда вор рядом, товар не даст украсть. В Луганске все рыночники дружили между собой. И праздники, и горе – всё было общим. Слово дал – держи. А здесь улыбаются в лицо и делают гадости. Водку соседи выпили, еду съели, а потом, отвернувшись, каждый ел своё, принесенное из дома. Ментальность такая. Что тут сделаешь?

И сегодня Геннадий взял коньячок, сухую колбаску и лимон. Ещё одна попытка наладить контакты. Геннадий вышел пораньше, чтоб не встречаться с гопотой, тусующейся во дворе. В последнее время она стала проявлять к Геннадию и его семье повышенное внимание. Они же луганчане, а значит, из-за них все беды, начиная от подорожавшей водки и кончая убитым на войне племянником. Оставив машину на платной стоянке, Геннадий вошёл в рынок и подошёл к своему ряду, в котором стоял его торговый модуль. И остолбенел от увиденного. Один из соседей заносил в свой модуль лестницу-стремянку. Другой держал в руках кисть и банку с краской. А на модуле Геннадия, над дверью, большими транспарантными буквами, так, чтобы было видно издалека, его «дорогие» соседи написали краской слово-приговор – «СЕПАР». Стараясь сохранять спокойствие, Геннадий открыл модуль, разложил товар и стал натирать щёткой с силиконом скаты. А затем так же неторопливо, можно сказать демонстративно, нарезал колбаску и лимон, открыл коньяк и налил себе стопку по самый край. И соседи, абсолютно не стесняясь, тут же оказались возле его модуля. «Наливай, Генчик, чего ждёшь? – Секундная пауза. – Я возьму твою щётку и силикон?» Геннадий не ответил. Налил себе ещё стопку и не торопясь, наслаждаясь содержимым, допил её. Съев кусочек колбасы, ответил: «Вам коньяк вреден. Особенно чужой – давление повышает. И силикон пора свой купить – не обеднеете». Улыбки сползли с лиц «друзей-соседей». А Геннадий, взяв в руку монтировку, вышел из модуля и, не повышая голоса, спросил: «Есть ещё вопросы?»

Вопросов не было. Забились шакалы в свои модули и носа не показывали. Но мавр своё дело уже сделал. В десять утра появился постоянный покупатель Геннадия. Тоже выходец из Луганска. Но, увидев надпись на модуле, он, не глядя в глаза Геннадию и не здороваясь, прошёл мимо и купил скаты у конкурентов. После обеда история повторилась дважды. А перед закрытием к модулю подошёл директор рынка и, тоже не глядя в глаза, предупредил, что договор аренды он не будет продлевать по понятной им обоим причине.

Геннадий закрыл модуль и пошёл на стоянку, где находилась его машина, чтобы продлить время парковки: ездить нетрезвым он себе никогда не позволял. Рядом со стоянкой толпились люди и стояли машины «Скорой помощи» и милиции. «Что случилось?» – спросил Геннадий у одного из зевак. Тот посмотрел на него и ответил: «Да сторожа избили. Не давал машины с донбасскими номерами крушить. Пришли тут молодчики в балаклавах искать внутренних врагов. Дурак. Зачем он вмешался? Так им, донбасским, и надо!»

Геннадий посмотрел на свою машину – окна выбиты, капот помят, фары разбиты, колёса проколоты. Посмотрел и плюнул. Что тут сделаешь? Домой он добирался на метро. Но нет худа без добра. Приехал бы на машине – попал бы под руку банде Вовки-атошника. Тот его поджидал возле придомовой стоянки. Обещал переломать Геннадию все рёбра как представителю луганских сепаров. Да не вышло. Подошёл Геннадий к подъезду с другой стороны и успел заскочить в него раньше, чем гопники добежали.

Дома тоже не всё в порядке – жена в слезах, а сын заперся в своей комнате и молчит. Пришёл домой из школы в грязной одежде, синяк под глазом. Сын долго отмалчивался, но затем признался. Бил его за школой весь класс. Учили Украину любить. Пел гимн Украины и кричал: «Слава Бандере». Пел, пока не охрип. Только после этого отпустили.

Сел Геннадий на диван. Посмотрел на жену и сына и сказал: «Всё! Возвращаемся! Хватит! Нагостились! Товар скину по закупочной. Не купят – тут его брошу! Семён не пропал, и

мы не пропадём. Там мы дома, а здесь чужие. И своими никогда не станем!» И повеселели и сын, и жена. И Геннадию сразу стало на душе легко и радостно. Правильное решение.

Жена расставляла тарелки на столе – пора ужинать. И тут Геннадий увидел в углу кухни спортивную сумку. «Чья это сумка?» – спросил он. «Да это к тебе Хайдарыч заходил. Наверное, он и забыл», – ответила жена. Геннадий взял мобильник и набрал Хайдарыча. «Привет! Как дела? Что нового?» А Хайдарыч всё о своём: «Будущее независимой Украины важнее судьбы простого гражданина! Счастье для истинного украинца – пожертвовать своей жизнью ради благополучия Родины!» Так сам бы и жертвовал. А то сидит в столице – на войну не идёт. Пусть другие умирают?

Да ну его к чёрту! Не до него. Выключил Геннадий мобильник и сидит мечтает, как он возвратится домой. Мечты его прервал настойчивый звонок в дверь. Наверное, Хайдарыч за сумкой пришёл. Жена пошла открывать и как-то странно вскрикнула в коридоре. В квартиру ворвались люди в военной форме с автоматами наизготовку. СБУ! Три секунды – и сын, и Геннадий лежали на полу, расставив руки и ноги. Один из одетых в военную форму снимал всё происходящее на камеру. В комнату пригласили понятых. Главный (в руках у него была кожаная папка) взял сумку Хайдарыча и пригласил понятых осмотреть содержимое. А смотреть было на что. Гранаты, взрывчатка, пистолет, патроны и главный компромат – георгиевская лента. Ну и сука ты, Хайдарыч! Провокатор. Вот он о чём долдонил! Это он моей семьею пожертвовал ради счастья Украины! Интересно – денег ему теперь дали за сотрудничество?

* * *

На следующий день телеагентства Украины дали бегущей строкой новость о раскрытии диверсионной группы сепаратистов в составе трёх человек, занимавшихся сбором информации и готовивших ряд террористических актов. Новость большого интереса не вызвала – каждый день такие же группы разоблачают. СБУ не спит. Работает.

ПАРАДОКС

СОЧИНЕНИЕ-ЭССЕ

Детство... Это самая яркая, самая счастливая пора человеческой жизни. Все когда-то были детьми, не любили есть кашу с комочками и рано ложиться спать, часто приходили в промокших сапогах и грязных штанах, потом обычно получали нагоняй от родителей и обижались до конца дня, но чаще убегали и жаловались бабушке с дедушкой, а после со спокойной совестью садились есть стругню своих защитников, а вечером – обидчиков. Поистине прекрасная пора! Родители, их безусловная любовь, свобода, игры, друзья, открытия – вот он, синонимический ряд слова «детство». Но стоит задуматься, у всех ли было так, все ли дети познали такие радости жизни, как родительская любовь и поддержка, ожидание сладких подарков на Новый год и так давно выпрашиваемых собак или кошек на день рождения? К сожалению, даже в наше время «детство» и «счастье» не всегда синонимы. Я думаю, что это один из парадоксов человеческой жизни.

В этом году исполняется 150 лет со дня рождения М. Горького. И это прекрасный повод обратиться к его творчеству, поразмышлять, почитать что-то новое и важное. Этому писателю, испытывавшему в детстве много горя и рано потерявшему родителей, как никому другому известны тайны детской души, униженной и оскорбленной поступками взрослых, живущих в ненависти друг к другу, не способных задуматься над высоким смыслом слова «человек», над его предназначением в мире. Наверное, поэтому в своих книгах он рисует мир детей и взрослых таким образом, что невольно хочется вмешаться и помочь, пожалеть. К таким произведениям можно отнести рассказ «Страсти-мордасти», который входит в сборник «По Руси». Я прочитала его в этом году впервые.

Название сразу заинтриговало меня. Я предположила, что «страсти» – это страшные события, а «мордасти» – значит мордастые, то

есть не с лицом, а с мордой. В общем, будет какая-то страшная по человеческим меркам история. Мои предположения оправдались, и я погрузилась в размышления, которыми хочу поделиться.

В основе сюжета – история о мальчике-инвалиде Лёньке, который сидит в своём ящике, у него больные ноги, и он, как его маленькие сокровища: жучки, мухи и пауки, – не может попасть туда, где ему будет хорошо. Мальчик, несмотря на свой недостаток, имеет прекрасную внешность: «Личико у него было серьёзное, остроносое, с пухлыми, точно у девочки, губами, – личико, написанное тонкой кистью и поражающе неуместное в этой тёмной, сырой яме...» С помощью деталей портрета автор изображает ребёнка, похожего на ангела, но среда, в которой он живёт, ужасна, и именно её уродства сформировали искажённое представление Лёньки о мире вообще.

Присмотримся к его занятиям, прислушаемся к его речи, чтобы яснее представить, чем живёт этот ребёнок, что он чувствует. Язык – зеркало души, образа мыслей. Скверные выражения, которые Лёнька использует по отношению к матери («курва», «шкура»), не придуманы им, а услышаны от людей во дворе или ночных «гостей». Ужас состоит в том, что «дурочка из переулочка» для него звучит так же нормально, как «мамка». Почему? Да потому что он не видел других отношений, не слышал других слов. Развлекается Лёнька игрой в «зверильнице». Не удивительно, что имена и характеры «зверей» – это точная копия людей его круга: таракашка Анисим, он напоминает Лёньке хвастливого солдата; муха-Чиновница, «сволочь, всех ругает», его мамку за волосы таскает; жук дядя Никодим, «странник, из жуликов которые». Читая, я хотела вырваться из этой компании и бежать. Но мальчик лишён этой спасительной возможности, да и не видит в этом ничего предосуди-

тельного, даже напротив... Его радуют визгливые звуки шарманки. Слова матери: «Потерпи, а то мне без тебя скучно» – спасают от пыли, которую она пускает, когда щиплет паклю. Мир, который он видит, ограничен размерами окна. Самое страшное, что это не фигура речи (литота), а правда. И даже это крохотное окошко чаще всего забрызгано грязью!

Каждому человеку свойственно мечтать, в своих мечтах мы можем быть счастливы. Но когда я узнала, о чём мечтает Лёнька, то в полной мере ощутила тот мрак, в который он ввергнут обстоятельствами жизни. Даже редкие прогулки на улице, как лучики света в его подвале, не могут подарить ему того счастья, которое, по его мнению, подарило бы поле, обычное чистое поле: «Ничего нет, только трава да цветы... издохну и не увижу никогда». Вот что его радует и огорчает одновременно. Ради этой убогой мечты он живёт. Но она отражает такую примитивность его развития! Это невозможно читать без содрогания сердца.

Винит ли автор в этом мать мальчика? Конечно, да. Но, как талантливый психолог и знаток человеческих душ, он ищет первопричину её нравственного падения, душевного опустошения. Когда-то её любил старичок-нотариус, у которого она была горничной. Социальное превосходство и человеческая подлость сделали своё губительное дело. Я думаю, от безысходности и отчаяния она и стала пить: «Хорошо утешеньце у меня? Кабы не он – утопилась бы давно, удавилась бы...» Автор подмечает, что «говорила она, как ребёнок, строй её речи напоминал девочку-подростка». Зачем он это делает? Из сострадания к женщине, у которой не было возможности получить нормального образования и воспитания. Теперь это повторяется с её сыном. Но когда-то надо разорвать этот замкнутый круг?! Мне кажется, такие же чувства испытал автор, записывая эту историю, подсмотренную в реальной жизни.

М. Горький не выпячивает собственного мнения, он рисует словесную картину, а право выводов оставляет за нами. Хочется отметить, что картина грустнейшая, хотя и талантливо выписанная. Я считаю, что в этом рассказе показана парадоксальность жизни XX века,

обусловленная социальными причинами. Парадокс – явление, противоречащее обычным представлениям, не соответствующее естественным ожиданиям. В чём он проявляется? Люди, осуждающие и оскорбляющие женщину, не смогли ожесточить её и убить любовь к сыну. Мальчик, похожий на ангела, вынужден жить в подвале, в ящике, среди паутины и грязи, двенадцать лет своей жизни. Сны, в которых он видит деревья, растущие корнями в небо и метущие листьями землю, и дом, едущий по улице, отражают парадоксальность мира детской души, его уродливость. Мир, в котором всё не так, надо менять!

Это ли не парадоксально, что словами «уродливость», «убогость», «мрак» приходится говорить о детстве, «самой счастливой поре в жизни человека»? Я уверена, что дети не должны жить в ящиках, они не должны просить маму помыть им окошко, чтобы увидеть солнечный свет, им незачем знать о том, с кем имеют связи их родители, и уж тем более видеть это самим. Мне хочется, чтобы Лёнька был счастлив, чтобы его мечта – побывать в поле – осуществилась, чтобы мать бросила пить и взялась бы за ум. Я, к сожалению, понимаю, что не могу ничего изменить в прошлом. Я всего лишь ребёнок, живущий в другом веке. Кто знает, как сложится моя жизнь. А пока мне остаётся только перечитывать последнюю фразу произведения: «Я быстро пошёл со двора, скрипя зубами, чтобы не зареветь» – и растирать по щекам собственные слёзы. Я думаю, что сострадание, вызванное таким замечательным рассказом, отзовется в сердцах читателей желанием согреть кого-то рядом любовью и заботой, перерастёт в добрые поступки. Я хочу, чтобы никогда взрослые не пели детям песню «Страсти-мордасти», наводящую ужас. У нас есть другая песня:

*Должны всегда смеяться дети
И в мирном мире жить!*

Давайте так жить и так петь!

Виктория МИНАЕВА
учащаяся 8-го класса Мановицкого
филиала МБОУ «Новоникольская СОШ»,
педагог-руководитель Нина
Викторовна Игнатова

«АЛЕКСАНДРЪ» В ДОМЕ РОССИИ НА СИЦИЛИИ

28 МАЯ 2018 ГОДА В ГОРОДЕ КАТАНИЯ, В ДОМЕ РОССИИ НА VIA POLITI, 8, ПРОШЛА ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «АЛЕКСАНДРЪ», КОТОРАЯ ВЫЗВАЛА БОЛЬШОЙ ИНТЕРЕС НЕ ТОЛЬКО У РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖИТЕЛЕЙ СИЦИЛИИ, ПРОЖИВАЮЩИХ В КАТАНИИ, СИРАКУЗАХ, ТАОРМИНЕ, АЧИРЕАЛЕ, НО И У ПОЧЁТНЫХ КОНСУЛОВ ТУРЦИИ И АЗЕРБАЙДЖАНА, А ТАКЖЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ СИЦИЛИИ.

В ходе встречи, которая продолжалась в течение трёх часов, перед слушателями выступил главный редактор журнала «Александръ» Анатолий Труба, рассказавший об истории создания журнала, направлениях его деятельности и желании привлечь новых читателей и авторов.

Слушатели задавали вопросы о возможности получения журнала в Италии

(который, к слову, будет распространяться через библиотеку Дома России в городе Катания). Прозвучали вопросы, связанные с внутренней политикой России, в частности с цензурой и свободой слова. В ответ гости и участники получили удовлетворившие их ответы о том, что Россия – свободная страна с умными, думающими, творческими людьми.

В последующем перед присутствовавшими выступила президент ассоциации «Дом России» Татьяна Павлова, которая рассказала о его деятельности на Сицилии, предоставив возможность раскрыть работу центров русского языка в Италии, входящих в «Дом России», Ульяне Мaziной и Ларисе Волощук, что было воспринято зрителями с энтузиазмом. Также Татьяна Павлова выступила с инициативой об избрании главного редактора журнала «Александръ» Анатолия Трубы почётным президентом ассоциации «Дом России», предложение было принято единогласно. Эту должность до своей безвременной кончины 27 февраля 2018 года занимала известный русский писатель, поэт, публицист и общественный деятель Лариса Васильева. В завершение встречи активистам Дома России на Сицилии были вручены награды ведомственных и общественных организаций Российской Федерации.

1 июня 2018 года состоялась деловая встреча представителей Дома России на Сицилии в лице президента Татьяны Павловой, главного редактора журнала «Александръ» Анатолия Трубы с директором аграрного института Катанского университета Сальваторэ Лучиано Косэнтино и профессором экономики Джованни Синьорэлло, в ходе которой было достигнуто соглашение о совместной научной работе, издании статей и публикаций, а также помощи в обмене студентами и учёными из России и Италии.

Проведённые встречи стали первыми шагами по взаимодействию литературно-исторического журнала «Александръ» и ассоциации «Дом России» на Сицилии. О ходе дальнейшего сотрудничества будет рассказано на страницах нашего издания, российской и итальянской прессы. **A**

СВЯТО-НИКОЛЬСКАЯ МАМОНТОВА ПУСТЫНЬ

село МАМОНТОВО

В монастыре Мамонтова пустынь монахи начали селиться с начала XVI века. Здесь старец Мамонт в начале XVII века обрёл образ Николая Можайского. В 1629 году на этом месте по указу царя Михаила Феодоровича был основан монастырь на землях его матери Ксении Ивановны Романовой (инокини Марфы).

В течение своего существования Мамонтова пустынь получала значительные пожертвования, в том числе от царя Алексея Михайловича. При Екатерине II в результате церковной реформы в 1764 году монастырь был упразднён, но его Свято-Никольский храм долгие годы действовал. Он не вмещал всех желающих здесь помолиться, его дважды перестраивали.

В 1905 году в честь рождения наследника престола на территории Мамонтовой пустыни была создана женская Алексеевская община. Местные жители пожертвовали ей большие средства, на которые в 1915 году был построен каменный храм, разрушенный в 1952–1955 годах.

В годы советской власти окрестные жители создали крестьянскую общину-коммуну, берега озера и бассейн реки Красная Дубрава были распаханы, в водоёме пытались разводить птицу, но безрезультатно: она погибала, как говорили, «не выдержав святости». В местном колхозе имени Вильямса занимались овощеводством и бахчеводством. Храм использовался как овощехранилище и магазин. На месте монастырского некрополя велась частная застройка.

В начале 90-х годов началось возрождение Мамонтовой пустыни: построена часовня, келейный корпус. На Николу Вешнего, 22 мая, собирается до 4 000 человек. С 2005 года во время молебна наблюдается радуга в течение нескольких десятков секунд в любую погоду – одно из чудес этого места.

**Религиозная организация
«Никольский женский монастырь»**

с. Мамонтово Сосновского района
Тамбовской области Мичуринской
епархии Русской православной
церкви (Московский Патриархат).
ИНН 6818028617
КПП 681801001

Банковские реквизиты:

р/с 40703810061000000166
Тамбовское отделение № 8594 ПАО Сбербанк
Место нахождения банка получателя:
392036, г. Тамбов, ул. К. Маркса, д. 130
БИК банка получателя: 046850649 Кор/с 30101810800000000649
ИНН банка 7707083893 КПП банка 682902001
Назначение платежа: Пожертвование на уставную деятельность.

